

167/2

ISSN 0134-2428

ISSN 0130-1748

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ВЫПУСК 1

1981

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Год основания журнала 1957 Год основания серии 1963	Периодичность журнала 15 номеров в год Периодичность серии 3 выпуска в год	№ 1(331) Вып. 1	Январь 1981
--	---	--------------------	----------------

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Р. Г. Карагедов. Хозяйственный механизм социалистического общества: некоторые тенденции развития	3
Н. А. Васильева. Чистая продукция и проблемы оценки результатов хозяйственной деятельности в промышленности	12
П. А. Минакир. Эффективность развития экономического района в системе территориального разделения труда	22
Л. Г. Истомин. Некоторые проблемы управления социально-экономическими факторами эффективности труда	31
Б. Н. Хомелянский. Социальная инфраструктура сибирского региона	39
Л. П. Буфетова. Возможности использования динамической модели межотраслевого баланса для экономической оценки технического прогресса	46
В. М. Соколов, Л. Я. Шкрабин. О месте статистических методов в прогнозировании показателей развития отрасли	51
В. Л. Квинт. Разработка региональных программ научно-технического прогресса	60
Н. А. Береснева. Структурный анализ межотраслевых зависимостей производства, потребления и доходов населения в двух зонах СССР	65
Н. И. Пляскина. О подходе к перспективному планированию развития газодобывающего района севера Тюменской области	72

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

В. В. Алексеев. Динамика численности рабочих Сибири в период упрочения и развития социалистического общества (1945—1960 гг.)	80
И. М. Савицкий. Профессионально-техническая подготовка рабочих на предприятиях Сибири (1946—1960 гг.)	87
В. Е. Медведев. Корсаковский могильник и некоторые проблемы интерпретации чжурчженской культуры в Приамурье	94
А. В. Варенов. Иньские клевцы (по материалам могильника в западном районе иньской столицы)	103
С. А. Комиссаров. Чжоуские клевцы	108
С. Т. Кожанов. Ханьские клевцы	117

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

В. Г. Костюк. Интересы сельских школьников Тувы к образованию	126
А. А. Гордиенко. Приживаемость молодежи в регионах нового освоения Сибири (приживаемость как субъективный процесс)	134
М. М. Траскунова. Социально-профессиональные ориентации молодежи Новосибирской области	141

ФИЛОЛОГИЯ

Б. М. Юдалевич. Сергей Есенин и Василий Шукшин	148
С. И. Гимпель. Роман В. Шукшина «Любавины» в советской и польской критике	155

А. П. Дубнов. Перспективы развития производительных сил Сибири: цели, проблемы, решения	162
А. Н. Бегзи, К. О. Шакторжик. Развитию производительных сил Тувинской АССР — комплексный подход	169
М. П. Чемоданов, Р. Г. Яновский. Формирование личности ученого в условиях развитого социализма	170
И. Б. Карпунин, Л. Н. Ульянов. Трудовой подвиг рабочего класса и крестьянства Сибири 1945—1953 гг. Исторический опыт борьбы КПСС за восстановление и развитие сельского хозяйства крупного региона страны	172
Л. М. Горюшкин, В. П. Пропп, А. Т. Топчий. Крестьянские реформы в Сибири (1861—1899 гг.)	173
Г. Ф. Быков, Т. С. Мамсык. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40—90-е годы XVIII в.	175
А. Н. Федоров, В. П. Жуков. Семантика фразеологических оборотов	176

Р. Г. КАРАГЕДОВ

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Понятие хозяйственного механизма в экономической литературе трактуется по-разному: как механизм функционирования самого народного хозяйства и как механизм управления, т. е. сознательного, организованного воздействия на этот процесс. По-видимому, правомерны оба значения термина. В настоящей статье используется второе из них — как принятое в официальных материалах и более распространенное в печати.

Изучать хозяйственный механизм целесообразно с учетом требований комплексного подхода. Во-первых, этот механизм должен рассматриваться как управляющая подсистема в системе народного хозяйства. Исследование самого управляемого объекта, четкое определение его структуры и закономерностей развития — важное предварительное условие построения научно обоснованной теории управления этим объектом. Во-вторых, хозяйственный механизм представляет собой один из блоков более общей системы — управления общественным развитием. Он не может, очевидно, находиться в противоречии с общими для всех сфер жизни общества принципами управления, принятыми в данной социально-экономической формации. В-третьих, как всякая система управления, он включает совокупность функций — планирования, организации, мотивации и контроля, — тесно связанных между собой. Эффект взаимосвязи и взаимодействия этих функций не аддитивен по отношению к их локальным эффектам, и как целостная система управление обладает эмерджентными свойствами.

Еще одно условие анализа хозяйственного механизма — возможно более полный учет практического опыта руководства экономикой, накопленного странами социализма. В приветствии участникам XXIII сессии Совета Экономической Взаимопомощи Л. И. Брежнев говорил: «Развитие социалистической экономики в условиях разных стран дает широкие возможности для распространения и освоения эффективных форм и методов хозяйствования. Думается, что для пользы общего дела следовало бы активизировать работу по обобщению и использованию передового опыта. Он становится все более важным резервом нашего развития»¹. С учетом этих замечаний и строится дальнейшее изложение.

Методы управления социалистическими предприятиями базируются на сочетании прямых и косвенных средств регулирования хозяйственных процессов. То или иное их сочетание — не единственная, по одна из главных характеристик конкретной модели управления, используемой в данной стране на данном этапе ее развития. Главных потому, что

это сочетание предопределяет во многом устройство ключевых звеньев хозяйственного механизма — порядка разработки и реализации планов, ценообразования и материально-технического снабжения, организации инвестиционного процесса и финансово-кредитной системы и др. Организационная структура управления производством также формируется в непосредственной связи с основными принципами устройства названных звеньев хозяйственного механизма. Поэтому представляется достаточно обоснованной предложенная в научной литературе (в качестве рабочей гипотезы) классификация моделей управления социалистической экономикой по этому признаку — степени использования косвенных средств регулирования (товарно-денежного механизма)².

Общей тенденцией ранних этапов эволюции хозяйственного механизма является высокая степень централизации управления на основе директивного планирования, включающего обязательные натуральные показатели планов, и иерархической структуры отраслевого управления. Характерные черты такой схемы управления, связанные, по мнению ряда авторов, с преобладанием административных методов руководства, формального в ряде случаев характера хозрасчета, отраслевого принципа управления и другие, достаточно полно анализируются в экономической литературе социалистических стран³.

Общей закономерностью для развитых в промышленном отношении стран социализма можно считать переход в 60-х годах к модели управления экономикой, отличающейся более активным применением косвенных средств регулирования. Положительный эффект этой перестройки хозяйственного механизма как будто общепризнан. Например, в СССР экономические результаты хозяйственной реформы в промышленности, проводившейся на основе решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1965 г.), получили высокую оценку на XXIV съезде партии. Подводя первые итоги венгерской экономической реформы 1968 г., Я. Кадар отмечал: «За три года со времени проведения реформы укрепились социалистические производственные отношения, на более высокий уровень было поднято социалистическое плановое хозяйство, производство стало более планомерным»⁴. Вместе с тем в ряде стран в экономической печати отмечались и некоторые недостатки практики проведения реформ управления хозяйством; обычно указывалась недостаточная последовательность в проведении реформ 60-х годов, а также недостаточная увязка их отдельных мероприятий⁵.

На рубеже 60-х и 70-х годов в ряде социалистических стран можно отметить тенденцию возврата к некоторым характерным признакам прежней модели управления производством, т. е. усиление роли прямых централизованных методов управления. Эта тенденция проявилась вполне отчетливо в таких областях хозяйственного руководства, как ценообразование, капитальные вложения, формирование фонда оплаты труда предприятий, оценка их экономической эффективности (в частности, на базе расширенного круга директивных показателей плана). Именно она дала основания говорить о «перераспределении экономических функций между государственными органами хозяйственного руководства и хозяйственными организациями в пользу первых»⁶. Наконец, в 70-е годы вновь усиливается теоретическая разработка схемы управления, предполагающей широкую хозяйственную самостоятельность предприятий, и в

ряде стран социализма предпринимаются практические шаги в этом направлении, хотя сейчас еще рано говорить об их всеобщем распространении.

На новом, третьем этапе отмечается «дальнейшее развитие принципов демократического централизма, означающее усиление стратегических функций центральных органов при одновременном расширении относительной хозяйственной самостоятельности предприятий и повышении творческой инициативы трудовых коллективов. Уточняется понятие директивности планирования как обязательности общего курса экономического развития, а не обязательности детальной регламентации хозяйственной жизни. Все это говорит о начавшемся вновь сближении хозяйственных механизмов социалистических стран, по сближению уже на иной основе, чем в первый период. Явно ошибочные решения второго периода отбрасываются. Но не это главное. Главное заключается в том, что общие задачи, стоящие как внутри стран (необходимость повышения эффективности производства и качества работы), так и в области международных экономических отношений (прежде всего, необходимость углубления социалистической экономической интеграции), объективно ведут к увеличению сходных в принципе (но только в принципе!) черт в хозяйственных механизмах стран»⁷.

Новый этап эволюции социалистического хозяйственного механизма отличается комплексным подходом к совершенствованию управления народным хозяйством, он включает меры как по развитию централизованных методов управления, так и по укреплению экономической самостоятельности предприятий. Это комплексный эксперимент по управлению эффективностью и качеством, проводимый в ЧССР с 1978 г., модифицированная в 1977 г. финансово-экономическая система ПНР, усиление методов экономического управления в НРБ (1978—1979 гг.), недавние решения относительно механизма управления хозяйством в СРР, дальнейшее совершенствование функционирующего с 1968 г. хозяйственного механизма ВНР, расширяющего возможности косвенного регулирования хозяйственных процессов. Важно отметить, что тенденция активизации экономических рычагов управления в большой мере стимулируется практическими соображениями о необходимости повышения эффективности производства, обострившейся в связи со специфическими условиями экономического роста на нынешнем этапе — существующей демографической ситуацией, особенностями внешнеэкономической конъюнктуры и др. Эти условия диктуют определяющую роль интенсивных факторов роста, в мобилизации которых особенно велико значение указанных рычагов.

Задача более активного использования экономических рычагов управления получает отражение в решениях о комплексной перестройке хозяйственного механизма в СССР⁸. Эти решения направлены на развитие демократических начал в управлении производством и повышение творческой инициативы трудовых коллективов. В частности, признано необходимым обеспечить дальнейшее развитие хозяйственного расчета в производственных объединениях (на предприятиях) расширение их прав. Такое направление перестройки хозяйственного механизма определяется следующими конкретными мерами.

Прежде всего, повышается роль пятилетнего плана — на всех уровнях хозяйственного руководства — как главной формы планирования экономического и социального развития страны. Годовые же планы составляются теперь на основе задания и экономических нормативов пятилетнего пла-

² *Ekonomista*, 1979, N 1, s. 9—32.

³ Опыт совершенствования управления экономикой в зарубежных странах СЭВ (1976—1980 гг.). Материалы научной конференции. М., 1980; *Acta Oeconomica*. Budapest, 1978, v. 20 (4), p. 371—393; v. 21 (3), p. 243—260.

⁴ Система управления народным хозяйством в ВНР. Будапешт, 1972, с. 17.

⁵ *Ekonomista*, 1979, N 1, s. 9—32.

⁶ Опыт совершенствования управления экономикой..., с. 91.

⁷ Опыт совершенствования управления экономикой..., с. 7—8.

⁸ Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. М., Политиздат, 1979.

на, предусматривая необходимую конкретизацию указанных заданий и проведение экономических и организационных мер, обеспечивающих выполнение пятилетнего плана. Оно будет оцениваться нарастающим итогом с начала пятилетки.

Превращение пятилетнего плана в главную форму плана для производственных объединений (предприятий) — существенное изменение действовавшей ранее в СССР хозяйственной практики, когда основную роль в планировании и оценке результатов производства играл текущий, годовой план. Оно означает заметное расширение хозяйственной самостоятельности производственных коллективов, получающих возможность экономического маневра в рамках пятилетнего планового периода.

Развитие и укрепление хозяйственного расчета в производственных объединениях (на предприятиях) отныне предусматривается на основе заданий пятилетнего плана и долговременных экономических нормативов. Известно, что в СССР хозрасчетные (экономические) методы управления предприятиями сочетаются с системой директивных плановых заданий. Выдвижение на первый план директивных показателей именно пятилетнего, а не годового плана существенно расширяет область самостоятельных хозяйственных решений предприятий, а следовательно, значение косвенных, хозрасчетных рычагов регулирования их деятельности. Этой же цели служит долговременный характер экономических нормативов, их стабильность. Эти нормативы являются экономическими инструментами регулирования хозяйственных процессов, обеспечивающими разумное сочетание принципов централизации и децентрализации управления. Поскольку их утверждение — прерогатива центральных органов, они находятся в соответствии с предусматриваемыми планом направлениями развития национальной экономики и балансами материальных, трудовых и денежных ресурсов, на которые опирается этот план. С другой стороны, они предоставляют предприятиям широкую возможность выбора хозяйственных решений, ограничивая их выбор лишь косвенно.

Укрепление хозрасчетной самостоятельности производственных объединений (предприятий) находит выражение в новом, нормативном методе формирования фонда заработной платы. Если прежде общий фонд зарплаты являлся директивным плановым заданием, утверждаемым вышестоящей организацией, то теперь в плане устанавливается лишь норматив заработной платы на 1 руб. продукции, в большинстве отраслей промышленности — нормативной чистой продукции. Тем самым расширяется область самостоятельных решений предприятий, направленных на увеличение выпуска продукции и снижение ее материалоемкости. Прежнее ограничение в виде директивного показателя фонда заработной платы снимается, и последний регулируется лишь темпами роста объемов производимой чистой продукции. Вместе с тем производственным объединениям предоставляется право выплачивать за счет экономии фонда заработной платы (против установленного норматива) надбавки к тарифным ставкам и окладам рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Кроме того, для стимулирования инициативы по внедрению технически обоснованных норм труда и своевременному их пересмотру рабочие получают единовременное вознаграждение за счет экономии от пересмотра норм. Наконец, неиспользованная экономия по фонду заработной платы теперь будет перечисляться в конце года в фонд материального поощрения производственного объединения.

Расширение сферы хозрасчетной самостоятельности предприятий не является самоцелью: оно служит средством развертывания творческой инициативы и трудовой активности производственных коллективов. Другое необходимое условие повышения эффективности управления — система экономических рычагов, направляющих указанную инициативу в русло народнохозяйственных интересов. Проводимая в СССР перестройка хозяйственного механизма предусматривает широкий круг мер по

совершенствованию указанных рычагов управления предприятиями. Для усиления экономической заинтересованности производственных и промышленных объединений и министерств в высоких результатах финансово-хозяйственной деятельности, прежде всего в повышении рентабельности производства, начиная с одиннадцатой пятилетки, вводится новый порядок распределения прибыли. Устанавливается стабильный норматив отчислений от прибыли (дифференцированный по годам пятилетки), поступающих в распоряжение хозяйственных организаций. Эта часть прибыли используется для финансирования капитальных вложений, погашения банковских кредитов и уплаты процентов по ним, обеспечения прироста оборотных средств, образования единого фонда развития науки и техники и фондов экономического стимулирования (материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства), развития производства.

В этот же период осуществлялся переход к образованию фондов экономического стимулирования по стабильным нормативам, которые определяются прежде всего по установленным в пятилетнем плане качественным показателям работы хозрасчетных организаций: роста производительности труда и производства продукции высшей категории качества и др. Для предприятий, значительно увеличивающих выпуск новой высокоэффективной продукции, предусматриваются повышенные нормативы образования поощрительных фондов.

В 1980 г. в СССР должен быть завершен перевод научно-исследовательских, проектно-конструкторских и технологических организаций, опытных предприятий и объединений промышленных министерств на хозрасчетную систему организации работ по созданию, освоению и внедрению новой техники на основе заказ-нарядов (договоров). В этих организациях будут также создаваться фонды экономического стимулирования, а премирование их работников предусматривается в зависимости от суммарного экономического эффекта, фактически получаемого в народном хозяйстве от использования достижений науки и техники.

Серьезному улучшению экономического механизма управления должны содействовать меры по активизации рычагов регулирования инвестиционного процесса. Начиная со следующей пятилетки, меняется система оценочных показателей в капитальном строительстве. Вместо использовавшегося ранее показателя объема строительно-монтажных работ на первый план выдвигаются показатели ввода в действие производственных мощностей и объектов и товарной строительно-монтажной продукции; последний представляет собой стоимость строительно-монтажных работ по сданным заказчику предприятиям и объектам. Эта мера направлена на усиление экономической заинтересованности хозяйственных организаций в ускорении строительства, ввода в действие созданных объектов. Эту же цель преследует изменение финансирования и расчетов в строительстве. Отменяются авансы заказчиков подрядным строительным организациям на затраты по незавершенному производству строительно-монтажных работ, а также промежуточные платежи за выполненные объемы работ. В 1981 г. завершится внедрение расчетов между заказчиками и подрядчиками за полностью законченные строительством и сданные в эксплуатацию предприятия, пусковые комплексы, очереди и объекты. Затраты подрядных организаций до планового срока сдачи готовых объектов будут покрываться за счет кредитов банка. По истечении этого срока кредитование продолжается, но со взиманием за пользование ссудой повышенных процентов. Такой же порядок расчетов вводится и применительно к проектно-изыскательским, конструкторским, технологическим и научно-исследовательским организациям отраслей промышленности.

Осуществляемая в СССР перестройка хозяйственного механизма включает меры по повышению роли экономических рычагов и стимулов

в расширении выпуска изделий высокого качества, в обеспечении систематического обновления ассортимента продукции. Среди них, пожалуй, центральное место занимает совершенствование механизма ценообразования.

В экономической литературе обычно отмечается недостаточный учет в ценах потребительских свойств, экономической эффективности производимой продукции производственно-технического назначения. Вводимый ныне порядок ценообразования предусматривает поощрительные надбавки к оптовой цене на новую высокоэффективную продукцию, соответствующую по своим параметрам лучшим отечественным и зарубежным образцам в зависимости от годового экономического эффекта от выпуска и использования этой продукции в размере от 0,5 до 1,25 норматива рентабельности, принятого при определении цен для данной или аналогичной группы изделий (в пределах 70% суммы указанного эффекта). Срок действия надбавки — до одного года, а на продукцию особой сложности — до двух лет. При присвоении изделию государственного Знака качества этот срок продлевается до четырех лет (по продукции особой сложности — до пяти лет). В случае же, когда производство новой продукции основано на открытиях или изобретениях, надбавка к оптовой цене увеличивается в 1,5 раза. Дополнительная прибыль, приносимая надбавкой, направляется в фонды экономического стимулирования предприятия-производителя (до 70%), а в остальной части — в единый фонд развития науки и техники и в государственный бюджет.

По продукции второй категории качества, а также продукции, не аттестованной в установленный срок, вводятся скидки с оптовой цены в размере 50% суммы прибыли; по истечении срока снятия с производства скидка увеличивается до полной суммы прибыли. Указанные надбавки и скидки в плане не учитываются, а оценка его выполнения производится с их учетом.

Среди других экономических рычагов, вводимых в действие новым хозяйственным механизмом, отметим плату за воду, забираемую промышленными предприятиями из водохозяйственных систем, и экономическую оценку земельных участков, выделяемых под строительство предприятий. Последняя будет теперь учитываться при технико-экономическом обосновании строительства и сравнительной оценке его вариантов.

Названные выше изменения, вносимые в действующий порядок управления промышленностью СССР, позволяют утверждать, что активизация товарно-денежного механизма по-прежнему рассматривается как одно из главных направлений совершенствования системы хозяйственного руководства.

Важной тенденцией эволюции механизма управления социалистической промышленностью является начавшаяся в 60-х годах и продолжающаяся в настоящее время перестройка организационных структур управления. Она проводится путем сокращения числа звеньев управленческой иерархии на базе укрупнения первичного производственного звена в промышленности и его преобразования в единый производственно-хозяйственный комплекс, получивший в СССР название производственного объединения. В ближайшие два — три года намечается завершить формирование таких объединений в качестве основного хозяйственного звена советской промышленности. Предусмотрен переход на двух-трехзвенную структуру управления и в капитальном строительстве, а в качестве основного хозяйственного звена строительства производства выдвигаются производственные строительно-монтажные объединения.

За последние годы существенно пополнился арсенал методов и средств централизованного планирования, в том числе за счет все более широкого применения идей системного анализа, экономико-математических методов и возможностей новейшей вычислительной техники. Постоянное со-

вершенствование методов централизованного планирования, повышение научной обоснованности важнейших хозяйственных решений, ограничение области субъективных суждений и оценок выступают как общая тенденция развития хозяйственного механизма социалистических стран — членов СЭВ. Однако это ни в коей мере не умаляет значения затронутой нами проблемы — рационального сочетания элементов централизации и децентрализации управления, обеспечивающего его наибольший суммарный эффект. При этом немаловажную роль играют заметно обогатившиеся в последние годы представления о понятиях централизованного управления, планомерного роста экономики (и планового развития вообще), как и опыт дифференцированного подхода в разных социалистических странах к реализации планов экономического и социального развития.

По-видимому, надо признать достаточно обоснованным разграничение между понятиями планового развития и развития в точном соответствии с директивными показателями плана в связи с постоянным присутствием в экономической жизни фактора неопределенности (неполноты информации), обуславливающего лишь приближенное отражение в планах требований планомерного экономического роста. Понятию планового развития, очевидно, в большей мере соответствуют представления о сознательно организуемом и постоянно регулируемом процессе, течение которого может отклоняться от заранее фиксированных параметров, чем суждение о нем как о процессе в строгих рамках этих параметров, установленных на базе имевшейся в момент составления плана информации. Достоверная оценка результатов общественного производства (что также очевидно) не может ограничиваться сопоставлением фактических уровней и динамики экономических показателей с предусмотренными планом, она нуждается в системе объективных характеристик экономических процессов — таких, как рост национального дохода, доля его прироста за счет повышения производительности труда, рентабельности и др.⁹ В научной литературе формулируется тезис о закономерном усилении роли экономических рычагов управления социалистическим общественным производством по мере его развития. «Речь идет о том, чтобы, ограничив содержание народнохозяйственного плана определением главных направлений экономического развития, основных пропорций и важнейших средств и условий реализации плана, не доводить план до предприятий, объединений и местных органов во всех подробностях, расширив поле проявления их собственной инициативы... В условиях развитой экономики неизбежно и необходимо повышение роли экономических методов управления»¹⁰. «Чем более зрелым становится новый, социалистический строй, тем менее нуждается он во внеэкономических методах государственного воздействия, тем крепче стоит он на собственных ногах, опирается на действие экономических законов»¹¹.

Эти выводы заслуживают самого серьезного внимания, и в настоящей статье сделана попытка усилить аргументацию в их пользу, подчеркнув намечаемую в предстоящем пятилетии активизацию экономических рычагов управления советской промышленностью. Однако было бы преждевременно утверждать, что практика развития хозяйственного механизма выявляет четкую тенденцию односторонних изменений — последовательное расширение сферы использования названных рычагов. Действительная эволюция происходит скорее зигзагообразно, и изменения в указанном направлении чередуются с возвратом, хотя и частичным, к прежним схемам управления. Это обстоятельство отмечается ря-

⁹ См. Csikos-Nagy B. *Socialist Price Theory and Price Policy*. Budapest, 1975, p. II.

¹⁰ Евстигнеев Р. Н. и др. *Совершенствование управления экономикой стран СЭВ*. М., Наука, 1974, с. 14.

¹¹ Lange O. *Pisma ekonomiczne i spoleczne 1930—1960*. Warszawa, 1961, s. 59.

дом авторов¹², для его объяснения можно предложить и следующую гипотезу.

Отмечаемая в ряде стран социализма недостаточная последовательность хозяйственных реформ 60-х годов, последующий частичный возврат к большей централизации управления нередко объясняются неотложными нуждами хозяйственной практики и представлением о возможности более быстрого решения ее текущих проблем административными мерами. Вместе с тем общепризнано, что с ростом масштабов общественного производства и усложнением его внутренних и внешних связей (выходящих за рамки национальной экономики) соответственно растет значение долгосрочных решений, прежде всего относительно капитальных вложений и научных исследований, определяющих будущий облик производства. Но, учитывая постоянно усиливающуюся роль управления современного общества, к числу важнейших долгосрочных решений следует отнести и определение траектории развития хозяйственного механизма. Отсутствие четко сформулированной стратегии такого развития, и в первую очередь относительно соотношения прямых и косвенных средств управления, может рассматриваться как одна из причин упоминавшейся выше формы кривой эволюции хозяйственного механизма.

При наличии такой стратегии на первый план выступает требование комплексного подхода к совершенствованию системы хозяйственного управления. Имеются достаточные основания полагать, что реальные изменения области функционирования товарно-денежного механизма и его действительности определяются прежде всего и главным образом изменениями границ хозяйственной самостоятельности предприятий (объединений). С помощью этого механизма, т. е. экономических рычагов управления, государство воздействует на хозяйственные решения предприятий, направляя их в русло общегосударственных интересов. Но экономические регуляторы могут влиять на эти решения постольку, поскольку предприятия принимают их самостоятельно, как раз в меру такой самостоятельности. Конечно, в большинстве случаев на практике предприятие участвует в подготовке затрагивающих его решений, если даже право их окончательного одобрения принадлежит не ему, а вышестоящему органу управления. Вместе с тем очевидно, что при детальной регламентации деятельности предприятий возможности экономических методов регулирования хозяйственной деятельности ограничены. И, напротив, широкая компетенция предприятий не только повышает роль этих методов, но и делает их совершенно необходимыми. Стало быть, требования к экономическим рычагам управления должны соответствовать рассматриваемой конкретной модели хозяйственного механизма, принятому в ней конкретному соотношению элементов централизации и децентрализации.

Децентрализация управления в масштабах национальной экономики означает, в частности, определенную степень хозяйственной самостоятельности предприятий (объединений). Но последняя является реальной лишь при передаче предприятиям соответствующих прав по принятию хозяйственных решений. Другие признаки хозяйственной самостоятельности — наделение предприятий имуществом, ведение ими счета прибылей и убытков и др. — служат лишь формальными атрибутами децентрализации управления, если они не сочетаются с указанными правами. Принятие решений — важнейшая стадия процесса управления, и, если предприятие не участвует в ней, оно может рассматриваться главным образом как объект управления, но не его субъект.

Расширение хозяйственной самостоятельности, что уже отмечалось, само по себе еще не повышает эффективности управления производством, и порождаемая ею хозяйственная инициатива может направляться в русло общенародных интересов лишь с помощью косвенных средств регулирования. Таким образом, с одной стороны, сфера самостоятельности предприятий определяет границы эффективного применения указанных средств, а с другой — ее расширение оправдано лишь при условии их применения. Поэтому малопродуктивны попытки раздельного обсуждения этих вопросов — вне рамок конкретной общей схемы управления, — как и недостаточны односторонние перестройки этой схемы. Отмечающийся в ряде социалистических стран недостаточный эффект реформ 60-х годов и последующее частичное восстановление прежних методов управления могут объясняться попытками активизации товарно-денежного механизма, не сопровождавшимися соответствующим реальным расширением хозяйственной самостоятельности предприятий.

Реализация потенциальных возможностей экономических методов управления, подчеркнем это еще раз, обуславливается комплексом взаимосвязанных мероприятий, затрагивающих практически все основные элементы социалистического хозяйственного механизма. При этом совершенствование методов централизованного управления — ведущего звена этого механизма — не только не препятствует укреплению экономических позиций хозрасчетных предприятий, но и предполагает его. Эффект централизованного управления измеряется не степенью регламентации текущей деятельности предприятий, а конечными результатами общественного производства. Планируемые в централизованном порядке эти результаты тем выше, чем шире возможности проявления хозяйственной инициативы трудовых коллективов.

*Институт экономики
и организации промышленного производства
СО АН СССР, Новосибирск*

¹² *Economista*, 1980, N 1, s. 9—30.

Н. А. ВАСИЛЬЕВА

ЧИСТАЯ ПРОДУКЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Переход к оценке деятельности предприятий на основе показателя чистой продукции является важным направлением совершенствования хозяйственного механизма управления промышленностью.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»¹ показателю чистой продукции отводится ведущая роль в оценке объема и роста производства на промышленных предприятиях. Недостатки применявшихся в этих целях показателей валовой, товарной и реализованной продукции (в том числе главный — зависимость от материалоёмкости выпускаемых изделий) хорошо известны. Их влияние — и это неоднократно упоминалось в экономической литературе — в первую очередь сказывается на деятельности лучших предприятий: реализация мероприятий, направленных на снижение веса изделий, замену дорогих материалов и сырья более дешевым и т. п., прямо приводит к снижению объемных и всех связанных с ними оценочных показателей работы предприятий (валовой, товарной, реализованной продукции, производительности труда, фондоотдачи и др.). Кроме этого, уменьшение себестоимости изделия вследствие снижения материалоёмкости чревато для предприятий установлением более низкой цены на данный продукт, так как прибыль в его цене согласно применяемому на практике «затратному» методу ценообразования начисляется в определенном проценте к себестоимости.

Поскольку в чистую продукцию материальные затраты на производство не включаются, она призвана обеспечить более объективную оценку деятельности предприятий. Этой же цели служит изменение методики определения двух других показателей эффективности производства — производительности труда и фондоотдачи, которые предполагается рассчитывать на основе показателя чистой продукции.

Еще одна особенность новой системы оценочных показателей работы предприятий — изменение принципов образования и расходования фонда заработной платы с целью теснее связать оплату труда работников с их реальными трудовыми достижениями. Этому должно способствовать формирование фонда заработной платы по определенному нормативу от чистой продукции, а также контроль за его расходованием в зависимости от соотношения роста заработной платы и производительности труда, исчисленной по чистой продукции.

¹ Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. М., Политиздат, 1979.

Таблица 1

Показатели	Абсолютные значения показателей (1975 г.)		Доля выборочной совокупности
	в выборочной совокупности	в генеральной совокупности	
Валовая продукция, млн. руб.	2971,3	4143,3	71,7
Среднесписочная численность промышленно-производственного персонала, тыс. чел. . .	217,7	316,3	68,8
Среднегодовая стоимость основных производственных фондов, млн. руб.	1226,4	2176,3	56,3
Прибыль, млн. руб.	227,3	349,6	65,0
Фонд заработной платы промышленно-производственного персонала, млн. руб.	420,9	559,9	75,2

Задачи статьи — показать на примере промышленности конкретного региона, каких изменений можно ожидать в оценке работы предприятий вследствие указанных выше изменений в хозяйственном механизме управления ими. Соответствующие расчеты были проведены на информационном массиве, включающем данные 203 промышленных предприятий Алтайского края об основных технико-экономических показателях за период с 1963 по 1975 г.²

В табл. 1 приведена сравнительная характеристика основных показателей выборочной совокупности промышленных предприятий.

Представительность анализируемого массива предприятий обуславливает неслучайный, устойчивый характер результатов исследования, а следовательно, возможность распространения полученных выводов на всю промышленность Алтайского края. Одно из возможных направлений использования этих результатов — их применение в качестве предварительных, ориентировочных оценок при подготовке к практической реализации намеченных июльским постановлением ЦК КПСС и СМ СССР мер по совершенствованию хозяйственного механизма. Что касается возможности распространения полученных результатов на всю промышленность СССР, то следует иметь в виду, во-первых, что изучались тенденции изменения показателей работы предприятий конкретного региона, во-вторых, ретроспективный характер исходной информации (1963—1975 гг.), а следовательно, и полученных расчетным путем показателей чистой продукции, производительности труда и других анализируемых показателей.

Наконец, вопросы могут возникнуть по поводу принятой методики определения чистой продукции и связанных с ней расчетных показателей. Чистая продукция, представляющая собой сумму необходимого и прибавочного продукта, может измеряться различно: показателями фактической чистой продукции, условной чистой продукции, нормативной чистой продукции (рассчитанной по индивидуальным или усредненным нормативам) и т. д. Главным оценочным показателем в одиннадцатой пятилетке предполагается сделать нормативно-чистую продукцию, определяемую, как часть оптовой цены изделия и включающую затраты на заработную плату (основную и дополнительную), отчисления на социальное страхование, а также прибыль, рассчитанную по нормативу рентабельности, установленному в процентах к себестоимости изделия за вычетом прямых материальных затрат³.

В данной работе основой для анализа служит показатель фактической чистой продукции, определяемой расчетным методом (как сумма

² Формирование данного массива было связано с работами по созданию автоматизированной системы анализа деятельности предприятий экономического района в рамках плана НИР ИЭиОПП СО АН СССР на 1976—1979 гг.

³ Методические указания о порядке разработки и применения в планировании показателя чистой продукции (нормативной). — Экономическая газета, 1979, № 40, 41.

заработной платы и балансовой прибыли). Такой выбор — мера вынужденная, так как пока соответствующих нормативов чистой продукции не существует. С другой стороны, мы предполагали, что допускаемая погрешность не может решающим образом повлиять на характер выявленных закономерностей⁴. Действительно, причинами расхождения указанных показателей могли бы стать неодинаковая степень учета в них изменений, во-первых, трудовых затрат, во-вторых, прибыли и, в-третьих, материальных затрат.

Принцип ограничения роста трудовых затрат в нормативной чистой продукции вытекает из экономической природы этого показателя как заданной в плане нормативной величины. Соответствующий механизм фактической чистой продукции состоит в следующем: рост затрат на заработную плату означает в то же время увеличение себестоимости продукции, что при неизменной оптовой цене автоматически приводит к снижению прибыли, а следовательно, и фактической чистой продукции. Таким образом, с точки зрения учета трудовых затрат два рассматриваемых показателя не должны существенно различаться.

Приблизительно одинаково отражается на обоих показателях и увеличение прибыли, вызванное структурными сдвигами в производимой продукции, поскольку нормативная чистая продукция, строго говоря, тоже не решает проблемы заданной номенклатуры. Как отмечается в литературе, и «при индивидуальных, и при усредненных нормативах сохраняется стремление к «большим» оптовым ценам. Опыт показал, что предприятия заинтересованы в выпуске изделий, в ценах на которые высока доля прибыли, затем отстаиваются цены с высокой массой прибыли»⁵.

Фактором, обуславливающим наиболее существенное различие между фактической и нормативной чистой продукцией, является степень учета в них экономии материальных затрат. Последняя отражается на величине фактической чистой продукции, но никак не сказывается на показателе нормативной чистой продукции. Однако это обстоятельство является скорее достоинством, чем недостатком фактической чистой продукции, и не препятствует, на наш взгляд, его использованию для целей предпринятого анализа.

Оценка объема производства продукции и эффективности использования производственных ресурсов. Применение показателя чистой продукции призвано, как уже отмечалось, обеспечить более достоверную оценку производства продукции и эффективности использования ресурсов, имеющихся в распоряжении предприятий. Хотя четко сформулированных критериев, по которым может быть оценено это улучшение, нет, обычно предполагается что с введением чистой продукции темпы роста производства, производительности труда и фондоотдачи получат более высокую численную оценку, уменьшится разброс этих показателей между отраслями, а также по предприятиям внутри одной отрасли и т. д.⁶

⁴ В экономической литературе имеются определенные указания на то, что фактическая и нормативная чистая продукция близки по величине: «Нормативная и фактическая чистая продукция в базовом году почти не отличаются друг от друга» (см. Вопросы экономики, 1979, № 12, с. 15) или «...разработка нормативов с включением индивидуальной прибыли имеет определенное преимущество: размер нормативно-чистой продукции, созданной в течение года на предприятии, близок к фактически чистой продукции» (см. Экономика и организация промышленного производства, 1977, № 6, с. 139) и др.

⁵ Гаврилов Р. Указ. соч., с. 18.

⁶ Бусыцкая Л. Нормативная чистая продукция. — Экономическая газета, 1979, № 39, с. 12; Тверитинова С. Эксперименту предшествовало... Там же, 1979, № 45, с. 12; Никифоров М. От эксперимента к практике. — Там же, 1979, № 50, с. 6; Килерман Г. Я. О ходе эксперимента по оценке деятельности предприятий по показателю чистой продукции. — В кн.: Итоги экономических экспериментов в отраслях народного хозяйства. М., 1974, с. 1; Экономика и организация промышленного производства, 1976, № 5, с. 60, 65; 1977, № 6, с. 120, 125.

Таблица 2

Показатели	Среднегодовые темпы роста, %		
	1963—1975	1965—1970	1970—1975
Товарная продукция	107,3	107,8	106,1
Чистая продукция	106,5	106,4	105,2

В табл. 2 приводится сравнительная характеристика динамики производства промышленной продукции Алтайского края, оцененной двумя разными методами. Оказывается, во-первых, что темпы роста производства, рассчитанные по чистой продукции, ниже соответствующего показателя, полученного на основе товарной продукции. Во-вторых, переход к новому показателю не изменяет сложившейся в исследуемом периоде тенденции снижения темпов роста производства: независимо от метода расчета среднегодовые темпы роста в девятой пятилетке ниже, чем в восьмой. Следует отметить, что это снижение меньше у показателя чистой продукции (соответственно 1,2 и 1,7 пунктов).

Данные табл. 3 позволяют оценить возможные изменения в соотношении интенсивных и экстенсивных факторов увеличения выпуска продукции. Производительность труда в промышленности Алтайского края за весь исследуемый период повышалась темпами, существенно опережающими темпы роста среднесписочной численности промышленно-производственного персонала. При снижении темпов роста последней в девятой пятилетке по сравнению с восьмой темпы роста производительности труда, наоборот, повысились. Причем это повышение больше для показателя производительности труда, рассчитанной по чистой продукции, хотя абсолютные размеры темпов выше при старом методе расчета. Таким образом, замедление темпов роста производства в девятой пятилетке по сравнению с восьмой связано главным образом со снижением темпов роста численности работающих и в какой-то степени материальных затрат производства.

Аналогичные расчеты были выполнены для двух других факторов роста производства — среднегодовой стоимости основных производственных фондов и фондоотдачи. Из табл. 4 видно, что снижение темпов роста производства происходит как по причине сокращения темпов роста основных производственных фондов, так и вследствие снижения фондоотдачи. Причем переход к расчету фондоотдачи по показателю чистой продукции не меняет сложившейся тенденции. Как и в случае с производительностью труда, абсолютное значение темпов роста фондоотдачи, рассчитанной по чистой продукции, ниже соответствующего показателя, рассчитанного по валовой продукции, в то же время снижение его в девятой пятилетке по сравнению с восьмой менее резкое при новом методе расчета (соответственно 0,9 и 1,4 пункта).

В табл. 5 проанализировано влияние фактора материалоемкости не только в целом по промышленности, но и в отраслевом разрезе. В тех отраслях, где затраты сырья и материалов сравнительно невелики (лесная

Таблица 3

Показатели	Среднегодовые темпы роста, %		
	1963—1975	1965—1970	1970—1975
Среднесписочная численность промышленно-производственного персонала	102,2	103,0	100,3
Выработка валовой продукции на 1 работающего	105,0	104,6	105,7
Выработка чистой продукции на 1 работающего	104,2	103,3	104,8

Таблица 4

Показатели	Среднегодовые темпы роста, %		
	1963—1975	1965—1970	1970—1975
Среднегодовая стоимость основных производственных фондов	109,0	108,6	108,3
Фондоотдача, рассчитанная по валовой продукции	98,4	99,3	97,9
Фондоотдача, рассчитанная по чистой продукции	97,7	98,0	97,1

и деревообрабатывающая промышленность, промышленность строительных материалов, химическая и нефтехимическая промышленность), переход к оценке производства по чистой продукции в целом не меняет сложившейся его динамики.

В двух отраслях (машиностроении и металлообработке), а также в пищевой промышленности новый метод оценки приводит к тому, что темпы роста производства в девятой пятилетке оказываются выше, чем в восьмой, в то время как для оценки по товарной продукции характерно обратное соотношение. Но по-прежнему старый метод расчета дает более высокие абсолютные значения темпов роста производства.

В наиболее материалоемкой легкой промышленности переход к чистой продукции существенно изменяет оценку работы предприятий. Использование этого метода не только дает значительно меньшие темпы роста, но и изменяет их тенденцию: если темпы роста товарной продукции в девятой пятилетке по сравнению с восьмой выросли, то чистой продукции, наоборот, упали.

Таким образом, при переходе к новому методу оценки деятельности предприятий меняется численная характеристика роста производства и эффективности использования имеющихся в их распоряжении производственных ресурсов. Как правило, темпы роста чистой продукции меньше, чем темпы роста валовой либо товарной продукции, а в ряде случаев менее благоприятна и тенденция изменения нового показателя во времени⁷. Аналогичные соотношения и закономерности имеют место для тем-

Таблица 5

Отрасли промышленности	Среднегодовые темпы роста, %			
	Товарная продукция		Чистая продукция	
	1965—1970	1970—1975	1965—1970	1970—1975
Химическая и нефтехимическая	112,6	115,3	103,5	119,3
Машиностроение и металлообработка	112,1	106,6	105,5	105,8
Лесная и деревообрабатывающая	111,6	105,8	111,8	106,4
Строительных материалов	110,4	104,0	118,8	99,7
Легкая	104,3	105,6	110,3	101,8
Пищевая	102,8	101,4	101,0	101,3

⁷ Подводя итоги экспериментам по использованию нового показателя, экономисты отмечают, что «предприятия, руководители которых дают отрицательную оценку эксперименту, объединяет одна общая черта: структурные сдвиги в их производстве таковы, что рост чистой продукции отстает от роста валовой продукции». (К и перм а и Г. Я. Показатель чистой продукции как критерий деятельности предприятий. — Экономика и организация промышленного производства, 1976, № 5, с. 62). В какой-то степени наши результаты подтверждают небезосновательность такого сдержанного отношения хозяйственников к перспективе оценки деятельности их предприятий на основе показателя чистой продукции, поскольку отставание темпов роста чистой продукции от темпов роста валовой продукции оказывается довольно массовым явлением.

пов роста производительности труда и фондоотдачи, рассчитанных на основе чистой продукции.

Что касается другого предположения — о сокращении разрыва в темпах роста производства между отраслями, то результаты расчетов оказались следующими. Коэффициент вариации темпов роста товарной продукции по отраслям составил в восьмой пятилетке $v_{\text{ТП}}^1 = 0,038$, чистой продукции $v_{\text{ЧП}}^1 = 0,059$; в девятой пятилетке — соответственно $v_{\text{ТП}}^2 = 0,041$ и $v_{\text{ЧП}}^2 = 0,062$. Увеличение коэффициента вариации свидетельствует о том, что с переходом к чистой продукции различие в темпах роста этого показателя по отраслям усиливается. Разброс в темпах роста производства в исследуемых отраслях несколько возрастает также в девятой пятилетке по сравнению с восьмой, однако метод расчета здесь не имеет принципиального значения.

Интерес представляет также вопрос о том, как изменится с переходом к новому методу оценки разброс в темпах роста производства и других связанных с ним показателей деятельности предприятий внутри отрасли. Этот вопрос был проанализирован на примере показателя производительности труда. Результаты расчетов показывают, что в легкой (25 предприятий), пищевой (75 предприятий) отраслях промышленности, а также в промышленности строительных материалов (23 предприятия) численная характеристика разброса в уровне производительности труда значительно увеличивается при переходе к измерению этого показателя по чистой продукции. Так, крайние величины, характеризующие уровень производительности труда предприятий легкой промышленности, при старом методе расчета различались в 1973 г. в 5 раз, при новом методе — в 6 раз, в 1974—1975 гг. — в 12 раз. Соответствующие данные по пищевой промышленности составляют 20 и 77 раз (1973 г.), 51 и 109 раз (1974 г.), 47 и 21 раз (1975 г.), а по промышленности строительных материалов — 4 и 17 раз (1973 г.), 5 и 38 раз (1974 г.), 5 и 10 раз (1975 г.). В других отраслях эта тенденция менее очевидна.

На основе собранной информации был проанализирован еще один аспект: влияние метода оценки производства продукции на деятельность различных по величине групп предприятий (мелких, средних и крупных)⁸.

Из табл. 6 видно, что соотношение экстенсивных и интенсивных факторов роста производства не меняется при переходе от оценки по товарной продукции к оценке по чистой продукции: независимо от метода расчета производительность труда во всех группах предприятий растет быстрее, чем численность работающих, с другой стороны, темпы роста фондоотдачи отстают от темпов роста среднегодовой стоимости основных производственных фондов.

Что касается тенденций изменения указанных показателей во времени, то расхождения в оценках появляются в двух случаях. Во-первых, для темпов роста производительности труда в группе средних по величине предприятий: этот показатель, рассчитанный на основе товарной продукции, в девятой пятилетке несколько выше, чем в восьмой (соответственно 103,3 и 103,1), в то время как расчет по чистой продукции дает обратное соотношение (102,4 и 103,4). Во-вторых, для темпов роста фондоотдачи в группе крупных предприятий: темпы снижения фондоотдачи, рассчитанной по чистой продукции (в девятой пятилетке по сравнению с восьмой) меньше соответствующего показателя, рассчитанного по валовой продукции. В целом же оказывается, что переход к новому методу оценки деятельности предприятий едва ли приведет к резкому изменению в соотношении и динамике основных экономических показателей.

⁸ Признаком группировки послужила среднесписочная численность промышленно-производственного персонала в 1975 г.

Таблица 6

Показатели	Среднегодовые темпы роста показателей (%) по предприятиям с численностью					
	до 200 чел.		201—1000 чел.		Свыше 1000 чел.	
	1965—1970	1970—1975	1965—1970	1970—1975	1965—1970	1970—1975
Среднесписочная численность промышленно-производственного персонала	101,9	100,1	103,3	99,9	103,0	100,5
Производительность труда, рассчитанная по валовой продукции	106,2	103,8	103,1	103,3	105,0	106,5
Производительность труда, рассчитанная по чистой продукции	111,0	100,9	103,4	102,4	102,8	105,8
Среднегодовая стоимость основных производственных фондов	106,8	104,3	106,2	107,7	109,2	108,6
Фондоотдача, рассчитанная по валовой продукции	101,3	99,5	100,2	95,9	99,0	98,5
Фондоотдача, рассчитанная по чистой продукции	105,9	96,7	100,5	94,9	97,0	97,8

Чистая продукция и новые принципы формирования и контроля за расходованием фонда заработной платы. Введение нормативного принципа формирования фонда заработной платы призвано, как уже отмечалось, повысить эффективность планирования заработной платы, более правильно отразить динамику физического объема собственных работ объединений и предприятий. Это, в свою очередь, позволяет вышестоящему органу более обоснованно наделять объединения и предприятия трудовыми и денежными (фонд заработной платы) ресурсами⁹.

В этой связи нами были проанализированы следующие показатели: колебания в уровне оплаты труда по различным отраслям промышленности, между мелкими, средними и крупными предприятиями; сравнительная динамика темпов роста производительности труда, исчисленной по чистой продукции, и средней заработной платы. Для проверки предположения о том, что с учетом опережающего роста производительности труда по сравнению с ростом средней заработной платы величина фонда заработной платы в расчете на 1 руб. чистой продукции должна снижаться во времени¹⁰, изучалась динамика фонда заработной платы на 1 руб. чистой продукции.

Результаты проделанных расчетов представлены в табл. 7. На основе этих данных были рассчитаны коэффициенты вариации фонда заработной платы на 1 руб. чистой продукции по отраслям. В 1971 г. этот коэффициент составил 0,31, в 1972 г. — 0,27, в 1973 г. — 0,27, в 1974 г. — 0,24, в 1975 г. — 0,26. Снижение коэффициента вариации свидетельствует о сокращении разброса между отраслями показателя фонда заработной платы в расчете на 1 руб. чистой продукции. В целом это является определенным подтверждением предположения о возможности установления в перспективе единого норматива фонда заработной платы по отраслям промышленности.

⁹ Бусяцкая Л. А. Показатель чистой продукции в отраслевом планировании. — Экономика и организация промышленного производства, 1976, № 5, с. 65.

¹⁰ Методические указания о порядке разработки и применения в планировании показателя чистой продукции (нормативной). — Экономическая газета, 1979, № 41, п. 42.

Таблица 7

Показатели	Фонд заработной платы в расчете на 1 руб. чистой продукции				
	1971	1972	1973	1974	1975
Вся промышленность	0,61	0,63	0,62	0,65	0,65
В том числе:					
Химическая и нефтехимическая	0,90	0,79	0,65	0,62	0,52
Машиностроение и металлообработка	0,67	0,70	0,73	0,74	0,73
Лесная и деревообрабатывающая промышленность	0,69	0,77	0,82	0,82	0,89
Промышленность строительных материалов	0,78	0,78	0,76	0,76	0,86
Легкая	0,50	0,53	0,50	0,51	0,52
Пищевая	0,32	0,36	0,34	0,44	0,46

Таблица 8

Показатели	Фонд заработной платы в расчете на 1 руб. чистой продукции				
	1971	1972	1973	1974	1975
Вся промышленность	0,61	0,63	0,62	0,65	0,65
В том числе по предприятиям с численностью работающих, чел.:					
до 100	0,31	0,37	0,34	0,38	0,45
101—200	0,31	0,37	0,37	0,36	0,40
201—500	0,46	0,49	0,44	0,58	0,64
501—1000	0,55	0,57	0,59	0,64	0,62
1001—3000	0,46	0,48	0,50	0,54	0,52
Свыше 3000	0,74	0,75	0,73	0,73	0,71

В табл. 8 приводятся данные, показывающие, как изменяется величина фонда заработной платы в расчете на 1 руб. чистой продукции в группах различных по величине предприятий.

Соответствующие коэффициенты вариации оказались следующими: 1971 г. — 0,33, 1972 г. — 0,29, 1973 г. — 0,29, 1974 г. — 0,27, 1975 г. — 0,22. Устойчивое их снижение во времени свидетельствует о сокращении различий в фонде заработной платы на 1 руб. чистой продукции на различных по величине предприятиях.

Что касается упомянувшегося предположения о снижении норматива фонда заработной платы во времени, то результаты расчетов не подтверждают его ни в целом по промышленности, ни по отдельным ее отраслям и группам предприятий (за исключением предприятий с численностью работающих более 3 тыс. чел.). Наоборот, для фонда заработной платы в расчете на 1 руб. чистой продукции характерна четкая повышающаяся тенденция.

Рост средней заработной платы должен обеспечиваться объективным ростом производительности труда. Это требует особенно тщательного контроля за соотношением темпов роста названных показателей. По обследованным предприятиям рост среднегодовой заработной платы и соответствующие коэффициенты опережения роста производительности труда роста средней заработной платы (K_1 , K_2) приведены в табл. 9.

Данные показывают, что коэффициент опережения K_1 больше K_2 для всего исследуемого периода времени. Причем независимо от метода

Таблица 9

Показатели	1965—1970	1970—1975
Рост среднегодовой заработной платы промышленно-производственного персонала	105,5	105,9
Рост производительности труда, рассчитанной по валовой продукции	104,6	105,7
Рост производительности труда, рассчитанной по чистой продукции	103,3	104,8
Коэффициент опережения роста производительности труда, рассчитанной по валовой продукции, роста средней заработной платы (K_1)	0,99	1,00
Коэффициент опережения роста производительности труда, рассчитанной по чистой продукции, роста средней заработной платы (K_2)	0,98	0,99

Таблица 10

Отрасли промышленности	Рост средней заработной платы		K_1		K_2	
	1965—1970	1970—1975	1965—1970	1970—1975	1965—1970	1970—1975
Химическая и нефтехимическая	105,5	106,0	1,00	1,07	0,92	1,11
Машиностроение и металлообработка	105,3	105,3	1,03	1,00	0,97	0,99
Лесная и деревообрабатывающая	106,2	106,9	1,00	0,99	1,00	0,99
Строительных материалов	105,2	105,0	0,97	1,00	1,05	0,96
Легкая	105,4	106,7	1,00	1,02	1,06	0,98
Пищевая	105,2	107,4	0,96	0,94	0,94	0,94

расчета производительности труда получаемое соотношение в девятой пятилетке лучше, чем в восьмой.

В табл. 10 приводятся результаты аналогичных расчетов по разным отраслям промышленности.

Видно, что производительность труда, рассчитанная по валовой продукции, дает лучший коэффициент опережения в четырех из шести отраслей в восьмой пятилетке и в пяти из шести отраслей в девятой. Причем если коэффициент K_1 , в девятой пятилетке по сравнению с восьмой повысился в половине отраслей, то K_2 — только в двух. Таким образом, ориентация на коэффициент K_2 означает в принципе более жесткий контроль за расходованием фонда заработной платы.

Таблица 11

Предприятия с численностью работающих, чел.	Рост средней заработной платы		K_1		K_2	
	1965—1970	1970—1975	1965—1970	1970—1975	1965—1970	1970—1975
До 200	105,9	106,7	1,00	0,97	1,05	0,94
201 — 1000	105,2	106,4	0,98	0,97	0,98	0,96
Свыше 1000	105,6	105,7	0,99	1,01	0,97	1,00

Коэффициенты, показывающие соотношение темпов роста производительности труда и средней заработной платы, представлены для различных групп предприятий в табл. 11. Независимо от метода расчета производительности труда коэффициент опережения (в десятой пятилетке по сравнению с восьмой) снизился на мелких и средних по величине предприятиях, на крупных предприятиях, наоборот, увеличился. Для абсолютных размеров этого коэффициента старый метод расчета производительности труда дает в целом более высокую оценку, соответственно при новом методе обеспечивается более жесткий контроль за расходованием фонда заработной платы.

Институт экономики и организации
промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск

П. А. МИНАКИР

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА¹

Освоение природных ресурсов на востоке и севере страны требует развития новых районов, что связано со значительным увеличением затрат различных ресурсов на создание инфраструктуры, мест поселений, на компенсацию непривычных условий жизни и производственной деятельности и т. п. Очевидно, что резкое увеличение затрат производственных ресурсов на единицу продукции неизбежно в начальный период углубления территориального разделения труда за счет освоения новых районов.

Тем не менее повышенные затраты на освоение новых районов в условиях ограниченности общих ресурсов экономического роста страны становятся некоторым препятствием на пути быстрого и комплексного развития этих районов. Значительное увеличение объема используемых общественных ресурсов при развитии хозяйства на новых территориях обуславливает стремление вкладывать ресурсы главным образом в освоение дефицитных для народного хозяйства природных богатств, нередко оставляя на втором плане развитие всего комплекса в производственной и непроизводственной сфере. Это, как правило, приводит к успешному развитию немногих профилирующих отраслей, базирующихся на эффективных природных ресурсах, однако в значительно меньшей степени обуславливает общий экономический рост того или иного района. Весьма наглядно это иллюстрируется тенденциями развития экономики Дальнего Востока, где более высокие, чем в целом по стране, темпы развития отраслей союзной специализации сочетаются с отставанием от среднесоюзных темпов экономического развития (см. таблицу).

Снижение же «ресурсной нагрузки» на народное хозяйство со стороны районов нового освоения возможно только при условии, если уровень экономического развития этих районов будет доведен до размеров, сопоставимых со средними общественными условиями производства. В этом случае эффективность использования производственных ресурсов в целом будет в этих районах достаточно высока. Это, очевидно, предполагает комплексное, пропорциональное развитие экономических районов.

Таким образом, проблема экономического развития отдельных районов и проблема эффективности использования в них общественных ресурсов тесно взаимосвязаны.

Эффективность является в определенном смысле и причиной, и следствием развития территориальной структуры народного хозяйства. Целью развития последней является в конечном счете повышение эф-

¹ В порядке постановки вопроса. (Ред.)

Среднегодовые темпы роста производства в промышленно-
сти СССР и Дальнего Востока, %

	1961—1970	1971—1978
Промышленность в целом	108,80 108,55	106,15 106,55
В том числе:		
Горнодобывающая и цветная металлургия	112,85 107,90	106,40 101,00
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	107,50 106,25	105,10 104,00
Рыбная	111,00 108,40	105,30 102,85

Примечание. Над чертой — темпы роста в промышленно-
сти Дальнего Востока, под чертой — в промышленности СССР.

фективности общественного производства, что достигается посредством использования специфических природных условий данного региона для получения наилучших конечных результатов в каждой области производственной деятельности.

Возникающие на этой основе территориальные экономические системы с некоторого момента начинают развиваться на собственной основе, т. е. стимулом их развития становятся в известном смысле собственные тенденции и цели. Таким образом, сформировавшиеся (или формируемые) территориальные (региональные) системы производительных сил сами становятся основанием для пространственного распределения общественных ресурсов, которое ориентируется на эффективность функционирования и развития данных региональных экономических систем.

Следовательно, эффективность общественного производства в региональном аспекте отражает, во-первых, использование в пространстве ресурсов в той или иной отрасли хозяйства и, во-вторых, функционирование региональной экономической системы. Конечно, эффективность функционирования экономики региона в конечном счете также сводится к эффективности использования ресурсов для получения какого-то конкретного результата. Тем не менее, такое различие эффективности является отражением реально существующего различия региональной и отраслевой структур народного хозяйства.

Применение общеметодологического положения об определении эффективности как соотношения результатов и затрат требует тщательного экономического обоснования содержания результатов функционирования региональной экономической системы. В настоящее время, как правило, в литературе при обсуждении проблем экономической эффективности в качестве результата функционирования экономики региона принимается созданный в регионе национальный доход (чистая продукция)². Это вполне логично, так как эффективность региональной экономики представляется как соотношение совокупных ресурсов воспроизводства, использованных в регионе, и национального дохода (чистой продукции)³, что соответствует критерию эффективности народного хозяйства в целом, в качестве которого большинством авторов признается максимизация национального дохода.

² См. Некрасов Н. Н. Региональная экономика. М., Экономика, 1976, с. 112; Орлов Б. П., Шнипер Р. И. Экономическая реформа и территориальное планирование. М., Экономика, 1969, с. 57; Шнипер Р. И. Региональные предплановые исследования. Новосибирск, Наука, 1979, с. 271.

³ Шнипер Р. И. Региональные предплановые исследования..., с. 271.

Нужно, однако, отметить, что данный показатель, по существу, отражает эффективность как некую средневзвешенную величину показателей эффективности отдельных отраслей хозяйства региона.

В самом деле, если обозначить через P_{ij} объем произведенной чистой продукции в i -й отрасли материального производства j -го региона и через R_{ij} совокупные ресурсы (в трудовом выражении), затрачиваемые на производство чистой продукции в i -й отрасли j -го региона, то показатель эффективности в каждой данной отрасли материального производства (ϵ_{ij}) будет определяться как $\epsilon_{ij} = \frac{P_{ij}}{R_{ij}}$. Тогда, считая, что в R_{ij} включаются все ресурсы как производственного, так и непроизводственного характера, функционально связанные с процессом воспроизводства, можно определить показатель эффективности региональной экономики (E_j) как

$$E_j = \frac{\sum_i P_{ij}}{\sum_i R_{ij}} = \frac{\sum_i (\epsilon_{ij} R_{ij})}{\sum_i R_{ij}}.$$

Данный показатель, отражая соотношение чистой продукции и совокупных ресурсов, представляет собой средневзвешенную по объему затрат ресурсов эффективность производства представленных в регионе отраслей материального производства.

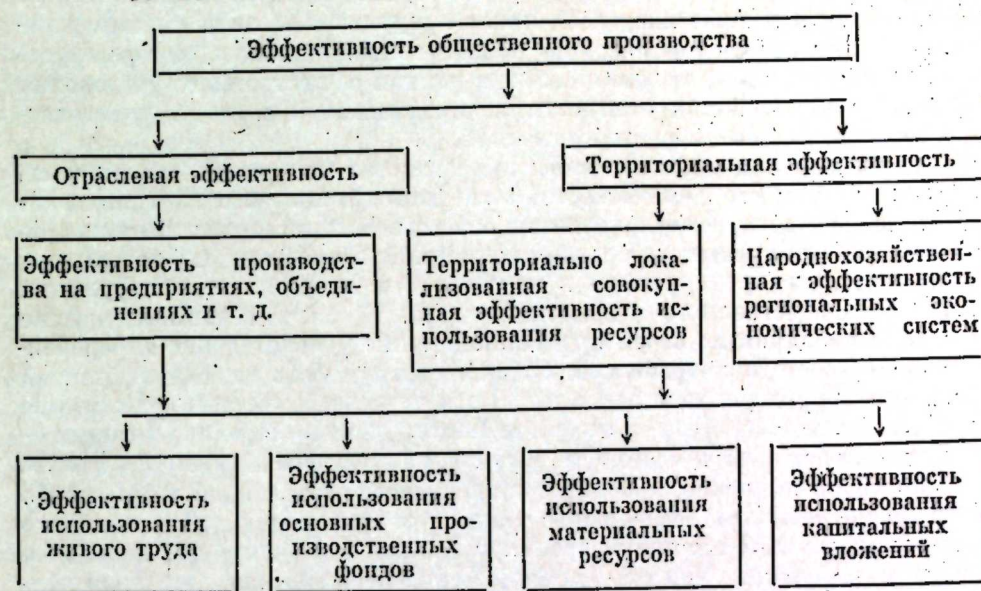
Очевидно, что использование данного показателя в качестве основы для распределения ресурсов общественного труда будет практически означать ориентацию на выгодность использования ресурсов в том или ином регионе в смысле экономии текущих и единовременных затрат. Это, как отмечалось выше, означает сдерживание комплексного и пропорционального развития производительных сил новых регионов на востоке страны опережающими темпами.

Распределение общественных ресурсов должно базироваться на ином основании. Как отмечал К. Маркс: «В будущем обществе... количество времени, которое будут посвящать производству того или другого предмета, будет определяться степенью общественной полезности этого предмета». Очевидно, распределение общественных ресурсов в соответствии с соображениями экономии текущих и единовременных затрат соответствует этому положению только в том случае, если уровни развития производительных сил различных регионов сопоставимы и их роль в процессе общественного производства примерно одинакова. В действительности эти предположения не выполняются.

Следовательно, при определении эффективности региональной экономики как объективно формирующейся экономической системы, выполняющей определенную народнохозяйственную функцию, необходимо использовать показатель результата, отражающий участие региона в общественном разделении труда, т. е. необходимо определить эффективность использования в регионе совокупных общественных ресурсов для обеспечения выполнения специфических функций регионального хозяйства в системе территориального разделения труда (народнохозяйственную эффективность региональной экономической системы). В этом случае может быть определена сравнительная эффективность использования общественных ресурсов в различных, конкурирующих с точки зрения их распределения, регионах страны.

В то же время предлагаемые в литературе показатели, основанные либо на соизмерении затрат ресурсов и суммарной продукции регионального производства⁴, либо на сравнении с нормативом суммарных по ре-

Структура исследования эффективности общественного производства

гиону показателей затрат⁵, по существу, отражают суммарную эффективность использования ресурсов в отдельных отраслях регионального хозяйства (территориально локализованную эффективность использования ресурсов).

При исследовании проблем региональной экономической эффективности необходимо учитывать оба представленных выше аспекта и их взаимосвязь.

На схеме показана тесная связь показателей эффективности использования ресурсов в отраслях общественного производства и в отдельных районах страны. Эта связь существует как территориальная дифференциация показателей эффективности производства. Данная взаимосвязь имеет важное значение для анализа эффективности использования ресурсов общественного труда в территориальном аспекте, но не подменяет задачу определения эффективности функционирования самой по себе региональной экономической системы в рамках общественного разделения труда. Эффективность развития хозяйственной системы региона через динамику технико-экономических параметров расположенных в нем отдельных производств воздействует на показатели эффективности использования совокупных ресурсов на территории. В то же время данный уровень эффективности использования ресурсов на территории определенным образом воздействует на оценки эффективности развития всего регионального хозяйства.

Определение эффективности использования в регионе ресурсов с позиций обеспечения выполнения специфических хозяйственных функций в системе общественного разделения труда предполагает рассмотрение регионального экономического комплекса как части народнохозяйственной системы. Основой ее выделения как раз и является специфичность функций, выполняемой региональной хозяйственной системой в рамках разделения труда между районами, удовлетворение посредством продукции данной системы определенных народнохозяйственных потребностей. По определению В. И. Ленина: «...В непосредственной связи с разделением труда вообще стоит... территориальное разделение труда, специали-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 97.

⁵ См. Методика определения экономической эффективности размещения промышленности. М., Экономика, 1967.

⁶ Кистанов В. В. Комплексное развитие и специализация экономических районов СССР. М., Экономика, 1968, с. 121.

зация отдельных районов на производстве одного продукта, иногда одного сорта продукта и даже известной части продукта».⁷ В этом смысле региональные экономические системы подобны предприятиям, которые различаются функциями, выполняемыми в рамках общественного разделения труда, потребительными стоимостями, предназначенными на удовлетворение различных потребностей общества.

При измерении эффективности производства на отдельном предприятии результатом его деятельности, материализующим его народнохозяйственную функцию, всегда является выпускаемая им общественная потребительная стоимость. Производство данной потребительной стоимости закрепляется за предприятием в качестве его исключительной функции в системе общественного разделения труда. В каждом данном регионе отдельное предприятие своей продукцией также удовлетворяет определенную общественную потребность. Однако совокупность этих предприятий дает лишь территориально локализованное отраслевое, частное разделение труда и не характеризует те потребности, удовлетворение которых — исключительная функция данного региона как производственной системы.

Любое предприятие, удовлетворяющее своей продукцией даже сугубо местную потребность, безусловно, является звеном в цепи общественного разделения труда. Но с точки зрения региональной структуры народного хозяйства продукция данного предприятия, необходимая для производственного или непроизводственного потребления внутри региона, не может рассматриваться как исключительная хозяйственная функция самой региональной экономической системы (сюда можно отнести предприятия социальной инфраструктуры, пищевой промышленности, производящие скоропортящиеся и малотранспортабельные продукты, вспомогательные и обслуживающие производства местного значения и т. д.). Правда, если данное производство отсутствует в районе, то соответствующую продукцию нужно завозить из другого района, что связано с увеличением количества ресурсов воспроизводства и снижением суммарного результата производства, т. е. со снижением показателя эффективности (отношение суммарного выпуска продукции к затратам ресурсов воспроизводства). Но в данном случае уже возникает ситуация, чуждая этому показателю, более соответствующая рассматриваемому ниже подходу.

Территориальное разделение общественного труда предполагает существование таких общественных потребностей, удовлетворение которых связано с закреплением производства соответствующих потребительных стоимостей за определенным районом страны. Данное производство (или данные производства) становится ядром формирования регионального экономического комплекса. В этом смысле вся остальная региональная экономическая структура функционально подчинена интересам производства данных потребительных стоимостей, удовлетворяющих народнохозяйственные потребности. Следовательно, конечным результатом функционирования региональной экономической системы является продукция отраслей народнохозяйственной специализации на основе внутрирегионального и межрегионального разделения труда.

Такая трактовка результата регионального экономического развития подчеркивает различие региональных экономических систем, их особенности. Представление же результата функционирования региональной экономики как совокупности результатов производственной деятельности хозяйствующих на территории единиц подчеркивает, напротив, тождественность внутренне различных регионов, что обуславливает трудности применения подобных показателей из-за их слабой сравнимости. Очевидно, именно различия региональных экономических систем дают основания для характеристики их как целостностей, определяемых существованием процесса воспроизводства.

Если подходить к региону как к органической части народнохозяйственного комплекса, характеризующейся специфичностью функции, выполняемой этой частью в системе разделения труда, то региональное воспроизводство представляется как непрерывный процесс возобновления производства продукции народнохозяйственной специализации в условиях пропорциональности развития производства во всех отраслях и сферах регионального комплекса, сбалансированности внешних экономических связей по реализации продукции и материально-техническому снабжению, финансовым и другим взаимоотношениям, исходя из целей обеспечения народнохозяйственных потребностей, удовлетворение которых связано с производством в рамках данного региона (территориально локализованных потребностей).

В этом случае эффективность воспроизводственного процесса в регионе представляется как соотношение стоимости продукции, удовлетворяющей народнохозяйственные потребности, и использованных в процессе производства ресурсов, с затратами которых связано получение данного результата функционирования регионального экономического комплекса.

Из имеющихся в литературе показателей эффективности региональной экономики как хозяйственного комплекса, функционирование которого ориентировано на удовлетворение определенных народнохозяйственных потребностей, наиболее отвечает такому подходу показатель, предложенный Э. Б. Алаевым.⁸ Этот показатель построен как раз в предположении, что основной функцией регионального экономического комплекса является удовлетворение потребностей народного хозяйства в определенных видах продукции. Вывоз этой продукции из региона представляется как основной результат функционирования региональной экономики, которому в качестве затрат противостоит ввоз продукции в регион:

$$\mathcal{E} = \frac{E - Y}{Y} \cdot \frac{D_p}{D},$$

где $\mathcal{E}$ — эффективность регионального экономического комплекса; E — вывоз продукции из региона; Y — ввоз продукции в регион; D_p и D — среднелюдное потребление продукции соответственно в регионе и стране в целом.

Данный показатель ценен также и тем, что в нем учитывается дифференция уровней экономического развития регионов посредством введения соотношения среднелюдных уровней потребления в стране и регионе.

Этот показатель, однако, содержит в своей конструкции и спорные моменты. Во-первых, затратами региональной экономики признаются фактически лишь затраты внешней для региона экономической системы, так как в знаменателе формулы присутствует только ввоз продукции в регион. При определении же эффективности функционирования данного регионального экономического комплекса в целом необходимо учитывать также и затраты, с которыми связано производство продукции народнохозяйственной специализации региона в рамках его самого. Тем более, что эти последние затраты по величине значительно превышают затраты на производство ввозимой продукции. Так, например, на Дальнем Востоке совокупные ресурсы производства формируются за счет ввоза всего примерно на треть.

Во-вторых, определяя результат функционирования региональной экономики как общий объем вывоза продукции из региона, данный подход отождествляет товарность регионального производства и его народнохозяйственную специализацию. Вывоз может быть порожден комплек-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 431.

⁸ Алаев Э. Б. Эффективность комплексного развития экономического района. М., Наука, 1965, с. 153.

сом разнообразных факторов и условий, действующих в регионе в данный момент времени. При этом остается в стороне вопрос о том, в какой степени производство данной продукции в регионе для вывоза в другие районы страны оправдано с точки зрения эффективности регионального производства, создания рационального сочетания производств, нацеленных на удовлетворение народнохозяйственных потребностей. Следовательно, эффективность региональной экономики обосновывается при таком подходе с позиции вывоза продукции, структура и величина которого сами по себе должны базироваться на оценках эффективности.

Показатель Э. Б. Алаева может, очевидно, использоваться для определения эффективности межрегионального обмена продукцией, если предполагать, что межрегиональные связи основаны на строгом соблюдении принципа эквивалентности. Для определения же эффективности региональной экономической системы в целом необходимо уточнить применяемые показатели результата и затрат.

Для оценки эффективности региональной экономической системы следует использовать величину произведенной в регионе продукции, удовлетворяющей территориально локализованные потребности народного хозяйства. В качестве затрат при этом выступают совокупные ресурсы, использованные в процессе производства в регионе. В их число входят не только ресурсы, затрачиваемые при производстве продукции специализации, но и те, которые необходимы как для осуществления производственного процесса в других сферах региональной экономической деятельности, так и для обеспечения социально-экономических процессов в регионе. Это связано с тем, что ресурсы, используемые в неспециализированных отраслях и прочих сферах региональной экономики, необходимы для производства промежуточного, в смысле внутрирегионального разделения труда, продукта, используемого для обеспечения удовлетворения народнохозяйственных потребностей. Следовательно, критерием эффективности региональной экономической системы является максимизация продукции народнохозяйственной специализации при данных ресурсах воспроизводства. Показатель экономической эффективности региональной экономики ($\mathcal{E}_R$) при этом имеет вид

$$\mathcal{E}_R = \frac{P_S^R}{R},$$

где P_S^R — объем продукции народнохозяйственной специализации, произведенной в регионе; R — сумма использованных в регионе ресурсов воспроизводства.

Данный показатель исходит из того, что хозяйство рассматриваемого региона действительно представляет собой комплекс взаимообусловленных производств, развивающихся на основе рационального внутрирегионального и межрегионального разделения труда. В этом случае продукция отраслей специализации региона действительно отражает совокупный результат функционирования всего хозяйства региона, в котором представлены результаты работы всех взаимосвязанных звеньев комплекса. Очевидно, реальная экономика регионов является лишь каким-то приближением к такому идеальному комплексу. Однако этот последний имеет вполне конкретный экономический смысл, представляя собой «чистое содержание» экономики регионов.

Этот показатель, по нашему мнению, обеспечивает возможность межрегиональных сравнений экономической эффективности, так как определяет эффективность использования ресурсов для производства продукции, являющейся для отдельных регионов взаимодополняющей с точки зрения удовлетворения потребностей народного хозяйства. Следовательно, если оценка продукции специализации производится по ценам, отражающим реальную полезность данной продукции для народного хозяйства, то предлагаемые региональные показатели эффективности будут

сопоставимы, так как показывают степень пропорциональности распределения общественных ресурсов относительно полезности региональных продуктов.

Проблема правильной стоимостной оценки продуктов специализации, таким образом, становится ключевой в смысле обеспечения сопоставимости показателей эффективности по регионам, без чего эти показатели в известной степени теряют смысл как параметры распределения ресурсов общества и параметры, контролирующего использование этих ресурсов.

Очевидно, что показатель эффективности в форме, предложенной выше, не отражает всей сложности региональной экономической системы. Кроме удовлетворения территориально локализованных народнохозяйственных потребностей посредством производства продукции отраслей специализации регион реально участвует в межрегиональном обмене, следовательно, в территориальном разделении труда посредством вывоза довольно широкого спектра продуктов регионального производства. Это связано с ограниченными потребностями региона в отдельных видах продукции в условиях развития специализации и концентрации производства, что обуславливает необходимость вывоза продукции за пределы региона. Этот вывоз может быть обусловлен указанными обстоятельствами как при условии рациональности региональной производственной структуры с точки зрения производства продукции специализации, так и ее нерациональности, что само по себе может вызвать интенсивные потоки ввоза — вывоза продукции. Вероятно, что в случае, когда вывоз продукции неспециализированных отраслей связан с закономерностями развития специализации и концентрации производства при рациональной структуре региональной хозяйственной системы и рациональных межрегиональных взаимосвязях, этот вывоз также может рассматриваться как результат функционирования региональной экономики в смысле ее участия в территориальном разделении труда. Эти величины вывоза могут быть получены при оптимизации регионального экономического комплекса, исходя из цели снижения затрат ресурсов на обеспечение удовлетворения народнохозяйственных потребностей. Следовательно, показатель эффективности регионального экономического комплекса принимает вид

$$\mathcal{E}_R = \frac{P_S^R + Q_R}{\tilde{R}},$$

где Q_R — оптимальная величина вывоза «прочей» продукции из региона; $\tilde{R}$ — оптимальная величина использованных в регионе ресурсов воспроизводства.

Оптимальные оценки вывоза продукции неспециализированных отраслей из региона и оптимальной величины использованных ресурсов могут быть получены из решения задачи оптимизации региональной экономической структуры исходя из требования минимизации совокупных народнохозяйственных затрат на развитие производственной и непроизводственной сфер в регионе при выполнении народнохозяйственного заказа по производству и вывозу продукции отраслей специализации.

Одна из особенностей этого показателя заключается в том, что он предполагает динамический подход к оценке эффективности региональной экономической системы. Очевидно, что элементы данного показателя претерпевают изменения во времени, но для того чтобы учесть эти изменения, недостаточно просто подставить в формулу новые отчетные значения элементов. Эти изменения в данном случае определяются качественными сдвигами в развитии регионального комплекса. Оптимальные оценки затрат ресурсов и вывоза можно найти исходя из эффективного развития комплекса в целом, ориентированного на выполнение народнохозяйственного «заказа». Иными словами, оценка эффективности региональной экономики предполагает, по существу, нахождение эффективных

траекторий развития регионального комплекса во всех его пропорциях и взаимосвязях. Следовательно, данный показатель эффективности может рассматриваться не только как констатирующий на каждый данный момент, но и как управляющий параметр региональной экономической системы в рамках общественного разделения труда, так как при условии определения эффективной с точки зрения удовлетворения народнохозяйственных потребностей траектории развития региональной экономической системы этот показатель может рассматриваться как основание для межрегионального распределения ресурсов общественного производства.

Динамичность этого показателя связана не только с изменением оценок рациональности, оптимальности структуры и внешних связей региона при данной структуре отраслей специализации, но и с изменениями в самой сфере производственной специализации региона. Эти изменения определяются, с одной стороны, динамикой структуры народнохозяйственных потребностей, а с другой стороны, изменением в параметрах территориальной локализации этих потребностей.

*Институт экономических исследований ДВНЦ АН СССР,
Хабаровск*

Л. Г. ИСТОМНИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ФАКТОРАМИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА

Вопросы эффективности общественного производства в условиях развитого социализма находятся в центре внимания нашей экономической науки. «Для того, чтобы успешно решать многообразные экономические и социальные задачи, стоящие перед страной, — подчеркивал Л. И. Брежнев в докладе XXV съезду КПСС, — нет другого пути, кроме быстрого роста производительности труда, резкого повышения эффективности всего общественного производства. Упор на эффективность... — важнейшая составная часть всей нашей экономической стратегии»¹.

От роста эффективности труда в огромной мере зависит повышение благосостояния народа, создание предпосылок для всестороннего гармонического развития человека, реализация основного экономического закона социализма.

Нельзя не учитывать также ряд других, отмеченных на XXV съезде КПСС обстоятельств, которые делают задачу повышения эффективности труда особенно настоятельной: обострение проблемы трудовых ресурсов, удорожание энергии и сырья, повышение издержек на охрану окружающей среды и необходимость развития инфраструктуры. Следовательно, изучение вопросов влияния различных факторов на рост эффективности труда имеет большое теоретическое и практическое значение для коммунистического преобразования общества.

Существующая методика планирования эффективности труда показывает, что план обоснован действием данных факторов и является реальным. Однако это совсем не говорит о том, что план оптимальный. В связи с этим возникает необходимость управления планированием эффективности труда. Цель управления — составление такого плана роста эффективности труда, который являлся бы оптимальным, т. е. обеспечивал необходимый рост эффективности труда при минимальных затратах на мероприятия по использованию резервов.

Управление социально-экономическими факторами эффективности труда предполагает решение двух задач. Во-первых, необходимо описать систему социально-экономических факторов повышения эффективности труда. Во-вторых, разработать основные направления использования социально-экономических факторов эффективности труда.

Вопрос о социально-экономических факторах эффективности труда в условиях научно-технической революции — это прежде всего вопрос о положении трудящегося человека в производстве и в обществе, изучение человека как личности и главной производительной силы.

В экономической литературе иногда недооценивается, а в ряде случаев и отрицается влияние социально-экономических факторов на эффек-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 43.

тивность труда². Одной из причин этого является встречающееся в специальной литературе и на практике преувеличение значения вещественных элементов процесса труда и некоторая недооценка роли живого труда. Разумеется, в условиях научно-технической революции крайне важна экономия овеществленного труда, т. е. снижение затрат средств производства на единицу продукции. Но это не означает, что уменьшается значение живого труда. К. Маркс подчеркивал, что производственное предприятие нельзя рассматривать только как систему машин, соединенных посредством того или иного технологического процесса: «Живой труд посредством того или иного технологического процесса: «Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда... они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно»³.

Другая причина недооценки социально-экономических факторов — то обстоятельство, что действие большинства социально-экономических факторов повышения эффективности труда не поддается непосредственному измерению, хотя в нашей стране и за рубежом имеются расчеты, показывающие прирост производительности труда (одного из основных показателей эффективности труда) за счет использования отдельных социально-экономических факторов. По мнению американских исследователей, прирост производительности труда в промышленности США в настоящее время (а также в ближайшем будущем) обеспечивается примерно на 65—70% именно за счет социально-экономических факторов⁴.

Непризнание или недооценка социально-экономических факторов эффективности труда означает игнорирование важнейших явлений реальной действительности, отрицание действия закона воспроизводства рабочей силы. На необходимость учета социально-экономических факторов, особенно в социалистическом обществе, указывал В. И. Ленин. Он писал: «Другим условием повышения производительности труда является во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения... Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости, интенсивности труда...»⁵.

В экономической и философской литературе ряд авторов делают попытки дать определение социально-экономических факторов. Весьма интересным является определение, которое дали А. Н. Гржегоржевский и Г. Я. Фролов. К социально-экономическим они относят «объективные закономерные изменения, изменения в отношениях между работниками и непосредственным процессе производства, а также изменения в самих производителях, происходящие под воздействием развивающихся средств труда и технологии производства, производственных отношений и общественной надстройки»⁶. Полезное дополнение внес в это определение Н. В. Козлов. Он исключает из этих изменений «неосознанные биологические изменения»⁷, тем самым более четко предстает социальная сторона личного фактора процесса труда.

² См. Водомеров Н. И. Факторы роста производительности труда. Рига, 1965, с. 17; Планирование производительности труда в народном хозяйстве СССР. М., 1965, с. 87—88; Кац А. И. Производительность труда в СССР и главных капиталистических странах. М., 1964, с. 186—209.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 194.

⁴ Васильев В. Г. Проблемы повышения производительности труда на предприятиях промышленности и транспорта. М., 1974, с. 54.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 188.

⁶ Гржегоржевский А. Н., Фролов Г. Я. Социально-экономические факторы роста производительности труда — сущность, классификация, механизм действия. — Социалистический труд, 1972, № 7, с. 21.

⁷ См. Козлов Н. В. Социально-экономические факторы и их влияние на рост производительности труда (на примере организации заработной платы). Канд. дис. М., 1978, с. 25.

Анализ социально-экономических факторов и оценка их влияния на эффективность труда в промышленности требуют внести некоторые уточнения в эти определения. С одной стороны, они не показывают различия между социально-экономическими и собственно социальными факторами. Ведь те изменения, которые происходят под воздействием общественных отношений, могут быть как социально-экономические, так и собственно социальные (семейно-бытовые, культурно-просветительные, правовые, воспитательные и т. п.). С другой стороны, управление социально-экономическими факторами предполагает учет изменений в отношениях между работниками не во всем процессе производства, а только в процессе труда. Поэтому социально-экономическими факторами целесообразно называть изменения в отношениях между работниками в процессе труда, а также изменения в личном факторе как элементе производительных сил (исключая неосознанные биологические изменения) и как субъекта общественных отношений, происходящие в результате развития и совершенствования средств производства, производственных отношений и надстройки (исключая семейно-бытовые, культурно-просветительные, правовые, воспитательные и другие изменения, которые относятся к собственно социальным).

Теоретический анализ и многочисленные исследования социально-экономических факторов позволяют выделить среди последних три основные группы: 1) факторы, характеризующие уровень знаний рабочего (уровень общих и специальных производственно-технических знаний, уровень квалификации, уровень производственной культуры); 2) факторы, характеризующие отношение работника к труду (дисциплина труда, уровень технического творчества, рационализаторская и изобретательская деятельность, уровень трудовой активности); 3) факторы, характеризующие физическое состояние работника в процессе труда (уровень заболеваемости, трудоспособность работника, производственный травматизм).

Управление социально-экономическими факторами невозможно без выявления зависимости между социально-экономическими факторами и эффективностью труда. При этом важно не только показать, какой социально-экономический фактор оказывает влияние на эффективность труда, но и дать количественную оценку этого влияния. Рассмотрим роль отдельных социально-экономических факторов в повышении эффективности труда.

Между уровнем образования и эффективностью труда имеется прямая зависимость. Исследования, проведенные академиком Струмилиным еще в 20-х годах, показали, что даже при достижении рабочими элементарной грамотности производительность их труда повышалась в среднем на 30% в год, в то время как у неграмотных рабочих — лишь на 12—16%. Дальнейшие исследования подтвердили тесную связь уровня образования с эффективностью труда. Подсчитано, что с повышением общего образования на один класс средней школы производительность труда возрастает: в машиностроении — на 1,5—2%, черной металлургии — на 0,4—0,7, в легкой промышленности — на 1,5—2,2%. Выработка рабочих, имеющих полное среднее образование, превышает на 25% выработку рабочих с неполным средним образованием, а у рабочих, окончивших 8 классов, на 35% выше, чем у рабочих с 5-классным образованием⁸.

Повышение квалификации также оказывает двойное влияние на рост производительности труда: во-первых, рабочий более высокой квалификации создает больший объем продукции при тех же затратах труда;

⁸ Экономические проблемы эффективности производства. Киев, 1975, с. 16; Социальные факторы повышения эффективности труда на предприятиях промышленности и транспорта, вып. 3. М., 1973, с. 52; Корчагин В. П. Проблема развития высшей школы и экономика. — Изв. АН СССР. Сер. экон., 1972, № 1, с. 53.

во-вторых, квалификация выступает как условие, формирующее отношение работника к труду. Установлено, что доведение среднего разряда рабочих до среднего разряда выполняемых работ позволило бы значительно повысить эффективность труда. По данным Научно-исследовательского института труда⁹, повышение квалификации рабочих на один разряд увеличивает производительность труда на 6—8%. Ряд расчетов показывает зависимость производительности труда от квалификации в различных разрядных группах. Так, если для группы рабочих неквалифицированного труда коэффициент равен 1, то для группы рабочих малоквалифицированного труда — 1,17, для рабочих II—III разряда — 1,46, IV—V разряда — 1,55, для группы рабочих VI разряда — 1,67¹⁰.

Следует подчеркнуть, что эти цифры учитывают влияние не только квалификации, но и стажа, и возраста. Расчеты показывают, что с увеличением профессионального стажа работы на один год производительность труда возрастает на 2,8%¹¹. Ряд экономистов считают, что в результате непосредственного воздействия квалификации на эффективность труда обеспечивается среднегодовой темп прироста выработки на 2,7%¹².

Вторая группа социально-экономических факторов эффективности труда отражает отношение работника к труду. Как указывалось выше, в качестве объективных характеристик отношения к труду необходимо рассмотреть дисциплину труда, уровень технического творчества, рационализаторскую и изобретательскую деятельность, уровень трудовой активности.

Рост эффективности труда предполагает соблюдение работниками трудовой и производственной дисциплины. В Конституции СССР записано: «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества»¹³.

Влияние дисциплины труда на его эффективность следует рассматривать по двум направлениям: 1) прогулы и опоздания, преждевременный уход с работы; 2) внутрисменные простои.

Прогулы, опоздания и преждевременный уход с работы наносят серьезный ущерб народному хозяйству. С одной стороны, снижается экономическая эффективность труда (общество недополучает потребительные стоимости в результате отсутствия работника на производстве). Так сокращение прогулов на один день на ряде промышленных предприятий равнозначно росту производительности труда на 0,1%¹⁴. С другой стороны, уменьшается социальная эффективность труда (нарушение трудовой дисциплины свидетельствует о непризнании установленных обществом правил и норм поведения, оказывают отрицательное влияние на окружающих).

Внутрисменные потери рабочего времени достигают на ряде предприятий 15—20% всего рабочего времени¹⁵. Говоря об отношении работника к труду, необходимо проанализировать те внутрисменные потери

рабочего времени, которые связаны с исправлением брака и ремонтом оборудования, вызванных виной отдельных работников.

Участие трудящихся в техническом творчестве, рационализаторской и изобретательской деятельности также значительно влияет на повышение эффективности труда. Исследованиями установлено, что у рабочих, активно участвующих в техническом творчестве и рационализаторской деятельности, средняя норма выработки на 3—5% выше¹⁶, а на отдельных заводах на 10% выше, чем у остальных¹⁷.

Среди показателей, которые характеризуют отношение работника к труду, немаловажное значение имеет участие трудящихся в социалистическом соревновании. По мере развития экономики, общественных отношений, свойственных развитому социализму, соревнование все теснее связывается с повышением эффективности общественного производства.

Известно, что производительность труда у передовиков производства, как правило, в 1,5 раза выше средней, а у остальных примерно на столько же ниже¹⁸. Сократить этот разрыв — значит намного повысить эффективность использования рабочей силы.

Третья группа социально-экономических факторов также оказывает существенное влияние на повышение эффективности труда. Физическое состояние работника отражает в определенной мере эффективность использования рабочей силы в данный промежуток времени. В настоящее время на промышленных предприятиях около 30% всех резервов роста производительности труда составляют резервы лучшего использования рабочего времени и, в частности, сокращение целодневных потерь, связанных с временной нетрудоспособностью из-за болезней и травм. По расчетам экономистов, в целом по промышленности из-за болезней ежегодно не работают 320—330 тыс. круглогодичных работников¹⁹.

Физическая трудоспособность работника во многом зависит и от возраста. По расчетам венгерских экономистов повозрастная производительность труда и возраст среднего активного работника находятся в следующей зависимости²⁰:

Возрастная группа	Производительность труда	Возрастная группа	Производительность труда
15—19	0,71	45—49	1,09
20—24	0,90	50—54	1,07
25—29	1,05	55—59	1,06
30—34	1,10	60—64	0,90
35—39	1,11	65—69	0,87
40—44	1,12	70 и старше	0,80

Примерно такая же закономерность изменения производительности труда в зависимости от возраста наблюдается и в расчетах, которые выполнены на основе примерной возрастной структуры населения СССР в 1968 г.:

Возрастная группа	16—19	20—29	30—39	40—59	50—59	60 и старше
Стоимость, созданная одним рабочим, тыс. руб.	2,0	3,3	3,6	3,2	2,1	1,4

¹⁶ Социальные факторы повышения производительности труда на предприятиях промышленности и транспорта, вып. 3. М., 1976, с. 7.

¹⁷ По материалам обследования, проведенного автором.

¹⁸ Федин В. Социалистическое соревнование и повышение эффективности производства. — Вопросы экономики, 1976, № 1, с. 62.

¹⁹ Карпухи Д. Вопросы повышения эффективности общественного труда. — Социалистический труд, 1974, № 10, с. 30.

²⁰ Производительность труда в условиях развитого социализма. М., 1976, с. 215.

⁹ Производительность труда в условиях развитого социализма. М., 1976, с. 212.

¹⁰ Федоров А. Влияние квалификации на производительность труда. — Социалистический труд, 1977, № 5, с. 90.

¹¹ По материалам обследования, проведенного автором.

¹² Голов А. П. Производительность, научная организация и условия труда. М., 1977, с. 12.

¹³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1978, с. 24.

¹⁴ По материалам обследования, проведенного автором.

¹⁵ Маневич Е. Организация труда как резерв повышения его производительности. — Вопросы экономики, 1976, № 8, с. 121.

Учет возрастной производительности труда имеет большое значение для планирования и прогнозирования эффективности труда на отдельных предприятиях, поскольку позволяет оценить резервы производительности труда в зависимости от возрастной структуры работающих.

Такова система социально-экономических факторов повышения эффективности труда. Однако управление процессом воспроизводства рабочей силы предполагает и разработку комплексной программы использования этих факторов. Важную роль в разработке мероприятий по повышению социально-экономических факторов повышения эффективности труда играет внедрение научной организации труда, за счет которой общий прирост производительности труда ежегодно обеспечивается на 20—25 %²¹.

Важнейшей особенностью научной организации труда является ее высокая эффективность при относительно небольших затратах. Так, затраты, которые несут предприятия по внедрению НОТ, окупаются примерно за 0,6—0,7 года по сравнению с 4—5 годами, в течение которых окупаются расходы на строительство новых предприятий и 3 годами — восполнению затрат по внедрению новой техники²².

Научная организация труда осуществляется прежде всего на рабочем месте и направлена на использование многих социально-экономических факторов путем совершенствования профессионального разделения труда, совмещения профессий, специальностей и функций, многостаночного и многоагрегатного обслуживания и т. д.

Многостаночное обслуживание и совмещение профессий приводит к значительному повышению эффективности труда. Расчеты показывают, что средний уровень совмещения профессий на всех предприятиях машиностроения обеспечивает рост производительности труда на 1—2,5%, а если добиться уровня передовых предприятий, то производительность труда могла возрасти на 4—5%²³. Создание сквозных, комплексных и комплексно-сквозных бригад обеспечивает рост производительности труда в этих бригадах в среднем на 10—15%²⁴.

Важной составной частью организации труда и одним из направлений использования социально-экономических факторов повышения эффективности труда является улучшение условий и охраны труда. Вопросами улучшения условий и охраны труда, специально занимаются работники различных служб, научно-исследовательских организаций. На проведение мероприятий по охране труда и технике безопасности только по учитываемым отраслям ежегодно расходуется более миллиарда рублей. Благодаря этим мероприятиям удалось добиться существенных успехов. Только за последние 10 лет производственный травматизм (по частоте случаев) сократился примерно в 3 раза. Прирост производительности труда после внедрения мероприятий, направленных на улучшение условий и охраны труда, составляет в различных отраслях промышленности от 6 до 35% (по данным исследований Института труда)²⁵.

Другим направлением улучшения использования социально-экономических факторов повышения эффективности труда является оценка за-

трат на мероприятия по их использованию. В экономической и социальной литературе, а также в отдельных методиках уделяется должное внимание оценке затрат на мероприятия по использованию технико-экономических факторов. Менее изучены затраты по использованию социально-экономических факторов эффективности труда. По нашему мнению, целесообразно рассчитывать затраты двойного рода: прямые и обратной связи.

Прямые затраты — это затраты, связанные с использованием данного социально-экономического фактора. Так, например, в затраты по подготовке рабочих кадров на предприятии входят: заработная плата педагогического персонала, заработная плата инструкторов производственного обучения, заработная плата работников отдела подготовки кадров, канцелярские и хозяйственные расходы, заработная плата учеников, в целом эти затраты на одного рабочего составляют 143 руб.²⁶. А стоимость подготовки одного рабочего в профессионально-технических училищах в 9—10 раз выше, чем на предприятии.

Расчет прямых затрат необходимо осуществлять по всем факторам, включаемым в план повышения эффективности труда. Такого рода расчеты будут иметь большое значение для управления социально-экономическими факторами повышения эффективности труда, поскольку позволяют плановым органам предусмотреть определенный рост эффективности труда с наименьшими затратами (в нашем примере — выбрать наиболее эффективную систему подготовки кадров).

Для управления социально-экономическими факторами эффективности труда определенное значение имеет оценка затрат обратной связи или дополнительных затрат (потерь), которые вынуждено будет осуществлять предприятие в результате недоиспользования того или иного социально-экономического фактора. Примером может служить расчет среднегодового ущерба, причиняемого предприятию текучестью кадров.

К этому ущербу необходимо отнести: 1) ущерб, вызванный недополучением продукции в течение двух недель у работников, решивших оставить работу; 2) ущерб, вызванный недополучением продукции у работников, вновь принятых на работу, из-за низкой производительности труда; 3) затраты на обучение вновь принятых рабочих; 4) расходы, связанные с организационной работой по приему и увольнению по собственному желанию²⁷.

Опираясь на результаты, полученные в экономической литературе, социологические исследования, а также на самостоятельные расчеты, можно оценить затраты обратной связи, соответствующие каждому социально-экономическому фактору эффективности труда.

Следует отметить, что затраты обратной связи используются в качестве дополнительного параметра, необходимого для выбора оптимального варианта использования социально-экономических факторов повышения эффективности труда и, по сути дела, представляют те затраты, которые предприятие вынуждено будет осуществлять в будущем, если не учтет комплексное влияние социально-экономических факторов на повышение эффективности труда.

В данной статье нет необходимости описывать формальную сторону метода выбора оптимального варианта использования социально-экономических факторов повышения эффективности труда. По сути его в следующем: с помощью экономико-математических методов и средств вычислительной техники выбирается вариант, который обеспечивает определенное повышение эффективности труда с минимальными затратами (пря-

²¹ Экономические и социальные проблемы развития производства. Свердловск, 1976, с. 57.

²² Манолич Е. Организация труда как резерв..., с. 128.

²³ Радукин В. Резервы предприятий и факторы, влияющие на их использование. — Социалистический труд, 1973, № 4, с. 33; 1976, № 5, с. 86; Ефремов С. Совмещение профессий: принципы, условия и методы проектирования. — Социалистический труд, 1977, № 1, с. 74.

²⁴ Андрианов И. Система разработки и внедрения мероприятий НОТ в отрасли. — Социалистический труд, 1978, № 1, с. 97; Сотников Г. Важный резерв роста производительности труда. — Социалистический труд, 1972, № 6, с. 58.

²⁵ Костин Л. А. Производительность труда и технический прогресс. М., 1974, с. 232—234.

²⁶ Социально-экономические вопросы организации труда. М., 1974, с. 97.

²⁷ Вопросы экономики труда в условиях научно-технического прогресса. М., 1972, с. 162.

мами и затратами обратной связи), необходимыми при использовании социально-экономических факторов. Это позволит не только добиться существенного повышения эффективности труда, но и направлять денежные ресурсы на те мероприятия, которые действительно приводят к повышению эффективности труда на предприятии.

Управлению социально-экономическими факторами предполагает также контроль за ходом выполнения плана. Ведь управление представляет собой непрерывную, целенаправленную деятельность, которая заключается в оперативном регулировании процесса функционирования «организации» с тем, чтобы привести его к оптимуму путем предупреждения и устранения различных отклонений, сбоев, отказов²⁸.

Управление эффективностью труда предусматривает четкую регламентацию обязанностей подразделений на всех уровнях управления, такую регламентацию, которая могла бы все «разложить по полочкам», определить, кто отвечает за решение того или иного вопроса, что он должен делать для достижения поставленной цели и какими средствами способствует этого добиваться. Только такой подход может обеспечить целеустремленную, слаженную работу.

На основе составленного оптимального плана и согласованности количественных значений социально-экономических факторов, которые являются информацией для управления, управленческий аппарат вырабатывает команду для устранения диспропорций. Эти диспропорции проявляются в виде возмущений, информации о которых поступает от различных инстанций. На основе анализа этой информации и вырабатывается команда, предназначенная для проведения мероприятий по использованию социально-экономических факторов повышения эффективности труда к норме, т. е. к оптимальному плану. Все это позволяет осуществлять контроль за ходом выполнения плана повышения эффективности труда.

Таким образом, рассмотренные в данной статье вопросы позволяют сделать вывод о необходимости изучения социально-экономических факторов эффективности труда и их использования при планировании повышения эффективности труда.

*Новосибирское высшее военное командное училище
МВД СССР*

В. Н. ХОМЕЛЯНСКИЙ

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА СИБИРСКОГО РЕГИОНА

Изучение районных различий в жизненном уровне свидетельствует, что достаточно узкие параметры социальной инфраструктуры по-прежнему остаются важнейшей причиной перациональных миграционных процессов. Между тем, как показывают расчеты А. Майкова, дополнительная потребность восточных районов в рабочей силе в перспективе составит несколько миллионов человек и может быть удовлетворена за счет естественного прироста трудовых ресурсов менее чем наполовину¹. Для стабилизации населения восточных районов, а также дополнительного привлечения трудовых ресурсов необходимо создать здесь предпочтительную систему социальной инфраструктуры.

Ориентировочные расчеты по зоне умеренного климата, осуществленные в ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, показали, что увеличение реальных доходов на душу населения на 100 руб. в год приводит к сокращению интенсивности ежегодного выбытия работников на 0,56 пункта, повышение обеспеченности общественными фондами на аналогичную сумму повышает ее на 0,96 пункта, а вложение 100 руб. (на душу населения в год) в строительство жилья позволяет сокращать интенсивность выбытия в среднем на 1,17 пункта. Не меньший эффект, по-видимому, может быть получен при подобном подходе к очередности капитальных вложений в восточных районах.

Методология современного территориального планирования социальной инфраструктуры исходит из того, что степень ее развития должна соответствовать удельному весу региона в общесоюзной и республиканской численности населения. Но при подобном подходе не учитывается специфика расселения населения, необходимость привлечения и закрепления в перспективных районах дополнительной рабочей силы, экономический потенциал региона.

В годы восьмой пятилетки в РСФСР введено 284,5 млн. м² жилой площади, в том числе в Западной Сибири — 25,5 млн. м², Восточной Сибири — 17 млн. м². В 1966—1978 гг. темпы прироста жилья в Западной Сибири проминали среднереспубликанские, в Восточной Сибири значительно отставали. Как по республике в целом, так и в восточных районах за анализируемый период на каждого человека в среднем была возведена жилая площадь в 5,6 м². Восточные районы предпочтения в темпах жилищного строительства не имели.

В восточных районах на 1 человека приходится примерно столько же жилой площади, сколько и в европейской части. В Новосибирске на

¹ Основным направлением миграции и совершенствования территориального пораспределения трудовых ресурсов (по данным РСФСР). Народонаселение, М., 1973, с. 34—35.

²⁸ Вяздин С. М. Совершенствовать систему повышения квалификации кадров. Две проблемы переподготовки руководителей. — Социалистический труд, 1973, № 3, с. 70.

Таблица 1

Предприятия розничной торговли и общественного питания (на 10 тыс. чел.)

	Предприятия розничной торговли				Общественного питания				Розничный товарооборот на душу населения (в руб.)			
	1965	1970	1975	1978	1965	1970	1975	1978	1965	1970	1975	1978
СССР	28	28	27	27	8	10	11	11	456	642	830	924
РСФСР	27	27	27	26	8	10	11	11	500	700	910	1017
В том числе:												
Западная Сибирь	28	29	28,4	28	7,8	9,5	10,7	10,9	446	637	874	980
Восточная Сибирь	30,1	30,1	28,2	27,3	8,2	10,6	11,2	11,2	490	681	880	983

Примечание. Табл. 1—4 рассчитаны по данным: Народное хозяйство СССР в 1978 г. М., 1979; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. М., 1971; Народное хозяйство РСФСР в 1978 г. М., 1979.

1 жителя в 1978 г. было 12,6 м², Омске — 12,3 м², Барнауле — 12, в Красноярске — 12,2 м². Соответственно в европейских городах: в Горьком — 12,4 м², Воронеже — 12,5 м², Куйбышеве — 12,1, Волгограде — 13,1 м². Однако уровень благоустройства жилого фонда в Сибири ниже республиканского примерно в 1,5 раза и Центра РСФСР — почти в 2 раза. Для действительного выравнивания обеспеченности Сибири жильем необходимо, чтобы нормы жилой площади на душу населения превышали показатели по западным районам на 15—20% при одновременном значительном росте объема коммунально-бытовых услуг.

Существенным направлением в повышении жизненного уровня является улучшение торгового обслуживания населения. Материальная база торговли в последнее время развивалась медленнее, чем товарооборот, что тормозило повышение культуры торговли, приводило к потерям продовольственных и снижению качества непродовольственных товаров.

По численности предприятий розничной торговли восточные районы несколько превышают среднесоюзные и республиканские показатели, по сети общественного питания находятся на республиканском уровне (табл. 1). По розничному товарообороту восточные районы только приблизились к среднереспубликанскому, хотя еще отстают от него. Если учесть, что уровень цен в восточных районах превышает средние по стране показатели, то становится очевидным: динамика торговой сети и розничного товарооборота в восточных районах все еще остается неудовлетворительной.

Социальная инфраструктура представлена также предприятиями бытового обслуживания, сеть которых и объем оказываемых ими услуг существенно воздействуют на жизненный уровень населения.

По объему оказываемых бытовых услуг Сибирь остается на более низком уровне по сравнению с союзно-республиканскими показателями (табл. 2). Если в 1965 г. объем бытовых услуг на душу населения в Западно-Сибирском районе по отношению к среднереспубликанскому составил 85,8, в Восточно-Сибирском — 75%, то в 1978 г. — соответственно 99,6 и 89,2%.

В развитии образования, культуры, здравоохранения восточные районы достигли наиболее заметных успехов, хотя и здесь далеко не все проблемы решены. Уровень образования как качественная характеристика работника изменяется соответственно конкретным условиям экономического прогресса. В сфере образования на 20—30 лет вперед формируется интеллектуальный потенциал общества. С этих позиций необходимо рассмат-

Таблица 2

Предприятия бытового обслуживания и объем бытовых услуг

	Предприятия бытового обслуживания на 10 тыс. чел. населения				Объем бытовых услуг на душу населения (в руб.)			
	1965	1970	1975	1978	1965	1970	1975	1978
СССР	8,3	9,9	10,3	10,2	8,2	17,7	21,5	26,0
РСФСР	7,4	8,7	9,2	8,7	9,2	16,7	22,0	27,0
В том числе:								
Западная Сибирь	7,2	9,0	9,4	9,0	7,9	16,3	20,0	26,9
Восточная Сибирь	7,1	8,2	8,3	8,0	6,9	13,4	20,0	24,1

ривать современное состояние и тенденции изменения территориальных нормативов данной сферы социальной инфраструктуры (табл. 3).

По численности студентов на соответствующее число населения в 1978 г. в Западной Сибири показатели стали предпочтительнее по сравнению со среднереспубликанскими, по Восточной Сибири ниже на 8,8 пункта. Сеть средних специальных учебных заведений здесь более развита, чем по стране и республике, что позволяет готовить значительные количества специалистов средней квалификации, столь необходимых в современном производстве.

Ускоренные темпы изменения высшего и среднего специального образования позволяют интенсивнее насыщать народное хозяйство восточных районов специалистами высшей и средней квалификации. Разрыв обеспеченности специалистами народного хозяйства в сравнении со среднереспубликанскими сокращается: по Западной Сибири в 1978 г. по сравнению с 1965 г. с 83,1 до 91,1%, в Восточной Сибири — с 83,5 до 94,0%. Однако при систематически возрастающей значимости восточных районов в развитии экономического потенциала страны здесь требуется не только дополнительное привлечение и закрепление специалистов, но также ускорение темпов изменения системы специального образования.

По численности клубных учреждений, киноустановок, количеству журналов и книг в библиотеках на душу населения районы Сибири находятся в более предпочтительных условиях по сравнению со среднереспубликанскими, либо заметно приближаются к ним. В 1978 г. число клубных учреждений (на 10 тыс. чел.) в Западно-Сибирском районе достигло 6,2; в Восточной Сибири — 6,1, тогда как по республике в целом — 5,6,

Таблица 3

Развитие образовательной системы (на 10 тыс. чел. населения)

	Студенты вузов				Учащиеся средних специальных учебных заведений				Специалисты с высшим и средним спец. образованием в народном хозяйстве			
	1965	1970	1975	1978	1965	1970	1975	1978	1965	1970	1975	1978
СССР	166	188	190	195	158	180	170	178	526	692	900	1015
РСФСР	185	204	212	217	178	199	200	198	198	564	769	1090
В том числе:												
Западная Сибирь	173	200	213	222	179	206	214	209	469	669	900	993
Восточная Сибирь	151	183	189	198	174	209	213	206	471	642	642	916

Таблица 4

Показатели обслуживания (на 10 тыс. чел. населения)

	Обеспеченность населения больничными койками				Обеспеченность врачами				Численность детей в детских садах и яслях-садах			
	1965	1970	1975	1978	1965	1970	1975	1978	1965	1970	1975	1978
СССР	95,8	109,2	117	122	23,9	27,4	32,6	35,4	270	335	413	470
РСФСР	98,0	112,0	122	127	24,8	29,0	34,8	38,1	309	372	440	478
В том числе:												
Западная Сибирь	103,0	123,0	133	134	20,5	24,7	31,2	34,3	245	341	412	456
Восточная Сибирь	100	118,0	128	131	19,2	22,8	29,0	32,6	319	420	506	544

по киноустановкам — соответственно 7,4; 7,8; 6,5; по количеству журналов и книг на душу населения — 6,5; 6,2; 6,9.

Система здравоохранения предопределяет формирование физической дееспособности работника. В восточных районах потребности в услугах здравоохранения, санаторно-курортных учреждений, системы массового отдыха в существенной мере формируются под влиянием специфических природно-климатических условий. О развитии здравоохранения и дошкольного воспитания можно судить, в частности, по данным табл. 4.

Обеспеченность больничными койками восточных районов предпочтительнее, чем в среднем по стране и республике. По количеству врачей на соответствующую численность населения Сибирь пока отстает от среднереспубликанских показателей, хотя этот разрыв в Западной Сибири сократился с 82,6 до 88,2%, в Восточной Сибири — с 80 до 85,5%. По численности детей в детских садах и яслях-садах в Западно-Сибирском районе еще не достигнуты средне-республиканские показатели.

Из учреждений здравоохранения в восточных районах наименее развита санаторно-курортная система и сеть организационного отдыха, хотя природно-климатические условия не препятствуют созданию соответствующих объектов.

Анализ данных свидетельствует, что в среднем по числу медицинских, бытовых, культурно-просветительных учреждений (в расчете на равное количество жителей) сибирский регион находится примерно на средне-республиканском уровне, но еще значительно отстает от западных районов. Это видно (по расчетам автора) из занимаемого Сибирью места среди других 10 экономических районов страны по достигнутому уровню развития важнейших звеньев социальной инфраструктуры. По обеспеченности городских жителей жильем на душу населения Западная и Восточная Сибирь занимают шестое место, по объему бытовых услуг — пятое и десятое, числу больничных коек — второе и четвертое, по товарообороту на душу населения — соответственно пятое и четвертое место.

Разработка региональных нормативов обслуживания — актуальная задача социально-экономических исследований.

Современные научные представления о количественной и качественной оценке социальных и духовных потребностей отражают нормативные показатели уровня жизни: нормативный потребительский бюджет, нормативы социального, культурного и коммунально-бытового обслуживания, потребление основных видов услуг. В их основе лежат рациональные нормы потребления, рассчитанные научно-исследовательскими коллективами.

При разработке нормативов социальной инфраструктуры в восточных районах следует учитывать обстоятельство первостепенной важности:

степень приживаемости населения зависит не столько от абсолютных размеров потребления товаров и услуг, сколько от превышения показателей на данной территории по сравнению с другими районами, особенно с местами выхода мигрирующего населения.

Планирование в территориальном аспекте уровня жизни предполагает создание условий «для примерно равной степени удовлетворения социально-экономических потребностей, для обеспечения нормального воспроизводства рабочей силы и всестороннего развития личности, привлечения трудовых ресурсов в экономически перспективные районы и закреплению в них населения»².

Природные условия (в особенности климатические) восточных районов влияют на формирование региональных потребностей в жилье, в продуктах питания, одежде, определяют специфику расселения и т. д. Исследования, проведенные в НИИтруда, свидетельствуют, что затраты семьи из четырех человек в восточных районах РСФСР в сравнении с южными составляют по питанию 126%, по одежде и обуви — 147%³. На севере Красноярского края, в Дудинке, годовой расход на отопление равной жилплощади в 2 с лишним раза больше, чем в Москве. При выполнении одинаковой работы значительно больших затрат требует в Сибири компенсация израсходованной рабочей силы. Введение 15—20%-ного тарифного коэффициента к заработной плате в Западной и Восточной Сибири в известной степени способствует выравниванию реальной заработной платы. В соответствии с районными коэффициентами к заработной плате должны развиваться торговля и бытовое обслуживание населения, ибо трудящиеся получают реальные выгоды лишь в том случае, если возросший уровень заработной платы сопровождается предоставлением большего объема материальных благ и услуг.

Населению необходимо получать ряд услуг вблизи своего постоянного местожительства. Такие учреждения, как школы, детские дошкольные учреждения, больницы, массовые библиотеки, клубы, целесообразно размещать равномерно. В методических указаниях к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР рекомендуется каждому населенному пункту иметь клубное учреждение, по крайней мере одну массовую библиотеку, а в ее составе детскую библиотеку⁴.

Жители восточных районов рассредоточены в населенных пунктах, значительно удаленных друг от друга, что усложняет их культурно-бытовое обслуживание. Коэффициент близости населенных пунктов, характеризующий среднее расстояние между ними, составляет в Западной Сибири 13,9 км, Восточной Сибири — 23,8, тогда как в Центре РСФСР — 2,7 км⁵. Если в центральных районах страны доля детей, проживающих на расстоянии 5 км от школы, приближается к 12—15%, то в Западной Сибири этот показатель возрастает до 15—20%.

По ориентировочным расчетам ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, для одинакового обеспечения населения медицинской помощью нормы обслуживания на востоке страны должны быть на 30—40% выше среднереспубликанских. Сибирский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования зданий и сооружений (СибЗНИИЭП) предлагает в качестве норматива на 1000 жителей восточных районов иметь 120 мест в детских садах и яслях вместо 70—90 в среднем по республике, 160 — в школах вместо 150, на 10—15% выше существующих

² Методические указания к разработке планов экономического и социального развития автономных республик, краев, областей и отраслей республиканского (РСФСР) подчинения. М., 1978, с. 205.

³ Кистанова Н. С. Региональное использование трудовых ресурсов. М., 1978, с. 122.

⁴ Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М., Экономика, 1974, с. 348—355.

⁵ Развитие народного хозяйства Сибири. Новосибирск, Наука, 1978, с. 125.

нормативов мест в учреждениях культуры и культурно-бытового обслуживания. В расчетах СибЗНИИЭПа учтена система расселения населения в Сибири, его демографическая структура (большой удельный вес работников молодого возраста). Более высокие нормативы для Сибири должны быть распространены и на жилищное строительство. Повышение норматива обеспеченности жильем на 15—20% в сравнении со среднереспубликанским уровнем реально означает возможность получения в Сибири средней семьи из четырех человек дополнительной детской комнаты.

Повышенные нормативы развития системы среднеспециального и высшего образования должны учитывать не только насыщенность хозяйства специалистами высшей квалификации, но и будущие потребности социально-экономического развития региона, необходимость наращивания его интеллектуального потенциала.

Динамичные изменения социальной инфраструктуры сибирского региона возможны как за счет непосредственного возрастания капитальных вложений в сферу, так и совершенствования планирования. Расчеты свидетельствуют, что решение назревших проблем требует дальнейшего сдвига в структуре использования ресурсов общества. Для достижения научных нормативов в течение двух-трех предстоящих пятилеток требуется удвоение доли непроизводственного накопления. Между тем доли капитальных вложений в объекты социальной инфраструктуры длительное время практически остается неизменной. Более того, в масштабе страны удельный вес капитальных вложений в социальную инфраструктуру имеет тенденцию к снижению, что, естественно, сказывается и на территориальном планировании инвестиций. Если в годы шестой пятилетки капитальные вложения в жилищное строительство (к их общему объему в народное хозяйство) составили 23,5%, то в седьмой — 18,6%, в восьмой — 17,2, в девятой — 15,3, за три года десятой пятилетки (1976—1978 гг.) — 13,8%. Ассигнования в строительство учреждений науки, культуры, искусства, образования в соответствующие периоды составили 4,9; 6,2; 6,0; 5,2; 5,2%⁶.

В расчетах вариантов капитальных вложений согласно «Типовой методике»⁷ приняты во внимание производственные и не учтены сопряженные затраты. Известно, однако, что величина затрат в социальную инфраструктуру резко дифференцируется по регионам и внутри регионов. При более развитой инфраструктуре в западных районах страны для достижения нормативов требуется меньше капиталовложений, чем в восточных. С учетом современных нормативов потребности населения в жилье и культурно-бытовых учреждениях, стоимость обустройства и содержания одного работника в Сибири обходится обществу в 2,5 раза дороже, чем в обжитых среднеширотных районах. Это должно учитываться в инвестиционной политике.

Следовало бы выделить инфраструктурные элементы региональной экономики в самостоятельный межотраслевой раздел долгосрочного плана. Существующая ныне практика, когда сооружение инфраструктурных объектов общерайонного значения привязано к проектам строительства отдельных производственных подразделений, фактически подчеркивает их второстепенную роль, тормозя прогрессивные изменения производительных сил региона. Финансирование объектов целесообразно вести за счет централизованных капитальных вложений, что позволит подтянуть инфраструктуру региона до необходимого уровня.

Республиканским и областным органам управления предоставлена возможность рассматривать планы всех предприятий, расположенных на соответствующей территории. Основную же роль в решении даже таких вопросов, как жилищное и культурно-бытовое строительство, по-прежнему выполняют союзные и союзно-республиканские министерства и ведомства. Доля их затрат в коммунально-бытовом и культурном строительстве составляет от 40 до 70% в общей сумме данных капитальных вложений. В подобной ситуации нередко возникает межведомственная несогласованность и распыленность средств в строительстве и дальнейшем использовании объектов социальной инфраструктуры. Однако территориальные планы призваны не только обобщать отраслевые задания, но и служить активным инструментом в рациональном развитии инфраструктурных объектов.

Вследствие возрастающего значения Сибири и Дальнего Востока в экономике страны Госплану СССР поручено рассматривать схемы динамичного изменения и размещения производительных сил восточных районов и территориально-производственных комплексов, а также основные экономические и социальные показатели по каждому комплексу, независимо от ведомственной подчиненности входящих в него предприятий и организаций.

Все капитальные вложения в социальную инфраструктуру могут в принципе выделяться местным Советам, за исключением финансирования объектов, сооружаемых ведомствами вне городов в комплексе со строительством предприятий. Концентрация финансовых и материальных ресурсов на социальную инфраструктуру в ведении местных Советов таких городов, как Москва, Ленинград, Челябинск, Тула, Орел и др., составляет 70—80%. Это оказывает положительное воздействие на комплексное изменение инфраструктурных объектов.

Совершенствование планирования капитальных вложений позволит местным Советам активнее влиять на воспроизводство трудовых ресурсов и повышение эффективности общественного производства.

Новосибирский электротехнический институт связи

⁶ Рассчитано по данным: Народное хозяйство СССР в 1978 г. М., 1979, с. 342—343; см. также Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 59.
⁷ Типовая методика определения экономической эффективности капитальных вложений. М., 1969 (Госплан СССР, Госстрой СССР, АН СССР).

Л. П. БУФЕТОВА

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

В данной статье рассматриваются некоторые черты современного этапа технического прогресса с точки зрения материально-вещественных связей производства и возможности их отражения в динамической модели межотраслевого баланса на примере производства и использования черных металлов. Следует отметить в этой связи усиление межотраслевого характера технического прогресса и воздействие его на повышение качества продукции. Первая черта отражает углубление общественного разделения труда, вторая — развитие современных технологий. Указанные особенности технического прогресса взаимосвязаны.

Усиление взаимозависимости (взаимосвязанности) различных звеньев народного хозяйства влияет на динамику производства и изменение пропорций экономики, объем и структуру потребностей (личных и общественных), уровень эффективности использования ресурсов. Учет этой особенности технического прогресса предполагает изучение межотраслевых связей с тем, чтобы предусмотреть в составляемых планах изменения в потоках движения ресурсов для достижения сформулированных целей развития. Повышение качества продукции, средств производства в частности, приводит к повышению ее полезности, т. е. к изменению потребительной стоимости. Улучшение качества средств производства оказывает воздействие на процесс воспроизводства через изменение нормативов расхода сырья и материалов, рост производительности машин и оборудования, что ведет к экономии овеществленного труда. Учет повышения качества средств производства в планировании выражается в корректировке норм расхода ресурсов, на основе которых составляются планы производства продукции.

В перспективных расчетах предплановых вариантов развития экономики, когда возникает несколько технологически возможных его путей, важно оценить каждый из них как по степени достижения цели, так и по уровню предстоящих затрат. Возможным инструментом для подобных оценок могут служить модели межотраслевого баланса. Выбор динамической модели межотраслевого баланса обусловлен сущностью рассматриваемых особенностей технического прогресса и принципами построения модели, которые позволяют отразить эти особенности. Межотраслевой баланс описывает взаимосвязи отраслей по производству и использованию продукции, что позволяет учитывать взаимозависимость отраслей при реализации производственных технологических сдвигов, приводящих к изменению в потреблении сырья, материалов, энергии и т. д.

Идея использования принципиальных возможностей модели межотраслевого баланса для экономической оценки технического прогресса в

самом общем виде состоит в следующем. Изменение в потребительной стоимости средств производства следует отразить в стоимостных нормативах затрат ресурсов. Включение их в систему межотраслевых связей определит динамику объема и структуры производства и потребления продукции с учетом изменений во всей цепочке технологически связанных производств. Тем самым, по нашему мнению, будет реализован народнохозяйственный подход к оценке технического прогресса в отрасли или их группе.

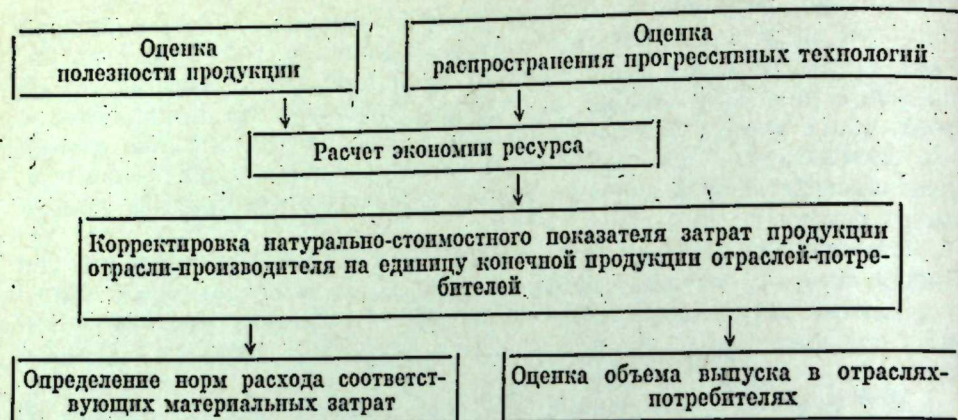
Повышение качества продукции отразить в модели сложнее, так как каждая отрасль выпускает множество потребительных стоимостей, имеющих разные натуральные измерители качества. Поэтому приходится выбирать ту продукцию, которая является конечной продукцией с точки зрения всего народного хозяйства¹.

Мероприятия технического прогресса, направленные на повышение качества продукции, проявляются в виде изменения норм расхода ресурсов. Основой для наиболее общей оценки такого изменения могут служить показатели экономии ресурса улучшенного качества по сравнению с использованием ресурса среднего, нормального уровня качества. Это означает, что важно и необходимо иметь своеобразную шкалу полезности различных продуктов. В черной металлургии, например, эту роль выполняют показатели экономии металла при замене рядовой стали металлом улучшенного качества. На основе этих показателей определяется общая величина эффекта в натуральном выражении. Но величина полученного эффекта не является конечным народнохозяйственным результатом, ради которого осуществляются мероприятия технического прогресса, хотя многие исследования этим этапом оценки и заканчиваются. Полученная экономия ресурса служит основой для роста выпуска продукции в смежных отраслях.

Для определения экономии необходим расчет условного показателя о расходе конечной продукции отрасли, осуществляющей технический прогресс, на единицу основной продукции потребляющих отраслей, выраженной в денежных единицах. В результате мы имеем натурально-стоимостный показатель, который может уже выражать изменение в качестве, поскольку содержит натуральные единицы измерения. Этот же самый показатель является связующим звеном между качественным уровнем продукции в одной отрасли и выпуском продукции в потребляющих отраслях. Таким образом оказывается количественно оценена цепочка межотраслевых связей по распределению продукции. Одновременно прорабатывается цепочка межотраслевых связей по производству продукции улучшенного качества. Для этого необходимы экономические показатели новых распространяемых технологий, которые следует преобразовать в систему показателей межотраслевого баланса.

Более глубокое исследование последствий технического прогресса на уровне материально-вещественных связей предполагает оценку технологических изменений в отраслях-потребителях более качественной продукции. В условиях современного состояния информации о техническом прогрессе это может быть сделано весьма приблизительно, но такие попытки имеют большую ценность в методическом плане, поскольку вырабатывают объем, структуру и направление потоков необходимой информации, методы ее преобразования в параметры модели. Величина экономического эффекта дает возможность корректировать условный натурально-стоимостный показатель в зависимости от качества выпускаемой продукции.

¹ Возможно также сведение многих видов полезностей к одному: топлива — по калорийности, химических веществ — по содержанию полезного компонента, оборудования — по единицам мощностей и т. д. Однако не всегда эту процедуру можно осуществить.

Описанная выше идея учета изменения качества потребляемой продукции может быть представлена схемой. Схема описывает не весь алгоритм использования модели межотраслевого баланса, а только принципиальные моменты отражения изменения качества при подготовке необходимой информации для расчетов с использованием модели.

Доведение изложенных идей до коэффициентов и показателей модели требует выработки специальных методических приемов. Они разработаны применительно к оценке технического прогресса в черной металлургии. Методика включает последовательность этапов, связанных с определением ряда нормативных, объемных и структурных показателей черной металлургии и основных металлопотребляющих отраслей — машиностроения и строительства. Использование модели народнохозяйственного уровня² позволяет дать оценку рассматриваемому комплексу мероприятий с позиций функционирования всей экономики.

Таким образом, общая схема оценки технического прогресса в самом общем виде состоит из четырех фаз, реализующих оценку на отраслевом и народнохозяйственном уровнях. На отраслевом уровне определяются основные технологические возможности и перспективы развития, но с учетом реализации конкретной цели, определяемой социально-экономической системой. Это — первая фаза. Вторая фаза предполагает преобразование полученной на первой фазе информации в показатели и параметры народнохозяйственной модели. Третья фаза — расчет с использованием модели. Здесь уже представлен народнохозяйственный уровень схемы. Четвертая фаза — анализ всей совокупности полученных до расчета и в результате расчета данных.

Приведем кратко результаты расчетов по предложенной методике с использованием оптимизационной динамической модели межотраслевого баланса по двум вариантам, существенно отличающимся структурой производства. Так, доля вакуумированной стали в варианте I составляет 3,6%, во II — 14,4% ко всему объему производимой стали на конец расчетного периода; доля непрерывной разливки стали в варианте I составляет 27,6%, а во II — 40%, термоупроченного проката — соответственно 12,9 и 25,8% всего производства проката; доля холоднокатаного листа — 38,5 и 47% ко всему производству листа. Таким образом, II вариант расчета представляет более интенсивный путь развития отрасли. Он предусматривает и существенное обновление основных фондов: объем их выбытия здесь в 1,7 раза больше, чем в варианте I.

Условиями расчетов предусмотрено, что объем производства проката на конец периода одинаков по вариантам развития черной металлур-

² Описание модели и ее свойств см. в кн.: Использование народнохозяйственных моделей в планировании. М., Экономика, 1979, гл. 9.

Таблица 1

Структура капитальных вложений на конец периода, %

	Варианты	
	I	II
Всего капиталовложений	100	100
Капиталовложения в прирост производства	80,6	72,4
В том числе:		
металлургическое и трубное производство	40,8	29,2
цехи четвертого передела и улучшение качества	11,3	22,8
горнорудные, ломоперерабатывающие предприятия, ферросплавное, огнеупорное и метизное производство	28,5	20,4
Капиталовложения на возмещение выбытия производственных фондов	19,4	27,6

гии. Поэтому результаты отражают разную структуру производства и выпуска экономических видов металлоизделий.

Для повышения качества металлопродукции отрасль несет дополнительные затраты. Приведем затраты капиталовложений, которые складываются из вложений в прирост производства и на возмещение выбытия основных фондов. Структура капитальных вложений приведена в табл. 1. По данным этой таблицы можно сделать вывод о том, что структура капитальных вложений претерпевает существенные изменения: почти в 2 раза увеличивается доля вложений в прирост производства по четвертому переделу и улучшению качества. Последнее обусловлено структурой производства по видам выплавки стали и производства проката.

Для реализации программы углубления интенсификации металлургического производства за весь период потребовалось в варианте II на 20% больше капиталовложений, чем в варианте I. Таким образом, для черной металлургии реализация технологических сдвигов требует не столько дополнительных капиталовложений, сколько существенного изменения их структуры. Расчеты показали также, что затраты капиталовложений на единицу прироста продукции отрасли в варианте II в среднем за период на 16% меньше, чем в варианте I. Это говорит о более эффективном использовании ресурсов капиталовложений.

На отрасли фондосоздающего комплекса изменения в металлургическом производстве повлияли следующим образом. Темпы роста валовой продукции машиностроения увеличились на 20%, строительства — на 15%, темпы роста той части валовой продукции машиностроения, которая представляет элементы капитальных вложений — готовые машины и оборудование производственного и непроизводственного общественного назначения, — на 30%, в строительстве — в 1,7 раза. Несмотря на то, что доля капитальных вложений, направляемых в машиностроение, увеличилась по сравнению с текущей пятилеткой в каждом из вариантов, прирост продукции машиностроения на единицу затрат капиталовложений в варианте II оказался на 3% выше, чем в варианте I, продукции строительства — выше на 10%.

Следовательно, расширение использования экономических видов металлоизделий не только увеличивает производство в рассматриваемых отраслях, но и благоприятно сказывается на показателях использования выделенных капиталовложений.

Конечный эффект реализации технического прогресса в отрасли влияет на народное хозяйство в целом. В табл. 2 представлены сводные показатели развития народного хозяйства, полученные в результате расчетов с использованием динамической модели межотраслевого баланса. Весь расчетный срок разделен на два периода, по которым приведены темпы роста показателей.

Таблица 2

Показатели развития народного хозяйства по вариантам (I—II), %

	Первый период		Второй период	
	I	II	I	II
Темпы роста валового общественного продукта	127	130	128	133
Темпы роста использованного национального дохода	118	123	120	125
Изменение фондоемкости совокупного продукта	108,5	108,5	107,4	107,0
Изменение материалоемкости совокупного продукта	103,6	103,7	104,1	103,1

Данные таблицы свидетельствуют, что увеличение выпуска в отраслях фондосоздающего комплекса явилось основой для увеличения ресурсов капиталовложений и темпов роста экономики в целом в варианте II по сравнению с вариантом I. Условиями расчетов предусматривалось, что численность занятых в отраслях материального производства по вариантам одинакова. Поэтому увеличение темпов роста производства в варианте II связано с более высоким ростом производительности труда на основе роста его фондовооруженности.

Несмотря на то, что расчеты носят экспериментальный характер, следует обратить внимание на следующий результат. Изменение фондоемкости продукции, принятое в расчетах, требует увеличения капиталовложений для повышения темпов роста национального дохода. Реализация более благоприятной тенденции фондоемкости продукции наряду с другими экономическими факторами основана на более широком распространении прогрессивных технологий.

Полученные в результате расчетов данные свидетельствуют также о более эффективном использовании ресурсов капиталовложений. Так, прирост национального дохода на единицу капиталовложений в варианте II на 16—22% выше, чем в варианте I.

Краткий анализ позволяет сделать вывод о том, что вариант развития отрасли, требующий для своего осуществления больших ресурсов капиталовложений, с точки зрения народного хозяйства является более эффективным, поскольку увеличивает темпы роста экономики и улучшает показатели использования капиталовложений.

В заключение отметим, что разработанная методика применения динамической модели межотраслевого баланса для экономической оценки технического прогресса с позиций народного хозяйства позволяет улавливать реализацию эффекта отраслевого технического прогресса в отраслях промышленности, оценивать затраты на его осуществление. Она может быть использована для предплановых проработок возможных путей развития отрасли, оцененных с позиций развития народного хозяйства.

Институт экономики и организации
промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 1, вып. 1

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1981

В. М. СОКОЛОВ, Л. Я. ШКРАБИШ

О МЕСТЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ

В настоящее время прогнозы на различные периоды упреждения — от одного года до десятилетий — разрабатываются для всех уровней иерархии управления народным хозяйством. Прогнозирование стало важной неотъемлемой от планирования деятельностью. Прогнозы вооружают плановые органы необходимыми предплановыми материалами, позволяющими более глубоко и всесторонне обосновывать варианты плановых решений. Сами такие варианты до их принятия являются в основном прогнозами, отличающимися от других тем, что они наиболее полно согласованы с концепцией развития отрасли, разработанной на верхнем уровне планирования, с важнейшими целями и возможностями ее развития и т. д. Разумеется, при приближении к стадии принятия решения прогнозы все более теряют исследовательские черты и все более приобретают ориентированность на цель и учет внешних и внутренних ограничивающих условий функционирования и развития отрасли, т. е. все более становятся нормативными прогнозами.

Статистические методы наиболее широко используются на стадии анализа возможных ситуаций, состояний и траекторий, т. е. в стадии исследовательского прогнозирования. Мы не рассматриваем «провизорную» функцию экономических исследований, в реализации которой первостепенное место статистики в форме сбора, первичной сводки и группировки данных, а также в форме сравнений, анализа связей и зависимостей не вызывает никаких сомнений. Более сомнительным является некритическое перенесение статистических методов, разработанных для применения в этой области, на исследование будущих состояний, связей, зависимостей и траекторий.

Для построения исследовательских прогнозов технико-экономических показателей развития отраслей наиболее часто используются корреляционный и регрессионный методы анализа. А. И. Гладышевский отмечает, что, «поскольку в основе гибких форм отраслевых прогнозов лежит изучение взаимосвязей и зависимостей экономических величин, основным инструментом их разработки должны служить методы математического моделирования экономических процессов. Наибольшее значение при этом приобретают регрессионные и корреляционные модели, позволяющие установить количественное выражение связей и зависимостей основных показателей развития отрасли»¹.

Эту точку зрения можно считать общепринятой среди специалистов, занимающихся отраслевым экономическим прогнозированием. Ее рас-

¹ Гладышевский А. И. Методы и модели отраслевого экономического прогнозирования. М., Экономика, 1977, с. 43.

пространению способствует и наличие достаточно разработанного единообразно понимаемого математического аппарата, с помощью которого строятся статистические модели для прогнозирования, получаемые или в виде аналитически выраженной тенденции развития, или в виде уравнения зависимости от одного или нескольких факторов-аргументов, или в виде дискретной модели, связывающей группировки по сопоставляемым классам признаков (например, «входов» и «выходов») и т. д.

Эффективность использования статистических методов прогнозирования основывается на возможности экстраполировать сложившиеся тенденции, если они в действительности сложились и если доступны обнаружению и оценке. Поэтому остановимся на некоторых общих посылках, берущихся за основу при прогнозировании с помощью экстраполяции. Как известно, при экстраполяции явно или неявно исходят из двух допущений.

1. Развитие явления может быть с достаточным основанием охарактеризовано плавной (эволюционной) траекторией — трендом. Тренд обычно поддается аналитическому представлению в виде некоторой функции времени. Если развитие характеризуется скачкообразными изменениями показателей явления, то достаточно гладкими являются изменения уровней «скачков» и т. д.

2. Общие условия, формирующие тренд, не претерпевают существенных изменений в будущем². Либо изменения общих условий и внутренних потенций объекта достаточно плавны, или обнаруживают некоторые другие регулярности (периодичность, закономерное приращение — убывание первых, вторых и т. д. разностей и т. п.).

Экстраполяция базируется на свойстве инерционности процессов. Если изучаемые и прогнозируемые процессы имеют достаточно длительную историю и накопили материал, позволяющий вскрыть закономерности в их развитии и взаимосвязях с другими явлениями, а сами процессы обладают большой инерционностью, то выводы о будущем развитии этих процессов могут в значительной степени базироваться на результатах анализа прошлого. Инерционность проявляется двояко: во-первых, как инерционность взаимосвязей, т. е. сохранение в основных чертах или достаточно явное закономерное изменение механизма формирования явления (другими словами, сохранение или закономерное изменение зависимости прогнозируемой переменной от совокупности переменных — аргументов); во-вторых, как инерционность в развитии отдельных сторон процессов, т. е. как сохранение темпов, направления, колеблемости показателей на протяжении длительного времени.

Инерционность первого рода позволяет применять в прогнозировании уравнения, характеризующие зависимости явлений (например, различного рода регрессии); инерционность второго рода дает возможность для экстраполяции трендов. При этом подразумевается, что изменение уравнений или классов аналитических форм трендов является достаточно гладким или регулярным процессом.

Прогностическое использование метода экстраполяции трендов и структур при изменении тенденций всегда нуждается в дополнительном обосновании, в теоретическом осмысливании характера движений и преобразований прогнозируемой системы в будущем под воздействием общеэкономических, организационных, научно-технических и других факторов, изменяющих содержание и приоритеты показателей и даже тип развития. Линии тенденций дают лишь внешнюю формализованную картину результата воздействия всего комплекса факторов на зависимую переменную, но не всегда дают достаточно информации о лежащем в их

основании причинно-следственном механизме: структуре признаков, формирующих сам показатель, структуре связей и опосредований между факторами и пр.

Без развернутых доказательств, опираясь только на факты всеобщей связи и взаимозависимости экономических явлений и множественность механизмов и форм реализации явлений, можно утверждать, что комплексный подход к научному предвидению более отвечает потребностям управления развитием отраслевых систем.

При комплексном подходе к прогнозированию статистические методы занимают важное место, но используются только в органическом сочетании с другими методами, позволяющими вскрыть, как из «прошлого» формируется «настоящее» и зарождаются в последнем черты «будущего». По мнению Е. М. Четыркина, такой подход представляется наиболее плодотворным³. Тем не менее в большом количестве продолжают выходить работы, в которых среднесрочные и даже долгосрочные прогнозы строятся только на основе одного или нескольких уравнений регрессии. Попытаемся разобраться в мотивах такой некритической подмены системы средств частными методами, явно недостаточными для комплексного описания, объяснения и прогнозирования сложных явлений.

Как уже отмечалось, имеется хорошо разработанный математический аппарат, позволяющий на ЭВМ довольно легко рассчитывать уравнения регрессии, коэффициенты корреляции, проверять различного рода статистические гипотезы, в частности о существенности отличия от нуля коэффициентов корреляции и регрессии и т. д. Если уравнение (или группа уравнений) по определенным статистическим критериям (причем интерполяционным, а не экстраполяционным) признано удовлетворительным, то большинство специалистов считает, что этого достаточно, чтобы экстраполировать полученные результаты, рассчитать доверительные интервалы — и прогноз готов. При таком подходе допускается ряд методических ошибок, на что может быть не следовало бы обращать внимания, если бы они были исключением из правила. Наиболее серьезной из них является неучет условий применимости корреляционного анализа для оценки существенности построенных по ретроспективным данным уравнений регрессии.

Для применения корреляционного аппарата в указанных целях необходимо, чтобы выполнялись следующие условия:

- зависимая переменная является случайной величиной, нормально распределенной для каждого фиксированного значения аргумента;
- дисперсия такой переменной не зависит от аргумента или пропорциональна некоторой известной функции от него;
- наблюдения зависимой переменной и аргумента стохастически независимы, т. е. результаты любого наблюдения не связаны с предыдущими наблюдениями, а также не содержат никакой информации о последующих наблюдениях и не влияют на них;
- аргумент является случайной величиной и совместное распределение зависимой переменной и аргумента подчиняется нормальному закону.

Рассмотрим с позиций этих условий широко применяемую экстраполяцию трендов. Здесь прогнозируемый параметр y выступает в роли зависимой переменной, а время t , количественно выражаемое обычно порядковым номером года, — в качестве аргумента, т. е.

$$y = f(t), t = 1, 2, \dots, n,$$

где n — длительность периода упреждения.

² Четыркин Е. М. Статистические методы прогнозирования. М., Статистика, 1975, 184 с.

³ Четыркин Е. М. Указ. соч.

Остановимся на линейной регрессионной зависимости $y = b_0 + b_1 t$, имея в виду, что в более сложных моделях обнаруженные методические просчеты также будут иметь место.

Очевидно, что четвертое условие в этом случае не выполняется. Распределение аргумента подчиняется равномерному закону. Совместное же распределение зависимой переменной и аргумента подчиняется нормальному закону только тогда, когда распределение каждого из них в отдельности подчиняется этому закону. Добавим, что распределение зависимой переменной в случае ее монотонного возрастания или убывания также подчиняется равномерному распределению. А ведь именно в таких случаях и прибегают к экстраполяции трендов. И тем не менее рассчитывается коэффициент корреляции, с помощью критерия Фишера проверяется гипотеза о значимости его отличия от нуля, и на этой основе делается вывод об адекватности уравнения регрессии исследуемому процессу. Важно отметить, что в данной ситуации высокий коэффициент корреляции не гарантирует адекватность уравнения регрессии исследуемому процессу. Рассмотрим это на условном примере.

Пусть имеются данные за одиннадцать лет ($t = 1, \dots, 11$) и исследуется зависимость показателя y от времени: $y_1 = 100, \dots, y_{11} = 200$; $\bar{y} = 150$, $\Delta y = 10$, где Δy — средний прирост за год. Расчет показывает, что если этот прирост всегда равен десяти, то дисперсия $s_y^2 = 1000$, а среднее квадратическое отклонение $s_y \approx 31,6$. Поскольку при стабильном приросте корреляция данного показателя со временем всегда равна единице, то предположим, что $\Delta y = 10$ только в среднем, s_y^2 не изменилась, а коэффициент детерминации $r_{yt}^2 = 0,9$, что соответствует коэффициенту корреляции $r_{yt} = 0,95$. Он, как видно, достаточно высок и поддерживает все статистические проверки на значимость.

Коэффициент детерминации характеризует долю объясненной с помощью уравнения регрессии первоначальной дисперсии s_y^2 . Остаточная дисперсия $s_{ост}^2 = s_y^2 (1 - r_{yt}^2) = 1000 \times 0,1 = 100$ характеризует колеблемость фактических значений y_t вокруг линии регрессии. Среднее квадратическое отклонение фактических значений от линии регрессии — характеристика средней ошибки уравнения — равно десяти, т. е. среднему ежегодному приросту. Естественно, что когда величина прироста не превышает возможную ошибку, невозможно прогнозировать даже на один год, не говоря уже о средне- и долгосрочном прогнозировании. На такие ограничения не обращают внимания во всех тех случаях, когда критически применяют классический аппарат математической статистики в тех областях, где его можно применять только с большой осторожностью, с дополнительными ограничениями, с особыми формами интерпретации, или вообще применять нельзя.

Даже в тех случаях, когда работы по статистическому прогнозированию выполняются на достаточно высоком уровне и используются взаимосогласованные и взаимодополнительные системы методов прогнозирования, ошибки прогноза могут быть недопустимо велики. Имеет смысл рассмотреть примеры таких прогнозов, ошибки которых уже можно оценить. В качестве примеров взяты прогнозы потребности в продукции черной металлургии и определение объемов производства отдельных видов металлопродукции. Выбор отрасли объясняется тем, что черная металлургия явилась благодатной областью широкого применения статистических методов прогнозирования. Определенные предпосылки для этого имеются. С одной стороны, рост материального производства и соответственно повышение благосостояния народа невозможны сейчас без увеличения производства металлопродукции и повышения ее качества. Достигнутый уровень металлонасыщенности народного хозяйства пока еще недостаточен. Если учесть, что строительство новых металлургических

заводов или реконструкция старых требует больших капиталовложений и длительного времени (от начала работы над проектом до выпуска готовой продукции), становится понятной важность заблаговременного определения потребности в металле с возможно большей точностью.

С другой стороны, анализ динамики объемов производства черных металлов в натуральном выражении с 1950 по 1975 г. показывает, что приросты производства увеличивались в пятидесятые годы и практически стабилизировались в последующие три пятилетки. Качественные изменения в структуре металлопродукции проходили медленно и имели, как правило, эволюционный характер. Поскольку продукция отрасли имеет единые натуральные измерители (тонны), при анализе динамики можно абстрагироваться от влияния цен как на продукцию черной металлургии, так и на продукцию смежных отраслей (разумеется, такое отвлечение от изменения цен в связи с изменением качества металла и соответственно изменением качества и стоимости сырья и топлива не может считаться обоснованным). Все эти факторы наряду с простотой математических расчетов также стимулировали широкое применение статистических методов прогнозирования в черной металлургии.

Ознакомление с работами по применению статистических методов в прогнозировании показателей развития этой отрасли, выполненными в конце шестидесятых и начале семидесятых годов⁴, и сравнение результатов прогнозов с фактическими объемами металлопродукции и изменениями показателей структуры свидетельствуют, что прогнозные уровни показателей сильно отличаются от фактических данных. Расчеты по определению потребности в металлопродукции проводились Б. Н. Михалевским и Ю. П. Соловьевым. В качестве исходной независимой переменной брался уровень темпов роста конечного продукта на 1966—1975 гг., рассчитанный Б. Н. Михалевским при решении односекторной динамической модели. Уравнения регрессии строились в виде $\ln x_t = b_0 + b_1 \ln y_t$ (или z_t), где в качестве x_t последовательно выступают производство стали, чугуна и т. д. в году t , в качестве y_t — объем производства конечного продукта, а z_t — производство чугуна и стали. x_t рассматривалось как функция от z_t в тех случаях, когда делались прогнозы по технологической цепи (например, рассчитывалась выплавка стали в зависимости от производства чугуна). Для расчета уравнений регрессии использовались данные о величине конечного продукта и объемах производства металлопродукции за 1951—1966 гг.

Сравнение фактических результатов, достигнутых отраслью в 1975 г., с прогнозами объема производства металлопродукции и ее структуры показало, что расчеты по прогнозу оказались сильно завышенными. Фактические значения производства чугуна, стали, проката, доли листовой стали и т. д. не только значительно ниже средних прогнозных оценок, стали и т. д. не только значительно ниже средних прогнозных оценок, но и ниже нижнего значения интервальной оценки наиболее пессимистичных прогнозов. Плановая вилка прогноза по выплавке стали в 1975 г. по отношению к 1966 г. дана в интервале 154,8—174,9%, а фактическая выплавка стали в 1975 г. по отношению к 1966 г. составила 145,8%. Аналогична ситуация с прогнозами по чугуну и прокату. Доля листовой стали в общей выплавке прогнозировалась в интервале 43,37—51,57%, а фактически она составила в 1975 г. 39,87%. Авторы анализировали

⁴ Михалевский Б. Н., Соловьев Ю. П. Опыт определения среднесрочной перспективной потребности в основных продуктах (расчет на 1975 г. на примере черной металлургии). — Экономика и математические методы. 1968, вып. 3, с. 315—334; Камалов Р. Г., Коидратюк Г. А. Использование экономико-математических методов для прогнозирования потребности народного хозяйства в черных металлах. — В кн.: Экономика черной металлургии, вып. 2. М., Металлургия, 1974, с. 24—31.

только варианты прогноза, предусматривающие увеличение среднегодового прироста производства стали, что в итоге и привело к завышению объемов производства.

Р. Г. Камалов и Г. А. Кондратюк, проанализировав эффективность применения различных по сложности регрессионных моделей для определения перспективной потребности в металлопродукции, установили, что, когда в качестве факторов-аргументов используются макроэкономические показатели, наиболее адекватными являются степенные уравнения регрессии типа $y = ax^b$. В то же время они отмечают, что применение многофакторных регрессионных моделей для прогнозирования объема производства и потребления отдельных видов проката даже на пять лет в некоторых случаях не дало положительных результатов, что объясняется значительными изменениями технической политики по производству и потреблению листовой стали.

Для прогнозирования выплавки стали до 2000 г. использовались логистические и логарифмически-логистические функции, параметры и статистические характеристики которых рассчитывались на основе отчетной информации о выплавке стали за 1950—1970 гг. Анализ полученных результатов позволил авторам сделать выводы, что замедление абсолютных приростов начнется только после 1980 г., причем максимальный прирост потребности будет приходиться на 1976—1980 гг. Но именно в этом периоде произошло резкое снижение абсолютных приростов объема выплавки стали, т. е. даже среднесрочный прогноз не подтвердился.

Предположение об инерционности развития черной металлургии до сих пор было общепринятым. Тем не менее даже среднесрочные прогнозы, отражающие эту гипотезу об инерционности, выполнены с очень большими ошибками.

На качестве прогнозов в черной металлургии мы остановились потому, что эта отрасль традиционно признана наиболее подходящим объектом для применения статических методов прогнозирования. К прогнозам на базе регрессионных моделей в других отраслях, например в машиностроении, следует относиться еще более осторожно. Конечно, в ряде случаев прогнозы могут оказаться достаточно точными, но это будет скорее всего исключением из правила.

Для построения надежных прогнозов необходимо применять комплекс средств прогнозирования, способных уловить и целостно объединить качественные и количественно измеримые аспекты поведения отраслевых систем, непрерывные и скачкообразные изменения, динамические, статистические и неопределенные связи и взаимодействия. В качестве основного исходного пункта, на наш взгляд, необходимо взять синтез (опирающийся на анализ отдельных факторов, элементов и подсистем для выявления отдельных и особенных закономерностей) поведения системы как целого в терминах «воздействие — реакция».

По сути дела, речь идет о конкретном применении в частных (отраслевых) прогностических исследованиях методологического и методического аппарата диалектического материализма. В данном классе исследований, более чем в других, необходимо выявить диалектику самого объекта, его внутренние противоречия, внешние и внутренние источники их разрешения или углубления, и на этой основе (т. е. на основе разработанной теории развития отрасли и ее объектов) строить комплексный прогноз. Такой подход необходим для усиления акцента на разработки системных методов прогнозирования сложных объектов, процессы в которых обуславливаются качественным своеобразием объектов на каждом этапе их развития и воздействиями разнообразных сочетаний больших совокупностей внешних и внутренних факторов.

Если удастся с нужной точностью и полнотой изучить механизм поведения и закономерности, управляющие развитием системы, опреде-

лить основные параметры и отношения между ними, то определяются те причины и следствия, а также формы их проявления, знание которых обеспечивает обоснование прогнозов, построенных на результатах обработки ретроспективных эмпирических данных и учитывающих качественное своеобразие ожидаемой перспективы, особые цели и условия развития отрасли в этом периоде.

Если познан механизм внутренних перестроений структуры и изменения состава системы в связи с изменением целевых установок и лимитирующих условий со стороны окружающей среды, то только тогда имеющаяся информация о начальных и перспективных условиях развития и о начальных/конкретных параметрах системы может считаться достаточной.

В разработке прогноза выделяются три стадии: анализ предыстории (ретроспективы и базового состояния), диагностика, прогнозирование в собственном смысле слова.

На стадии анализа предыстории проводится сбор, анализ и обработка информации для выяснения и уточнения качественного своеобразие объекта, структуры и взаимообусловленности внешних и внутренних факторов, выделения количественных, структурных и качественных тенденций в развитии объектов прогноза. На данной стадии решаются следующие основные задачи:

- уточняются границы, внешние связи и внутренняя структура объекта прогноза;
- выявляются, группируются и уточняются перечни факторов общего фона развития отрасли, т. е. положения отрасли в народном хозяйстве, возможные уровни и темпы выделения народнохозяйственных ресурсов;
- выявляются, группируются и уточняются перечни факторов объекта и его составных частей;
- анализируются тенденции развития объекта и оценивается направление и сила влияния на эти тенденции отдельных факторов и групп факторов;
- строятся модели, позволяющие экстраполировать (иногда интерполировать для целей согласования или пополнения массивов данных) развитие фона, структурные изменения в объекте и уровни отдельных факторов;
- согласовываются модели в рамках различных логически и содержательно непротиворечивых систем моделей;
- осуществляется проверка адекватности систем моделей и выявляется точность воспроизведения ими фактов, однородных с прогнозируемыми.

На стадии диагностики решаются задачи:

- определяются или уточняются (если определялись на предыдущей стадии) начальные внешние и внутренние параметры объекта;
- определяются допустимые минимальные и максимальные уровни основных показателей, характеризующих цели развития объекта и условия, лимитирующие это развитие, если возможно, то строятся более детализированная оценочная функция желательного и нежелательного в развитии объекта как продукт нормативного прогнозирования;
- определяются предпочтительные методы прогнозирования и контроля качества прогнозов;
- определяется минимально необходимое число независимых прогнозов для каждого частного показателя и отдельного элемента (подсистемы) объекта с целью создания достаточных информационных предпосылок для синтеза прогнозов.

На стадии прогнозирования решаются следующие задачи:

— осуществляется необходимое число прогнозов по каждому выделенному внешнему и внутреннему фактору развития;

— осуществляется объединение и согласование прогнозов;

— среди объединенных и согласованных прогнозов выделяются крайние и наиболее вероятный варианты прогноза (при необходимости и возможности распределение вариантов прогноза дается более детально с оценкой вероятности их реализации);

— осуществляется согласование исследовательских и нормативных прогнозов.

По последнему пункту необходимо заметить следующее. В случае если мода распределения возможных вариантов развития соответствует максимальной оценке желательности, то исследовательский и нормативный прогнозы не противоречат друг другу; в случаях же, когда более вероятные варианты наименее желательны или рассогласование между возможным и желательным слишком велико, необходимы исследования по поиску, разработке и внедрению мероприятий массового характера, меняющих распределение вероятностей реализации вариантов развития, что, как правило, связано с изысканием дополнительных внутренних резервов, изменением уровней лимитирования ресурсов и созданием больших запасов и т. д.

Мы не склонны утверждать, что статистические методы вообще целесообразно применять для прогнозирования с большими интервалами упреждения. Представляют интерес еще мало используемые «прогнозы-предупреждения», когда делается вывод: что будет, если активно не повлиять на ход развития системы. Такие прогнозы наиболее полезны для количественной оценки влияния в будущем сложившихся в отдельных подсистемах нежелательных тенденций. Использование только статистических методов прогнозирования при достаточной осторожности может быть оправданным и в некоторых других случаях.

Можно утверждать, что уже при построении среднесрочных прогнозов необходим внешний по отношению к экстраполяции тенденций корректирующий оператор, оценивающий с некоторыми вероятностями изменение условий развития системы. Для этой цели наиболее пригодны имитационные модели, позволяющие «проигрывать» различные требования к отрасли со стороны систем более высокого уровня и со стороны однопорядковых с отраслью систем: различные объемы и направления использования капитальных вложений, различные варианты обеспечения отрасли сырьем, изменения цен на потребляемую и производимую продукцию, различные варианты кооперационных связей, включая варианты самообеспечения, различные варианты научно-технического прогресса и организационного развития отрасли и т. д. Особое значение в долгосрочном комплексном прогнозировании имеет учет мнений экспертов. Имитационное моделирование в соединении со статистикой имитируемых вариантов и со статистикой мнений экспертов может оказаться наиболее полезным усилителем именно этой интегрирующей функции эксперта. Сочетание статистических методов и моделей с имитационными, с оценками по аналогии, исследованиями патентной информации и с экспертной информацией специалистов данной отрасли может способствовать повышению надежности прогнозов. Особенно важно объединение разнородных методов в прогностическую систему для долгосрочного прогнозирования.

Таким образом, прогноз как выработанное и обоснованное в научном анализе прошлого развития и наличного состояния объекта утверждение должен соответствовать не только внутренней логике развития прогнозируемых процессов, но и динамике внешних условий и ограничений.

Опыт показывает, что хорошо обоснованные и согласованные с другими расчетами, пометками и решениями прогнозы редко бывают простыми и однородными как в сети высказываний, формирующих их содер-

жание, так и во множестве опосредований и средств, используемых в процессе их разработки. Как правило, при разработке прогнозов необходимо исследовать смежные в иерархическом смысле и взаимосвязанные на одном уровне процессы и явления. Чем шире диапазон согласований и больше глубина исследования, тем выше уровень надежности, точности прогнозов при заданном интервале упреждения и, напротив, тем больше допустимый интервал упреждения при фиксированных уровнях достоверности прогнозных оценок. Любой частный аспект прогноза (технологический, технико-технологический, технико-экономический, научно-технический, социально-экономический и т. п.) так или иначе (в большей или меньшей мере свернутости) содержит прогнозы по всем прочим важным аспектам, либо должен быть с ними согласован, либо опираться на них. Все это и обуславливает необходимость комплексного подхода к методологическому, информационному, методическому и математическому обеспечению прогнозирования.

При этом статистические методы играют роль как специальных расчетных средств, так и особенно средства связи всех частных разрезов прогностической деятельности. Особое значение в реализации такой объединительной функции статистики имеет основной статистический подход к явлениям и процессам как к ансамблям состояний и траекторий, в которых каждое состояние или траектория может характеризоваться некоторым уровнем принадлежности к этому ансамблю (в частном случае — функция плотности вероятности).

На наш взгляд, только опыт такой интернаучной дисциплины, как статистика, позволит выработать достаточно унифицированные подходы и критерии в новой сложной исследовательской практике прогнозирования. Особенно это касается таких новых направлений, как имитационное моделирование с широким привлечением экспертов.

*Институт экономики и организации
промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск*

В. Л. КВИНТ

РАЗРАБОТКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Достигнутые успехи в наращивании экономического потенциала СССР в удовлетворении растущих материальных и духовных потребностей советских людей основаны в значительной степени на использовании достижений научно-технического прогресса.

Наращение относительного дефицита трудовых ресурсов и тенденция снижения темпов роста капитальных вложений, наметившаяся в последние годы, делают неизбежным и необходимым превращение экстенсивного варианта не более чем во фрагмент интенсивного развития экономики страны. На фоне этих экономических процессов успешное решение задач дальнейшего укрепления топливно-энергетической базы и ускоренного вовлечения в народнохозяйственный оборот природных ресурсов районов пионерного промышленного освоения приводит к усилению значения научно-технического прогресса (НТП).

Исследования проблемы сочетания территориального и отраслевого подходов к управлению НТП и практическая апробация их результатов определили в качестве действенного инструмента решения этих проблем региональные научно-технические программы (РНТП). Такие программы разрабатываются в СССР, в ряде союзных республик и областей. В наиболее полном виде эта идея реализована к настоящему времени в Красноярском крае, где разработана комплексная региональная программа ускоренного внедрения достижений научно-технического прогресса в хозяйство края на 1981—1990 гг.

Накопленный опыт и проведенные исследования позволяют сформулировать основные методологические и методические подходы, которые должны учитываться при разработке РНТП. Как известно, в соответствии с решениями XXV съезда КПСС впервые в дополнение к пятилетним государственным планам было разработано более 200 научно-технических программ, контроль за осуществлением которых ведет Госкомитет СССР по науке и технике. Опыт показал необходимость их регулярной разработки на период, как правило, не менее 10 лет. В соответствии с июльским (1979 г.) постановлением «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» введена регулярная разработка комплексной программы НТП на 20 лет, которая должна дорабатываться и уточняться через каждые 5 лет. Эти программы, значительно расширяя горизонт централизованного планирования, должны конкретизироваться не только в отраслевом разрезе, но и на региональном уровне. В данной связи и следует рассматривать РНТП. По нашему мнению, отражение в них региональных особенностей научно-технического прогресса

са в принципе позволяет вскрыть локальные резервы повышения его эффективности. Так, в Красноярском крае региональная научно-техническая политика должна последовательно учитывать дефицит трудовых ресурсов и повышенную (по сравнению с другими регионами) эффективность замещения живого труда машинами. Исходя из этого в основу научно-технического прогресса в регионе была положена единая цель для сотен предприятий края — обеспечение трудосберегающей научно-технической политики.

Ориентация на единую цель, по нашему мнению, — решающее условие успешной разработки и реализации РНТП. Отсюда вытекают и критерии оценки соответствующих проектов и мероприятий: показатели условного и фактического высвобождения работающих с учетом социальной эффективности программы (улучшение условий труда и повышение его безопасности). Годовой экономический эффект от реализации программы, естественно, зависит от объема дополнительной продукции, получаемой за счет технико-технологических изменений. Как было установлено, реализация РНТП в Красноярском крае позволяет сэкономить труд более 200 тыс. человек. Практически это означает, что отпадает необходимость в привлечении из других, более обжитых районов страны нескольких сотен тысяч человек населения. Между тем, как показывают расчеты, обустройство каждого из вновь прибывших в районы пионерного освоения в крае обходится в 17—20 тыс. руб.

Курс на достижение трудосберегающего эффекта — это не только компенсация дефицита трудовых ресурсов и вывод работников с производственных участков, отличающихся вредными, тяжелыми и опасными условиями труда: широкая автоматизация производства, внедрение роботизированных, аппаратных, малооперационных и других передовых технологий ведут к резкому повышению требований к квалификации инженеров и рабочих, к изменению соотношения между умственным и физическим трудом, к изменению содержания и усилению творческого характера труда.

Все это требует согласованной по времени и ресурсам деятельности многих коллективов: научно-исследовательских, конструкторских, проектных, производственных и строительных организаций. Например, в подготовке программы по внедрению техники в северном исполнении, являющейся одной из составляющих Красноярской комплексной РНТП, участвуют 48 организаций и предприятий. Результаты исследований и разработок будут внедрены в производственных объединениях и предприятиях, представляющих 11 министерств. Только эта составляющая комплексной РНТП позволяет обеспечить более 10 млн. руб. годового экономического эффекта и высвободить около 10 тыс. чел.

Координируя и кооперируя по времени, материальным, финансовым и трудовым ресурсам и достижению конечной цели усилия организаций, представляющих все отрасли хозяйства, РНТП может обеспечить планомерность необходимых мероприятий при сочетании интересов отдельной отрасли и региона.

В отраслевых планах слабо учитывается региональная специфика научно-технической политики, не предусматривается комплекс мероприятий в этом направлении. Анализ выполнения планов внедрения новой техники на предприятиях края свидетельствует о том, что существующая система плановых показателей малоэффективна, устарела, не отвечает задачам дня. Между тем РНТП в принципе позволяют не только сделать путь научной разработки к ее потребителям более коротким, но и существенно упорядочить процесс внедрения новой техники, комплексно подойти к организации управления им. В связи с этим следовало бы выработать такую процедуру планирования, при которой планы внедрения новой техники, освоения новой технологии, материалов органически

увязывались бы с планами производства и капитальных вложений, находили бы отражение в материальных, мощностных, финансовых и трудовых балансах.

Опыт исследования проблем научно-технической политики в условиях Красноярского края, думается, будет полезен и для других регионов пионерного освоения и интенсивной реконструкции хозяйства. Обеспечение комплексности, согласование региональных и отраслевых интересов, включение региональных научно-технических программ в государственные планы — все это необходимо предусматривать с самого начала разработки РНТП. Для этого необходим такой организационно-экономический механизм управления, который позволяет от начала и до конца увязывать в единое целое научно-технические, экономические, социальные факторы, преодолевая ведомственные и локальные интересы в использовании ресурсов. По нашему мнению, управление реализацией программы может осуществляться путем дополнения единоначалия в руководстве коллегиальной формой координации. Координирующими органами реализации РНТП могут стать плановые органы краев и областей, для чего они должны быть наделены более широкими полномочиями. В составе этих органов можно было бы создать отделы территориального планирования научно-технического прогресса.

В практике планирования последних лет отмечается интерес к разработке научно-технических программ, с ориентацией их на конечный результат и выделением отдельных стадий решения соответствующих проблем. Представляется своевременным постепенный переход от отдельных государственных актов по разработке и управлению региональными программами к органическому включению их в народнохозяйственный план. Цели и задачи программы должны быть согласованы с целями и задачами народнохозяйственных планов, иметь полное ресурсное обоснование в плановых расчетах и показателях. При этом в принципе возможно оценить влияние региональной научно-технической программы на функционирование экономики и достижение конечных целей развития региона.

Одной из задач является учет научно-технического прогресса в системе экономических расчетов в качестве эндогенного фактора. Для этой цели могут быть использованы различные экономико-математические модели. Представляется наиболее целесообразным рассмотрение названных методов прогнозирования НТП как взаимосвязанных и взаимодополняющих. Так, имеется опыт моделирования хозяйства Украинской ССР, когда в уравнение для объема выпускаемой продукции вводится отдельная составляющая, характеризующая «автономный» технический прогресс. Кроме того, научно-технический прогресс может быть учтен косвенным образом через коэффициенты выбытия основных фондов, нормы амортизации, коэффициенты материальных затрат.

Применение балансовых моделей для исследования региональной экономики позволяет сделать вывод, что учет научно-технического прогресса в модели межотраслевого баланса региона можно осуществить путем включения в модель способов экономии, где коэффициенты прямых материальных и трудовых затрат поставлены в зависимость от капитальных вложений, направленных на осуществление технического прогресса.

Применение оптимизационных моделей позволит определить оптимальный план развития экономики в результате выбора различных технологических способов производства и потребления продукции, разработанных с учетом региональных особенностей научно-технического прогресса. Оптимизация может проводиться на основе различных критериев, выбор которых должен осуществляться исходя из целей регионального развития, поставленных в свете общегосударственных интересов, а также

с учетом влияния научно-технического прогресса на экономику региона.

Представляется оправданным использование сетевых моделей для управления научно-техническим прогрессом в регионе, с помощью которых может быть получено оптимальное расписание и сроки выполнения конкретных мероприятий по внедрению результатов научных исследований. Для адекватного отображения структуры явления с целью изучения и систематизации взаимодействия составляющих его элементов целесообразно использовать графовые модели. Суть их заключается в формальном представлении структуры какого-либо процесса на основе поиска графовыми алгоритмами структурных характеристик (чисел) этих моделей.

В народном хозяйстве с его сложными межрайонными и межотраслевыми связями всегда существует много различных возможных направлений развития экономики с учетом того, что научно-технический прогресс приводит к крупным структурным сдвигам. Правильный учет межотраслевых пропорций народного хозяйства, выбор между различными направлениями структурных сдвигов в экономике возможен лишь при использовании группы оптимизационных народнохозяйственных моделей.

Следовательно, прогнозирование научно-технического прогресса должно базироваться на системе экономико-математических моделей (сетевая модель, экономико-статистические методы, оптимизационная межотраслевая модель региона, производственные функции), согласование которых представляется самостоятельной проблемой.

В Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР намечено провести исследование взаимного влияния региональной программы научно-технического прогресса и развития хозяйства Красноярского края с использованием межотраслевой балансовой модели. На этой модели предполагается провести серию вариантных расчетов, предусматривающих трудосберегающий характер НТП, исследовать вопросы его воздействия на изменение экономических показателей края. Информация, полученная при разработке РНТП, может служить основой при подготовке данных для расчетов. Для учета не только региональных, но и народнохозяйственных факторов, влияющих на НТП в регионе, необходимо модифицировать модель функционирования экономики края путем включения народнохозяйственного блока, что в дальнейшем может привести к созданию двухуровневых систем моделей: народное хозяйство — регион.

Параллельно с выполнением расчетов по балансовым моделям предполагается использовать сетевые модели для выбора соотношения между направлениями НТП, распределения капитальных вложений, трудовых, материальных и финансовых ресурсов для реализации РНТП. Намечено осуществить взаимоувязку балансовых и сетевых моделей по срокам выполнения конкретных мероприятий, объемам выделенных ресурсов и пр. Также представляется возможным использовать производственные функции, включающие научно-технический прогресс в качестве самостоятельного фактора, для оценки влияния НТП на экономику края в агрегированном виде.

Структура РНТП охватывает как общотраслевые региональные научно-технические проблемы, так и проблемы отраслевых комплексов региона. Анализ этих двух групп проблем позволяет выявить важнейшие научно-технические вопросы, решение которых требует принятия директив на общегосударственном уровне. Эти проблемы составляют отдельный блок в структуре РНТП. Программный подход требует наличия в структуре комплексной РНТП и таких элементов, как программа развития научно-технического потенциала региона и обоснование организа-

ционно-экономического механизма управления научно-техническим прогрессом в регионе. На стадии структурной разработки определяются и взаимоувязываются основные мероприятия программы, состав разработчиков проблем и организации, изготовляющие и внедряющие технические системы.

Поставленные в статье методологические вопросы создания РНТП не исчерпывают все аспекты их разработки. Планово-нормативные показатели НТП должны учитываться последовательно на всех этапах планирования развития производства в регионе.

*Красноярский отдел Института экономики
и организации промышленного производства
СО АН СССР*

Н. А. БЕРЕСНЕВА

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ
МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ЗАВИСИМОСТЕЙ ПРОИЗВОДСТВА,
ПОТРЕБЛЕНИЯ И ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ
В ДВУХ ЗОНАХ СССР

Исследования по применению межотраслевых балансов в экономическом анализе, прогнозировании и планировании получили в нашей стране значительное распространение. Однако информационные возможности отчетных межотраслевых балансов используются пока далеко не полностью. Главное внимание уделяется лишь изучению производственно-технических межотраслевых пропорций и материально-вещественной структуры валового и конечного продукта; информация же о взаимосвязях между распределяемой вновь созданной стоимостью и конечным использованием продукции анализируется явно недостаточно. Замыкание взаимосвязей по производству, потреблению и доходам в межотраслевом балансе открывает возможности исследования сферы потребления во взаимосвязи с производственной программой, построения более общей модели для комплексного исследования межотраслевых зависимостей.

Принципы разработки расширенных моделей межотраслевого баланса, включающих наряду с балансами производства и распределения продукции также уравнения доходов населения и функций личного потребления хорошо известны¹.

В ряде союзных республик уже имеется опыт построения расширенных моделей межотраслевого баланса. В частности, в Армении и Таджикистане применяются модели, включающие дифференцированные балансы доходов и потребления (т. е. с разделением работников и населения по оплатным и доходным группам)². Но разработки дифференцированного баланса доходов и потребления населения осуществляются далеко не во всех республиках. Поэтому расширенные межотраслевые модели целесообразно, на наш взгляд, базировать прежде всего на имеющейся информации межотраслевых балансов.

Впервые анализ расширенных межотраслевых балансов по всем союзным республикам и экономическим районам РСФСР был выполнен

¹ См. Моделирование народнохозяйственных процессов. М., Экономика, 1973, гл. 7; Межотраслевые балансы в анализе территориальных пропорций СССР. Новосибирск, Наука, 1975, гл. 4; Гранберг А. Г. Математические модели социалистической экономики. М., Экономика, 1978, гл. 8.

² Арутюнян М. Н. Согласование межотраслевого баланса с дифференцированным балансом доходов и расходов населения. — В кн.: Проблемы разработки системы моделей оптимального перспективного планирования народного хозяйства. М., ЦЭМИ, 1977; Андреева В. Н. Модель согласования объемов производства с доходами и потреблением населения. — Экономика и математические методы, 1978, т. XIV, вып. 3.

Таблица 1

Коэффициенты потребления продукции на единицу дохода по двум зонам СССР

Отрасли	Зона I		Зона II	
	1966 г.	1972 г.	1966 г.	1972 г.
Пищевая промышленность	0,497	0,492	0,459	0,426
Легкая	0,214	0,230	0,222	0,246
Машиностроение	0,048	0,058	0,042	0,063
Топливо-энергетическая промышленность	0,013	0,016	0,013	0,015
Остальные отрасли промышленности	0,060	0,057	0,056	0,067
Сельское хозяйство	0,152	0,133	0,189	0,172
Прочие отрасли материального производства	0,016	0,013	0,019	0,011
Итого	1,000	1,000	1,000	1,000

в ИЭиОПП СО АН СССР по данным за 1966 г.³ Применявшаяся модель имеет следующие особенности: 1) в составе конечной продукции выделяется личное потребление, реализуемое за счет доходов населения, вводятся функции личного потребления от дохода; 2) в модель включается баланс доходов населения, в котором выделяются доходы, получаемые в сфере производства (как функции от объема производства) и «прочие» доходы. В экспериментально опробованной модели функции личного потребления от дохода и доходов от объема производства приняты линейными однородными. Данное предположение оправдано в силу достаточно хорошей аппроксимации этих функций кусочно-линейными при незначительных интервалах изменения объемов производства и доходов.

В настоящей статье анализируются показатели расширенных межотраслевых балансов по двум зонам СССР: РСФСР (зона I) и остальная часть страны (зона II) за 1966 и 1972 гг. Такое разделение по зонам имеет смысл с точки зрения изучения роли экономики РСФСР в системе общесоюзной экономики⁴. В задачу статьи не входит анализ всех показателей расширенных межотраслевых балансов двух зон СССР, внимание сосредоточивается на тех результатах, которые связаны с подключением к основной модели межотраслевого баланса функций потребления и доходов.

Анализ отраслевых структур фонда личного потребления в зонах (коэффициентов потребления продукции на единицу дохода) выявляет значительное их сходство в разрезе укрупненной отраслевой классификации (табл. 1).

Формирование фонда личного потребления происходит в основном за счет продукции легкой, пищевой промышленности и сельского хозяйства (84,5—87,0%). Среди этих отраслей наименее различаются удельные веса по легкой промышленности. Коэффициенты расхода продукции пищевой промышленности выше в РСФСР и ниже в зоне II, а коэффициенты расхода продукции сельского хозяйства, наоборот, выше в зоне II и ниже в РСФСР, т. е. в структуре питания населения РСФСР продукты, прошедшие промышленную обработку, в большей степени замещают натуральные сельскохозяйственные продукты, нежели в других

³ Межотраслевые балансы в анализе территориальных пропорций СССР, гл. 1, 7.

⁴ Селиверстов В. Е. Тенденции развития экономики РСФСР в составе единого народнохозяйственного комплекса. — Изв. СО АН СССР, 1980, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1.

Таблица 2

Коэффициенты оплаты труда на единицу продукции

Отрасли	Зона I в % к зоне II		1972 г. в % к 1966 г.	
	1966 г.	1972 г.	Зона I	Зона II
Черная металлургия	100,0	108,4	89,5	82,6
Цветная	98,7	95,5	72,1	74,5
Топливная промышленность	56,6	57,3	70,3	69,4
Машиностроение	109,9	100,3	85,9	91,0
Химическая промышленность	100,3	78,7	85,9	109,5
Лесная	116,3	124,1	94,5	88,5
Промышленность стройматериалов	98,8	89,5	98,4	106,1
Легкая промышленность	96,7	98,3	93,0	91,4
Пищевая	122,2	116,8	101,1	106,0
Строительство	118,2	102,2	99,4	114,9
Сельское хозяйство	89,3	89,3	95,4	91,2
Транспорт и связь	85,2	79,7	90,5	96,7
Торговля	112,9	124,8	100,4	90,9

союзных республиках. Это объясняется более высокой урбанизацией, менее благоприятными условиями для обеспечения населения местными сельскохозяйственными продуктами (в особенности в северных районах РСФСР). Коэффициенты потребления продукции других отраслей различаются по зонам несущественно. Следует отметить, что фонд личного потребления на душу населения в РСФСР был выше, чем в зоне II, на 21%; в 1972 г. разрыв еще более увеличился. Однако это обстоятельство не оказывает значительного влияния на отраслевую структуру потребления в укрупненной классификации. К сожалению, действующая методика построения межотраслевых балансов не позволяет анализировать территориальные различия и динамику обеспечения населения жильем и расходов на потребительские услуги.

Анализ динамики отраслевой структуры личного потребления в двух зонах за 1966—1972 гг. обнаруживает однотипность происходящих процессов. Сокращается удельный вес потребления продуктов питания (в РСФСР с 64,9 до 62,6%, в зоне II — с 64,8 до 59,8%) и продукции прочих отраслей материального производства. Доли же потребления продукции других укрупненных отраслей увеличиваются.

Остановимся на сравнительном анализе коэффициентов оплаты труда, характеризующих удельный вес затрат на оплату труда в валовой продукции отраслей (табл. 2).

В большинстве отраслей РСФСР заработная плата выше среднесоюзной, однако здесь выше и производительность труда. Поэтому различия коэффициентов оплаты труда на единицу производимой продукции по двум зонам уже не носят систематического характера.

Различия коэффициентов оплаты труда двух зон довольно устойчивы в динамике. Как видно из табл. 2, только в химической промышленности за 6 лет произошло существенное изменение: в 1966 г. коэффициент оплаты труда в РСФСР был выше, а в 1972 г. стал уже ниже. В рассматриваемом периоде в РСФСР валовая продукция химической промышленности росла быстрее фонда оплаты труда (увеличение соответственно на 78 и 53%), а в зоне II при более высоком росте валовой продукции (в 2,1 раза) фонд оплаты труда увеличился еще больше (в 2,3 раза).

В целом наблюдаемые зональные различия коэффициентов оплаты труда обусловлены устойчивыми факторами: различиями внутриотрас-

левой структуры производства, производительности труда (особенно в добывающих отраслях), условиями оплаты труда (в том числе более высокая заработная плата в северных и восточных районах РСФСР). Например, в топливной промышленности существенно более низкий коэффициент оплаты в РСФСР объясняется тем, что здесь намного выше удельный вес малотрудоемких подотраслей (нефтяной и газовой), а в угольной промышленности — выше производительность труда.

Динамика коэффициентов оплаты труда в двух зонах довольно сходна. В большинстве отраслей эти коэффициенты уменьшаются вследствие более быстрого роста производительности труда по сравнению с заработной платой. Исключение составляет пищевая промышленность обеих зон (следствие существенного повышения заработной платы в этой отрасли и стабильного уровня цен), а также химическая промышленность, промышленность стройматериалов и строительство в зоне II. Эти факты, связанные с недостаточным ростом производительности труда, по-видимому, следует оценивать как отрицательные.

Важным преимуществом расширенной модели межотраслевого баланса является возможность проведения анализа взаимоотношений структуры личного потребления, условий оплаты труда и материалоемкости производства на систему пропорций народного хозяйства. Для этого эффективно использовать коэффициенты полных затрат⁶.

Матрица $\hat{B}$ коэффициентов полных затрат расширенной модели межотраслевого баланса имеет следующую блочную структуру:

$$\hat{B} = \begin{bmatrix} \beta_{11} & \beta_{12} \\ \beta_{21} & \beta_{22} \end{bmatrix}$$

Коэффициенты блока β_{11} характеризуют полные потребности в продукции отраслей для получения «прочей» конечной продукции. Они включают не только потребности, обусловленные непосредственно выпуском конечной продукции и материальными затратами (по формуле $B = (E - A)^{-1}$, применяемой в классической модели межотраслевого баланса), но и дополнительные затраты, обусловленные взаимодействием производства, личного потребления и доходов.

В табл. 3 приводятся суммарные (по столбцам) коэффициенты полных потребностей в продукции отраслей двух зон за 1966 и 1972 гг. Например, первый коэффициент в таблице означает, что в РСФСР для получения 1000 руб. продукции черной металлургии для «прочего» конечного использования (т. е. за исключением личного потребления) требовалось произвести валового общественного продукта на 3528 руб. Полученные коэффициенты выше соответствующих коэффициентов, рассчитанных по классической модели межотраслевого баланса, как правило, в 1,5—2 раза. В частности, по РСФСР за 1972 г. они выше: по конечной продукции сельского хозяйства — в 2 раза, строительства — в 1,85 раза, лесной промышленности — в 1,7 раза.

В большинстве случаев анализируемые коэффициенты в РСФСР ниже, чем в зоне II, т. е. равное увеличение прочей конечной продукции в РСФСР достигается при меньшем объеме валового общественного продукта. Существенное влияние здесь оказывают меньшие коэффициенты оплаты труда.

При анализе динамики коэффициентов обращает на себя внимание тот факт, что увеличение потребностей в валовом общественном продукте на 1 руб. «прочей» конечной продукции в обеих зонах происходит лишь в отраслях, формирующих основную часть фонда личного

Таблица 3

Полные потребности в валовом общественном продукте для получения 1 руб. «прочей» конечной продукции отраслей

Отрасли	Зона I		Зона II	
	1966 г.	1972 г.	1966 г.	1972 г.
Черная металлургия	3,528	3,526	3,728	3,780
Цветная »	3,636	3,594	3,987	3,863
Топливная промышленность	2,974	2,671	3,139	3,120
Электроэнергетика	2,678	2,503	2,751	2,591
Машиностроение	3,932	3,720	3,886	3,726
Химическая промышленность	3,627	3,469	3,788	3,564
Лесная »	3,855	3,788	4,002	3,819
Промышленность стройматериалов	3,513	3,540	3,487	3,645
Легкая промышленность	3,499	3,632	3,645	3,677
Пищевая »	3,411	3,799	3,492	3,856
Строительство	3,936	4,015	3,826	4,051
Сельское хозяйство	2,922	3,462	2,934	3,167
Транспорт и связь	2,778	2,648	3,046	2,993
Торговля	3,162	3,183	2,856	2,829

потребления, а также в строительстве и промышленности стройматериалов; остальные коэффициенты уменьшаются. При этом большинство коэффициентов изменяется относительно незначительно. Наибольшие изменения относятся к коэффициентам РСФСР для конечной продукции топливной промышленности (уменьшение на 10,2%) и сельского хозяйства (увеличение на 18,5%).

Коэффициенты блока β_{12} расширенной модели межотраслевого баланса приводятся в табл. 4. Они характеризуют полные затраты продукции отраслей на прирост доходов, не зависящих от объемов производства. По сравнению с коэффициентами потребления продукции (см. табл. 1) эти коэффициенты выше в несколько раз. Например, в 1972 г. в РСФСР на каждые 1000 руб. расходованных доходов (фонда личного потребления) непосредственно потреблялось продукции сельского хозяйства на 133 руб., полные же потребности в выпуске сельскохозяйственной продукции для обеспечения 1000 руб. независимых доходов составили 849 руб. В 1972 г. на каждые 1000 руб. независимых доходов требовалось произвести валового общественного продукта в РСФСР 3671 руб., а в зоне II — 3647 руб.

Данные табл. 5 показывают, что увеличение независимых доходов требует значительного роста производства во многих отраслях, в том числе и в тех, которые непосредственно мало связаны с удовлетворением потребностей населения. Характерно, что именно по этим отраслям коэффициенты блока β_{12} в наибольшей степени (зачастую в десятки раз) превышают соответствующие коэффициенты потребления продукции (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика, транспорт и связь, торговли и т. д.). Удельный же вес продукции легкой и пищевой промышленности в обеспечении независимых доходов существенно меньше, чем доля этих отраслей в личном потреблении.

Изменения коэффициентов блока β_{12} в основном соответствуют изменениям коэффициентов потребления продукции на единицу дохода. Коэффициенты затрат легкой и пищевой промышленности и сельского хозяйства относительно стабильны. Наиболее существенно возрастают коэффициенты машиностроения и химической промышленности.

Коэффициенты блока β_{21} , приводимые в табл. 6, характеризуют полные затраты дохода на «прочую» конечную продукцию. Они позволяют

⁶ Гранберг А. Г. Указ. соч., с. 302—305.

Таблица 4
Коэффициенты полных затрат продукции отраслей на единицу независимых доходов (при $\gamma=1$)

Отрасли	Зона I		Зона II	
	1966 г.	1972 г.	1966 г.	1972 г.
Пищевая промышленность	1,029	1,051	0,952	0,921
Легкая »	0,708	0,754	0,609	0,698
Машиностроение	0,149	0,199	0,140	0,217
Топливо-энергетическая промышленность	0,145	0,154	0,133	0,161
Остальные отрасли промышленности	0,311	0,365	0,298	0,380
Сельское хозяйство	0,746	0,849	1,019	0,990
Остальные отрасли народного хозяйства	0,276	0,299	0,260	0,280
Итого	3,114	3,671	3,171	3,647

анализировать влияние объемов и структуры «прочей» конечной продукции на величину доходов населения.

Коэффициенты β_{21} , как правило, в несколько раз превышают соответствующие коэффициенты α_{21} в обеих зонах. Например, по пищевой промышленности в 1972 г. они были выше в РСФСР в 13,2 раза, а в остальной части СССР — в 18 раз; по легкой промышленности — соответственно в 6 и 7 раз. Наибольший прирост доходов возникает при увеличении «прочей» конечной продукции таких отраслей, как строительство, торговля, лесная промышленность, машиностроение, сельское хозяйство. При этом почти во всех укрупненных отраслях коэффициенты в РСФСР ниже, чем в зоне II, что объясняется меньшими материальными затратами и затратами на оплату труда. Этот факт по-новому характеризует более высокую эффективность общественного производства в Российской Федерации.

Коэффициенты полных затрат дохода имеют тенденцию к уменьшению вследствие уменьшения коэффициентов оплаты труда. В РСФСР за 1966—1972 гг. коэффициенты блока β_{21} увеличились только в отраслях агропромышленного комплекса, что объясняется в основном двумя причинами: в этих отраслях повысилась материалоемкость, а коэффициенты оплаты труда уменьшились незначительно (в пищевой промышленности коэффициенты оплаты труда даже увеличились). В зоне II коэффициенты увеличились в промышленности стройматериалов, пищевой промышленности, строительстве, т. е. как раз в тех отраслях, где в 1966—1972 гг. возросли коэффициенты оплаты труда (см. табл. 2).

Таблица 5
Коэффициенты прироста расходной части доходов населения на единицу независимых доходов (при разных γ)

	1966 г.			1972 г.		
	$\gamma = 0,9$	$\gamma = 1,0$	$\gamma = 1,1$	$\gamma = 0,9$	$\gamma = 1,0$	$\gamma = 1,1$
Зона I	1,275	1,486	1,719	1,293	1,511	1,752
Зона II	1,320	1,548	1,797	1,316	1,542	1,793

Таблица 6
Коэффициенты полных затрат дохода на единицу «прочей» конечной продукции

Отрасли	Зона I		Зона II	
	1966 г.	1972 г.	1966 г.	1972 г.
Черная металлургия	0,472	0,436	0,553	0,496
Цветная »	0,514	0,425	0,620	0,450
Топливная промышленность	0,444	0,336	0,597	0,498
Машиностроение	0,76	0,608	0,706	0,628
Химическая промышленность	0,495	0,430	0,573	0,509
Лесная »	0,712	0,653	0,744	0,650
Промышленность стройматериалов	0,580	0,549	0,620	0,621
Легкая промышленность	0,402	0,410	0,526	0,480
Пищевая »	0,464	0,513	0,509	0,537
Строительство	0,799	0,778	0,765	0,809
Сельское хозяйство	0,575	0,631	0,626	0,620
Транспорт и связь	0,575	0,508	0,706	0,655
Торговля	0,798	0,786	0,725	0,661

Коэффициенты блоков β_{12} и β_{21} расширенной модели межотраслевого баланса можно сопоставить с коэффициентами полных потребностей в продукции отраслей для обеспечения фонда личного потребления и с коэффициентами полных затрат оплаты труда основной модели межотраслевого баланса. Но в расширенной модели эти коэффициенты выше в R раз (где R равно приросту расходной части доходов населения на единицу прироста фиксированного дохода, см. табл. 5).

Коэффициент β_{22} (см. табл. 5) характеризует прирост расходной части доходов населения (или прирост фонда личного потребления) на единицу независимых доходов. Он существенным образом зависит от γ — доли совокупного дохода населения региона, выделяемой на потребительские расходы в отличие от остальных блоков расширенной матрицы межотраслевого баланса. Именно задание этой доли определяет продуктивность моделируемой системы. Рассматриваемая расширенная модель межотраслевого баланса продуктивна и стабильна только при $\beta_{22} > 0$.

В РСФСР коэффициент β_{22} по данным за 1972 г. равен 1,511 (при совпадении доходов и расходов населения). Это означает, что при условии сбалансированности годовых доходов и расходов населения прирост независимых доходов на 1000 руб. влечет прирост совокупного дохода на 1511 руб.

При равных долях совокупного дохода населения региона, выделяемой на потребительские расходы, в зоне II коэффициент β_{22} несколько выше, чем в РСФСР. Иными словами, равное увеличение доходов в непроизводственной сфере в двух зонах оказывает неодинаковое влияние на рост совокупного дохода в целом по стране.

Таким образом, включение в модели межотраслевого баланса функций потребления и уравнения доходов расширяет возможность сравнительного структурного анализа экономики СССР и союзных республик, позволяет по-новому анализировать сложные взаимосвязи производства и конечного использования продукции, материалоемкости производства, структуры личного потребления и оплаты труда.

Новосибирский государственный университет
им. Ленинского комсомола

Н. И. ПЛЯСКИНА

О ПОДХОДЕ К ПЕРСПЕКТИВНОМУ ПЛАНИРОВАНИЮ РАЗВИТИЯ ГАЗОДОБЫВАЮЩЕГО РАЙОНА СЕВЕРА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

При освоении рассматриваемого района огромное значение имеет пространственный фактор. Во-первых, месторождения находятся друг от друга на больших расстояниях: так, протяженность межпромысловой дороги Медвежье — Уренгой составляет 120 км, Губкинское — Заполярное — 260 км. Во-вторых, все месторождения велики по занимаемой площади и имеют большие расстояния между скважинами: протяженность внутрипромысловых автодорог на Медвежьем составляет 115 км, на Уренгойском — 175, на Ямбургском — 130, на Комсомольском — 277 км. В-третьих, транспортировка грузов к месторождениям осуществляется последовательно несколькими видами транспорта, вследствие значительной удаленности района от центра, отсутствия дорог и неблагоприятных климатических условий (короткая навигация на реках). Все это приводит к повышенным затратам средств на доставку грузов и обустройство промыслов: так, если для районов Среднего Поволжья удельный вес капитальных вложений в развитие производственной инфраструктуры составляет 17—30%, а в целом по стране 30%, то по данному району он достигает 50—70%¹.

Характеристика пространственного фактора данного района показывает, что вопрос о развитии инфраструктуры приобретает здесь особое значение.

Ретроспективный анализ развития рассматриваемого района показывает отставание строительства объектов инфраструктуры, что тормозит развитие газовой промышленности и удорожает добычу газа. Анализ динамики ввода основных фондов по объединению Тюменгазпром за несколько лет показывает, что значительная часть средств при освоении месторождений, особенно в первые годы, вкладывается в объекты основного производства. Например, сметная стоимость объектов производственной инфраструктуры по проекту для месторождения Медвежье составляла 64%, а фактически удельный вес их на 1. I. 1975 г. — 30,7%. К числу неосвоенных относятся главным образом объекты подсобно-вспомогательного и обслуживающего назначения: ремонтные производственные базы, объекты внешнего электроснабжения, транспортное хозяйство. Отставание ввода этих объектов обусловило удорожание стоимости добычи газа на месторождении Медвежье на 12—15%. Та же тенденция сохраняется и при обустройстве Уренгойского месторождения.

¹ Третьякова А. П., Богопольская Т. И. Формирование производственной базы в газодобывающих районах Тюменской области. — В кн.: Экономика, организация и управление в газовой промышленности. М., 1976, ВНИИГАЗпром, № 5, с. 10.

В результате существенно увеличивается численность работающих и затраты по материально-техническому снабжению, транспорту грузов, организации ремонтных работ. В настоящее время численность персонала, занятого в сфере подсобно-вспомогательного и обслуживающего производств по объединению Тюменгазпром, значительно больше, чем в основном. Удельная численность промышленно-производственного персонала в расчете на 1 млрд. м³ газа по объединению Тюменгазпром в 1978 г. ниже среднеотраслевых данных (25 чел. против 66), а удельная численность непромышленного персонала почти в 14 раз превышает уровень этого показателя по стране (180 против 13). По этой причине общая численность работников по объединению Тюменгазпром в расчете на 1 млрд. м³ газа в 5—6 раз выше среднеотраслевого уровня.

Строительство объектов инфраструктуры осуществляется без учета перспективы их развития, что приводит к организации большого числа незначительных по мощности предприятий и соответственно к снижению эффективности их производства. Так, на балансе «Надымгазпрома» на конец 1977 г. находилось 36 электростанций. Несмотря на то, что большинство их использует дешевый местный газ, себестоимость электроэнергии, вследствие малой мощности электростанций, остается достаточно высокой и в 10—15 раз превышает себестоимость электроэнергии Сургутской ГРЭС.

Анализ существующей системы материально-технического снабжения Медвежьего и Уренгойского месторождений показал, что отсутствие постоянных транспортных связей приводит к строительству большого количества перевалочных баз, причем вопросы строительства и развития последних решаются индивидуально для каждого месторождения. Расчеты показывают, что суммарная экономия по капитальным вложениям при использовании перевалочных баз, одних месторождений при обустройстве и эксплуатации других с учетом фактора времени составит 130 млн. руб.²

Следовательно, в настоящее время проблема сбалансированного развития инфраструктуры и основных отраслей материального производства данного района приобретает все большую актуальность. Сроки строительства и сдачи в эксплуатацию объектов инфраструктуры должны быть стержневыми условиями ввода в разработку месторождений района.

В связи с этим целесообразно выделить три последовательных стадии построения программы освоения и разработки газодобывающего района. Первая стадия — формирование вариантов разработки месторождений в динамике (нами применяется имитационная модель разработки месторождения). Вторая стадия — определение производственного варианта развития района в предположении, что план добычи газа по району получен с помощью модели отраслевой системы. Третья стадия — комплексное описание программы освоения района и разработки месторождений с учетом развития объектов инфраструктуры. На этой стадии была применена сетевая имитационная модель, которая позволяет получить и сравнить множество планов, различающихся по временному оптимизации мероприятий, динамике капитальных вложений, специфике их распределения между объектами и др.³

² Третьякова А. П., Богопольская Г. И. Указ. соч., с. 13.

³ По своему содержанию модель района представляет собой сетевой граф, объединяющий сетевые модели месторождений, увязанные между собой работами по созданию инфраструктурных объектов общерайонного значения, а также фиктивных связей, отражающих временные зависимости (продолжительность фиктивных работ нулевой) выполнения этапов программы. Основным звеном модели развития газодобывающего района является сетевая модель месторождения.

Для реализации поставленной задачи выбрано достаточно эффективное математическое обеспечение⁴, которое позволяет получить для каждого варианта допустимое расписание всех работ и событий, описанных в модели и соответствующие ему интегральные затраты, сущность которых заключается в суммировании затрат за планируемый период⁵.

Варианты развития района отличаются как суммарными, так и годовыми объемами добычи газа. В качестве критерия при выборе оптимального варианта используется показатель интегрального эффекта U .

$$U_g^r = \sum_{i=1}^T 3_i Q_i^r (1 + E_{\text{ип}})^{t_0 - i} - U_{\text{затр}}^r,$$

где $U_{\text{затр}}^r$ — интегральные затраты по r -му варианту за рассматриваемый период; 3_i — замыкающие затраты на газ; Q_i^r — годовые объемы добычи газа по r -му варианту развития района; $E_{\text{ип}}$ — коэффициент приведения разновременных затрат, $E_{\text{ип}} = 0,1$; t_0 — год, к которому приводятся разновременные затраты.

При расчетах в качестве замыкающих затрат используются перспективные значения замыкающих затрат для Северо-Западной нефтегазопроизводящей провинции⁶.

На данном этапе исследования нами построено два сетевых графика освоения и развития газодобывающего района севера Тюменской области и соответственно проведено две серии расчетов. В основу первой серии расчетов положен укрупненный сетевой график развития района (116 работ, 99 событий), охватывающий начальный этап освоения района. Расчеты имитировали процесс развития района до 1990 г. при идеальных условиях освоения.

Вторая серия расчетов выполнена на основе детального сетевого графика (160 работ, 255 событий) в 1980—1990 гг., по которому дезагрегированы работы, отражающие ремонтные базы, базы стройиндустрии, подсобно-вспомогательное производство, инженерное обеспечение, а также материально-техническое снабжение Медвежьего и Уренгойского месторождений. Последний сетевой график отражает перспективное развитие района с учетом сложившейся ситуации. В каждой серии расчетов было рассмотрено несколько вариантов развития района.

Проведенные расчеты позволяют получить немало ценных для экономического анализа результатов. Прежде всего может быть найден оптимальный вариант развития района. Каждой работе сетевого графика дается развернутая характеристика во времени: раннее и позднее начало, раннее и позднее окончание, полный резерв времени. С помощью этих параметров можно выделить работы, определяющие срок выполнения всей программы, т. е. работы, лежащие на критическом пути, а для остальных работ определить наиболее целесообразное начало в рамках резервов времени.

Общим варьируемым параметром в обеих сериях расчетов является порядок ввода месторождений, который характеризуется сроками ввода и объемами добычи газа каждого месторождения. Рассмотрено два варианта порядка ввода месторождений в эксплуатацию, предложенные ТюменНИИГипрогазом. Оба варианта учитывают, что месторождение

⁴ Алгоритм и программное обеспечение разработаны в ИМ СО АН СССР под руководством Э. Х. Гимади.

⁵ Специфика газовой промышленности выявляет достоинства данного показателя. Требования и условия расчета интегральных показателей частично отражены в «Методических положениях оптимального отраслевого планирования в промышленности» (Новосибирск, Наука, 1972, с. 114).

⁶ Макаров А. А., Вигдорчик А. Г. Топливо-энергетический комплекс. М., Наука, 1979.

Медвежье введено в 1972 г., Уренгойское и Вынгапуровское — в 1978 г. Второй вариант отличается от первого как объемами добычи, так и сроками ввода месторождений в разработку. Предполагается увеличить добычу газа за счет повышения интенсивности разработки Уренгойского и Ямбургского месторождений в период нарастающей добычи, а также более раннего ввода в эксплуатацию Ямбургского (на год раньше) и Заполярного (на три года) месторождений. Второй вариант учитывает ввод Комсомольского месторождения.

Поскольку первая серия расчетов выполнена в предположении, что в районе не начато обустройство месторождений, это позволило в расчетах варьировать начальным годом освоения района (1965, 1966, 1970 г.) и последовательностью выполнения работ при строительстве железной дороги Сургут — Уренгой (топология сети). Рассматривается два варианта топологии сети: первый, принятый в настоящее время трестом «Тюменстройпуть», — последовательное строительство от Сургута, второй, предложенный «Сибгипротрансом», — одновременное строительство из двух пунктов: Сургута и Ноябрьской.

В качестве исходных ограничений на капитальные вложения были приняты объемы, освоенные в районе в девятой пятилетке, выполненные Госпланом СССР на десятую пятилетку и предлагаемые Госпланом СССР на одиннадцатую и двенадцатую пятилетки.

Обе серии расчетов показали, что оптимальным, с точки зрения выбранного критерия, является вариант, обеспечивающий увеличение годовой добычи газа к 1990 г.

Анализ временных связей многовариантных расчетов показал, что особенность развития севера Тюменской области — наличие жестких связей по вводу в действие объектов. Это доказывается большим количеством работ, попавших на критический путь по обоим сетевым графикам. Причина такого явления в необустроенности района, что обуславливает необходимость последовательного создания большинства строящихся объектов. В связи с этим сокращение сроков строительства любого из инфраструктурных объектов ведет к сокращению общего периода обустройства района, а следовательно, к ликвидации напряженности плана ввода месторождений в эксплуатацию.

Первая серия многовариантных расчетов показала, что большое влияние на сроки ввода в эксплуатацию объектов оказывает железная дорога Сургут — Уренгой. К вводу в действие этой дороги создается сеть автомобильных дорог, соединяющая месторождения с железной дорогой, что обеспечивает бесперебойную доставку многих грузов для месторождений.

При начале освоения района в 1965 г. оптимальным является вариант с одновременным строительством железной дороги из двух пунктов, интегральный эффект которого на 3% больше, чем по варианту с последовательным строительством участков дороги. Возможности ускорения строительства железной дороги Сургут — Уренгой незначительны, так как проектные сроки являются достаточно напряженными.

Сдвиг начального года освоения района автоматически сократил выделенные периоды обустройства месторождений, а следовательно, и возможность варьирования сроками ввода объектов инфраструктуры, т. е. каждое месторождение было поставлено в более жесткие рамки по вводу в действие объектов инфраструктуры.

Анализ ресурсных связей оптимального варианта первой серии расчетов (начальный год — 1965 г.) показал, что график освоения капитальных вложений представляет крайне неравномерную динамику. Так, в 1970—1977 гг. требуется дополнительно строительством большинства капиталовложений, что вызвано одновременным строительством большинства капитальных вложений.

талоемких объектов инфраструктуры общерайонного и локального значения: авто- и железной дороги до Уренгоя, создание вторых и третьих очередей ремонтной и строительной баз района, обустройство Вынгапуровского и Уренгойского месторождений, а также периодов нарастающей добычи на месторождении Медвежьем.

Капитальные вложения, выделенные на 1978—1980 гг., используются в этот период не полностью. Освоение их перемещается на одиннадцатую и двенадцатую пятилетки. Это объясняется тем, что 1978—1980 гг., по проекту строительства железной дороги Сургут — Уренгой, являются основными годами строительства дороги. Поэтому объем капитальных вложений, выделенный на развитие Тюменской области в 1978—1980 гг., включает затраты на строительство этой железной дороги.

Отличие варианта с последовательным строительством участка железной дороги состоит в распределении дополнительных капитальных вложений по годам периода 1970—1977 гг.

Вторая серия расчетов была проведена с учетом сложившейся ситуации при освоении района, когда на 1.1.1980 г. не были построены такие объекты, как межпромысловые автодороги с твердым покрытием от Надыма, внутрипромысловые автодороги и базы материально-технического снабжения на Уренгойском, Медвежьем и Вынгапуровском месторождениях.

Расчеты показали, что перечисленные инфраструктурные объекты будут построены в течение 1980—1983 гг., когда на Медвежьем, Уренгойском и Вынгапуровском месторождениях начнется период постоянной добычи и около 70% объема капитальных вложений на обустройство месторождений уже будет освоено. Следовательно, в районе в течение 1980—1983 гг. по-прежнему будут наблюдаться перебои при снабжении месторождений оборудованием и материалами.

Поскольку и ввод объектов социальной инфраструктуры зависит от своевременной поставки строительных материалов (сборного железобетона, кирпича), в этот период возможно также невыполнение плана по вводу жилья, объектов здравоохранения, учреждений культуры, что в свою очередь повлечет за собой ряд отрицательных последствий, как, например, текучесть кадров, уменьшение производительности труда.

Следовательно, стремление ускорить ввод в разработку месторождений в 1965—1978 гг. способствовало их освоению в условиях бездорожья. Такой подход был принят исходя из краткосрочных выгод ближайших лет, при этом увеличение добычи газа сопровождалось дополнительными затратами на транспорт. Учет последних в расчетах показывает, что их величина на 5—7% сокращает получаемую прибыль от добычи газа.

Оптимальным, с точки зрения максимизации интегрального эффекта, является вариант освоения района со вторым порядком ввода месторождений, суммарный доход по которому составляет 44 млрд. руб. (это на 6 млрд руб. больше, чем по варианту с первым порядком ввода).

Анализ временных связей оптимального варианта развития района показал, что более ранний, по сравнению с первым вариантом, ввод Заполярного и Ямбургского месторождений требует увеличения интенсивности выполнения отдельных работ по обустройству месторождений, что позволяет сократить продолжительность выполнения этих работ.

Последние мероприятия, необходимые для выполнения директивных сроков ввода месторождений, требуют изменения динамики освоения капитальных вложений и соответствующего перераспределения мощностей строительно-монтажных организаций в пределах рассматриваемого периода. В противном случае ввод в разработку Заполярного и Ямбургского месторождений задерживается на два года по сравнению с директивными сроками. В результате за 1984—1990 гг. будет недопоставлено

народному хозяйству такое количество газа, что интегральный эффект уменьшится на 6,1 млрд. руб.

Следовательно, учет всех затрат, которые понесет народное хозяйство от недополучения запланированного объема газа, показывает, что невыполнение условий по вводу в действие объектов обустройства Заполярного и Ямбургского месторождений, диктуемых решением сетевой модели, приводит к существенному увеличению интегральных затрат и обуславливает выбор другого варианта в качестве оптимального.

Сетевая модель района позволяет осуществить в одной системе перспективное планирование добычи газа и объектов инфраструктуры с учетом выделенных району дефицитных ресурсов, а именно осуществить распределение капитальных вложений между объектами и определить расписание их ввода, чтобы обеспечить народному хозяйству максимальный эффект от добычи газа. Все объекты связаны между собой как по срокам ввода, так и по объемам освоения капитальных вложений.

Сравнение запланированных сроков ввода объектов с расчетными показывает, что, во-первых, происходит корректировка запланированного расписания строительства некоторых объектов, что обуславливается строгой взаимоувязанностью последних. Во-вторых, строительство большинства инфраструктурных объектов по плану намечено на определенную пятилетку, сетевая модель позволяет определить конкретные взаимоувязанные сроки ввода объектов внутри пятилетки, учитывая при этом выделенные годовые капитальные вложения.

Таким образом, анализ временных связей, проведенный на основании расчетов, показал, что использование сетевого аппарата в перспективном планировании позволяет согласовывать строительство объектов инфраструктуры и ввод в разработку месторождений района, а значит, и координировать деятельность большого числа организаций, выполняющих соответствующие работы. Последнее является особенно сложной задачей, которая не может быть эффективно решена в рамках отраслевого или территориального планирования. Использование предлагаемого аппарата при перспективном планировании района позволяет также ликвидировать ведомственный параллелизм, строительство дублирующих объектов, несогласованность отдельных частей капитального строительства и т. п., обеспечивая максимальный интегральный эффект от добычи газа в данном районе.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что расписание создания объектов, соответствующее оптимальному варианту, полученному при решении сетевой модели развития района, может быть использовано при составлении комплексного плана развития района на перспективу как во временном, так и в ресурсном аспекте его осуществления.

Анализ графика освоения капитальных вложений по оптимальному варианту развития района, полученному на основании второй серии расчетов, показывает следующее. Во-первых, реализация этого варианта требует в 1,6 раза большего объема капитальных вложений по сравнению с запланированным; объем капитальных вложений в одиннадцатой и двенадцатой пятилетках необходимо увеличить в 1,8 и 1,6 раза. Соответственно необходимо увеличить мощности строительно-монтажных организаций, работающих в районе. Во-вторых, динамика освоения капитальных вложений имеет немопотоный, скачкообразный характер, причем возможность ликвидации такого явления отсутствует, поскольку анализ временных связей показал, что только 8 работ имеют резерв времени, максимальное значение которого 0,7 года.

Высокий уровень освоения капитальных вложений в одиннадцатой и двенадцатой пятилетках вызван одновременным строительством большинства капиталоемких объектов инфраструктуры общерайонного и локального значения.

Учет и распределение капитальных вложений различных ведомств и организаций, участвующих в развитии района в единой системе, позволяет подчинить их функционирование достижению глобальной цели района. Последнее позволяет ликвидировать возможность появления диспропорций посредством перераспределения излишков ресурсов (транспортных средств, мощностей строительных организаций, капитальных вложений и др.) между ведомствами, испытывающими их нехватку.

Таким образом, предлагаемый подход к перспективному развитию района позволяет ликвидировать ведомственную подчиненность создаваемых объектов при освоении капитальных вложений.

Наибольший интерес представляет сравнение оптимальных вариантов первой и второй серии расчетов за период 1980—1990 гг., т. е. сравнение варианта развития района, по которому с первых лет его освоения ведется политика комплексного подхода, и варианта с учетом сложившейся к 1980 г. ситуации. Сопоставление дает возможность определить суммарный эффект от системного перспективного подхода к освоению района, когда район рассматривается как единое целое, объекты которого строго взаимосвязаны между собой, и учитывается перспективное развитие каждого. Здесь следует отметить, что в первой серии расчетов в качестве исходной информационной базы выступает реальная картина развития района к 1965 г., поэтому результаты расчетов на 1980—1990 гг. получены по теоретической исходной базе, которая сложилась к 1979 г. по расчетам. Во второй серии расчетов в качестве точки отсчета берется реальное развитие района в 1979 г., следовательно, результаты расчетов на 1980—1990 гг. получены по реальной исходной информации. Однако сравнение может быть научно обоснованным только в том случае, если сделана проверка сетевой модели на адекватность реальной действительности.

Так как нормативные показатели модели (сметная стоимость и продолжительность строительства объектов) установлены расчетным путем на основе укрупнения действующих государственных норм, то, естественно, полной сходимости результатов не должно быть. С одной стороны, здесь может сказаться неточность экспертного укрупнения нормативных показателей, с другой — отклонения фактических затрат от сметных норм. Однако эти отклонения при наличии адекватности модели не должны превышать 10—15%.

Нами проведено сравнение реально сложившейся ситуации 1979 г. с расчетной по объему и направлениям использования капитальных вложений, а также срокам ввода объектов. Сопоставление показало, что фактически в 1979 г. освоено только 95% рекомендованного по модели объема капитальных вложений, причем только 16% (по модельным расчетам — 44%) направлено на создание инфраструктурных объектов, поэтому фактически к концу 1979 г. введена только некоторая часть объектов инфраструктуры, рекомендованная к вводу на основании расчетов. Не введены автодороги с твердым покрытием от Надыма, базы материально-технического снабжения на месторождениях и др. Полученные отклонения вполне удовлетворительны, если учесть, что основная причина расхождения фактических и модельных данных по развитию района в 1979 г. кроется в некоторых отступлениях от пути развития, рекомендованного модельными расчетами на 1965—1979 гг., которые определяются несовершенством системы планирования перспективного развития района. Во-первых, за этот период фактически освоено только 62% от объема капитальных вложений, рекомендованного на основании расчетов. Во-вторых, в распределении следующих тенденция: фактически в первую очередь создавались те объекты, которые непосредственно связаны с добычей газа, в результате

доля капитальных вложений на добычу составляет 84% от общего объема.

Таким образом, сетевая модель, используемая во второй серии расчетов, является результатом исправления обнаруженных отклонений в 1979 г. Следовательно, результаты второй серии расчетов, основанные на реальной исходной базе, могут быть использованы в качестве рекомендаций при составлении перспективного плана развития района на 1980—1990 гг. При наличии информации на основании этой модели можно провести расчеты до 2000 г. По истечении 1980 г. целесообразно скорректировать исходную базу и провести расчеты до 2001 г. и т. д. Предлагаемый подход к перспективному планированию на основе сетевой модели может быть использован как аппарат скользящего перспективного планирования.

Новосибирский государственный университет
им. Ленинского комсомола

В. В. АЛЕКСЕЕВ

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ СИБИРИ
В ПЕРИОД УПРОЧЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(1945—1960 гг.)

Количественный рост рабочего класса Сибири в послевоенный период определялся двумя группами причин. Первая отражает последствия войны, вторая — тенденции послевоенного развития. Между ними существует диалектическое единство и вместе с тем — заметное различие. Единство объясняется последовательностью стратегии КПСС в освоении восточных районов, различие — тактикой осуществления стратегической линии на конкретных этапах исторического развития.

К первой группе причин относится необходимость восполнения эвакуированных рабочих высокой квалификации, замены ушедших с производства инвалидов, пенсионеров, подростков, доведение до плановой численности персонала предприятий, особенно тех, которые непосредственно не обслуживали нужды военного производства, имели хронический недокомплект рабочей силы. Кроме того, послевоенная изношенность оборудования, переход от поточного производства стандартной военной продукции к мирным трудоемким образцам, замедленный рост производительности труда требовали дополнительных рабочих рук. Наконец, расширение старых предприятий и начало строительства новых со всей остротой поставило проблему роста численности рабочего класса.

Во вторую группу входят причины, связанные с ускорением темпов и ростом масштабов развития производительных сил Сибири на пути к зрелому социализму. Большое влияние на увеличение численности рабочих и служащих оказало значительное расширение изыскательских и проектных работ по использованию природных богатств региона, крупное капитальное строительство, возникновение новых отраслей в различных областях народного хозяйства.

Хронологически первая группа причин действовала в годы четвертой пятилетки, главным образом в ее начале, вторая группа — на протяжении 50-х годов. Правда, не все это десятилетие имело одинаковые темпы роста рабочего класса, что объяснялось спецификой пятилеток.

Рассмотрим механизм действия названных причин по соответствующим периодам на конкретном историческом материале. Резьвакуация рабочих и инженерно-технических работников из Сибири имела место еще в ходе Отечественной войны по мере освобождения от фашистских захватчиков временно оккупированных районов. Массовое возвращение эвакуированных началось после войны. В 1945 г. на долю резвакуированных рабочих приходилось 12,3% всех выбывших с предприятий «Новосибирскэнерго». В течение 1946 г. с Алтайского тракторного завода

¹ Г А Н О, ф. 1707, оп. 1, д. 73, л. 68, 73.

убыло 26,9% ранее эвакуированных рабочих, преимущественно харьковчан². В 1945—1946 гг. только в Сталинград для восстановления завода «Красный Октябрь» уехало более 1 тыс. рабочих г. Новокузнецка³. С 1 декабря 1945 г. по 1 сентября 1949 г. удельный вес резвакуированных рабочих на комбинате «Кузбассуголь» сократился с 2,8 до 0,4%⁴. Следовательно, резвакуация заметно повлияла на движение рабочих кадров в первые послевоенные годы.

Наряду с резвакуацией обновление рабочих коллективов происходило за счет ухода с производства людей преклонного возраста, подростков, части женщин, лиц с ограниченной трудоспособностью, мобилизованных из сельской местности. О масштабах обновления можно судить на основе следующих данных. В 1945 г. с шахт Кузбасса по различным причинам ушло более четвертой части рабочих и служащих, в 1946 г. — около трети, а в 1947 г. — 42%⁵. С предприятий машиностроения и приборостроения Сибири в 1945 г. убыло 47,7% рабочих⁶. Многие из ушедших с одного предприятия поступали на другое, но значительную часть рабочих приходилось все-таки компенсировать за счет новых контингентов.

Перед партийно-хозяйственным руководством стояла серьезная проблема довести промышленно-производственный персонал заводов, фабрик и строек до плановой численности. В середине 1946 г. на предприятиях тяжелого машиностроения Урала, Сибири и Дальнего Востока не хватало 826 тыс. рабочих⁷. Управлению Главгосстандарта было укомплектовано рабочими кадрами только на 26%⁸. Для промышленности и строительства Кемеровской области недоставало 60 тыс. чел.⁹ По мере ликвидации последствий войны положение с кадрами улучшалось, но медленно. В 1948 г. укомплектованность рабочими треста «Томлес» составляла 58,5%, а на славке — только 24,9%¹⁰. Красноярский комбайновый завод был обеспечен кадрами на 77,8%¹¹. Предстояла большая работа по привлечению недостающей рабочей силы.

Конкретизируя вторую группу причин, следует отметить, что в связи с расширением масштабов освоения природных ресурсов Сибири потребность в проектировщиках за 1945—1956 гг. увеличилась почти в 6 раз, а в геологоразведчиках — в 7 раз¹². Возникали крупные коллективы строителей. К 1960 г. на сооружении Западно-Сибирского металлургического комбината было занято свыше 7 тыс. чел. Около 30 тыс. работало в «Братскгэстрое».

Таковы главные причины изменений численности рабочего класса и их конкретные проявления в послевоенный период. Они объясняют подъемы и спады темпов роста рабочих в зависимости от конкретных обстоятельств. Динамику этого процесса характеризует табл. 1.

Из таблицы следует, что за 1945—1960 гг. численность рабочих и служащих Сибири удвоилась. В отличие от предшествующих лет наиболее активно росли ряды рабочих Восточной Сибири, где развернулось крупное промышленное строительство. Темпы роста рабочего класса Сибири и СССР в среднем были идентичны на протяжении рассматрива-

² Ц Г А Н Х СССР, ф. 7963, оп. 2, д. 212, л. 43.

³ История Кузнецкого металлургического комбината им. В. И. Ленина. М., 1973, с. 308.

⁴ Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы (1946—1950). Новосибирск, 1972, с. 66.

⁵ История Кузбасса, ч. 3. Кемерово, 1970, с. 113.

⁶ Ц Г А Н Х СССР, ф. 8123, оп. 1, д. 11, л. 90.

⁷ Там же, ф. 8243, оп. 5, д. 106, л. 44.

⁸ Там же, ф. 8243, оп. 5, д. 106, л. 44.

⁹ Там же, ф. 7637, оп. 1, д. 1627, л. 28.

¹⁰ Там же, ф. 7637, оп. 1, д. 1627, л. 28.

¹¹ История Кузбасса, ч. 3, с. 113.

¹² История Кузбасса, ч. 3, с. 113.

¹³ Ц Г А Н Х СССР, ф. 8512, оп. 1, д. 75, л. 21.

¹⁴ Ц Г А Н Х СССР, ф. 8512, оп. 1, д. 75, л. 21.

¹⁵ Там же, ф. 8471, оп. 2, д. 39, л. 183.

¹⁶ Подсчитано по данным: Ц Г А Н Х СССР, ф. 1562, оп. 15, д. 4595, л. 84, 92.

Таблица 1

Динамика численности рабочих и служащих 1945—1960 гг. (тыс. чел.)*

Регион	1945	1950	1955	1960	1960 в % к 1945
СССР	28 600	40 400	50 300	62 000	216
Сибирь	2 907	3 976	5 198	6 087	209
В том числе:					
Западная	1 935	2 494	3 318	3 941	203
Восточная	972	1 482	1 880	2 146	220
% от СССР	10,16	9,84	10,33	9,81	—

* Таблица составлена по данным: Ц Г А Н Х СССР, ф. 1562, оп. 15, л. 4595, л. 84, 92; Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1968, с. 22; Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. М., 1957, с. 35, 38.

емого периода, но внутри его наблюдалась заметная дифференциация. Если в годы четвертой пятилетки количество рабочих и служащих СССР увеличилось на 41,2%, то в Сибири — только на 36,7%. За то же время удельный вес сибирского региона в общесоюзной численности рабочих и служащих снизился на 0,32%, что объяснялось, с одной стороны, реэвакуацией на запад некоторых категорий трудящихся, с другой стороны, резким возрастанием количества рабочих на восстановлении районов, пострадавших от фашистской оккупации. Произошел своего рода перелив рабочей силы, сбалансировавший диспропорцию военного времени.

В пятой пятилетке темпы роста рабочих и служащих Сибири (30,37%) снова превысили общесоюзные (24,50%). На 0,49% выросла ее доля в масштабе страны. За 1955—1960 гг. контингент рабочих и служащих Сибири увеличился на 17,10%, СССР — на 23,26%. Удельный вес Сибири в общесоюзных показателях снизился на 0,52%. Новое падение объяснилось, с одной стороны, общей тенденцией сокращения темпов роста численности рабочих в связи с научно-технической революцией, тем более в Сибири осуществился переход к энергоемким производствам, требующим много энергии и относительно мало работников, с другой стороны, сказалось отставание темпов роста сибирской промышленности от среднесоюзного уровня, а также некоторые просчеты в кадровой политике, что вело в ряде случаев к оттоку рабочей силы.

Наиболее быстрыми темпами в связи с расширением масштабов освоения региона росли ряды строителей. За 1945—1960 гг. их численность увеличилась почти в 5 раз. Особенно активно количество строителей росло в годы четвертой и шестой пятилеток¹³. В четвертой пятилетке это объяснялось послевоенным восстановлением, в шестой — развертыванием современного крупного промышленного строительства. На втором месте по темпам роста стояли промышленные рабочие и транспортники. Численность того и другого отряда за рассматриваемый период увеличилась в 2 раза¹⁴. Менее быстро росли ряды сельскохозяйственных рабочих, работников жилищно-коммунального хозяйства (1,7 раза), торговли, общественного питания, материально-технического снабжения (1,5 раза)¹⁵. Такое положение можно объяснить относительно медленным внедрением механизации на селе, слабым развитием сферы обслуживания. Характерно, что численность рабочих и служащих МТС росла скачками. Первый скачок произошел в годы послевоенной пятилетки, когда персонал МТС вырос в 1,7 раза. Затем несколько лет он находился на одном уровне. Второй скачок совершился в 1954 г. За один год количество рабочих и служащих МТС увеличилось в 4,5 раза, что было связа-

Таблица 2
Распределение рабочих и служащих Сибири по отраслям народного хозяйства 1945—1960 гг., % *

	1945	1950	1955	1960
Промышленность	33,8	33,3	30,9	33,2
Строительство	3,8	6,1	7,1	9,3
Сельское хозяйство	15,9	13,6	19,5	14,0
Лесное хозяйство	0,3	0,7	0,7	0,5
Транспорт	12,9	13,6	12,8	11,7
В том числе:				
Железнодорожный	6,5	5,8	5,2	4,7
Водный	1,0	0,9	1,0	0,6
Автомобильный, городской электрический, прочий транспорт, погрузо-разгрузочные работы	5,4	6,9	6,6	6,4
Торговля, общественное питание, заготовки и материально-техническое снабжение	10,0	9,7	7,8	7,6
Жилищное и коммунальное хозяйство	3,1	2,8	2,5	2,8
Артели промыслов	4,1	2,6	2,2	—
Прочие отрасли	16,1	17,6	16,5	20,9

* Таблица составлена по данным: Ц Г А Н Х СССР, ф. 1562, оп. 15, л. 4595, л. 84, 92.

но с передачей им механизаторских кадров из колхозов. В дальнейшем вплоть до реорганизации МТС в 1958 г. количество кадров оставалось относительно стабильным в пределах 0,5 млн. чел.¹⁶

При всех изменениях в численности персонала различных отраслей народного хозяйства их удельный вес в общем контингенте рабочих и служащих Сибири оставался относительно стабильным, о чем свидетельствует табл. 2. На первом месте, составляя традиционную треть, находились кадры промышленности, на втором — сельского хозяйства, на третьем — транспорта. Правда, в связи с реорганизацией в сельском хозяйстве доля рабочих и служащих этой отрасли неоднократно колебалась, но в итоге осталась на среднемноголетнем уровне. Резко возрос (по названным причинам) удельный вес строителей. Отмечалась тенденция неуклонного снижения доли членов артелей промыслов до тех пор, пока они не вошли полностью в рабочий класс.

Динамика численности рабочего класса носила противоречивый характер. В первые послевоенные годы количество рабочих на одних предприятиях сокращалось, на других — быстро росло. Сокращение касалось прежде всего тех производств, которые раньше активно работали на нужды обороны. В течение 1946 г. численность рабочих Кузнецкого металлургического комбината уменьшилась на 13,0%, ферросплавного завода — на 10,3%¹⁷. Штат треста Главсибрыбпром за то же время сократился на 21,0%¹⁸. Характерно, что он оставался на этом уровне до 1950 г.¹⁹ Такое положение можно объяснить интенсивным ловом в трудное военное время и попытками обеспечить воспроизводство рыбного стада в послевоенные годы.

Быстрый рост рабочих наблюдался прежде всего в угольной и лесной промышленности в результате их интенсивного развития в послевоенный период. За годы четвертой пятилетки численность рабочих по добыче угля в Сибири увеличилась на 26,8%, а в Восточной Сибири — да-

¹⁶ Ц Г А Н Х СССР, ф. 1562, оп. 1, л. 4595, л. 84, 92.

¹⁷ Там же, ф. 8875, оп. 46, л. 154, л. 2.

¹⁸ Там же, ф. 9243, оп. 46, л. 154, л. 21.

¹⁹ Там же, ф. 8202, оп. 2, л. 958, л. 59.

¹³ Подсчитано по данным: Ц Г А Н Х СССР, ф. 1562, оп. 1, л. 4595, л. 84, 92.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ц Г А Н Х СССР, ф. 1562, оп. 1, л. 4595, л. 84, 92.

же на 61,4%. В последующее десятилетие темп роста в среднем по Сибири составил 36,5%. На этот раз увеличение шло за счет Западной Сибири (49,7%). В этих колебаниях сказались особенности развития топливной базы региона. В первые послевоенные годы были предприняты значительные меры по развитию угольных бассейнов Иркутской области и Красноярского края. Затем вновь сосредоточилось внимание на коксуемых углях Кузбасса, которые стали активно вывозиться в европейские районы страны. В 1960 г. в Сибири насчитывалось 151,3 тыс. шахтеров, т. е. 15,2% их общего количества в СССР²⁰.

Еще более высокими темпами росла численность рабочих лесной промышленности. За 1946—1955 гг. коллектив треста Главзапсиблеспром вырос в 3,6 раза и достиг 94,3 тыс. чел.²¹ Численность рабочих треста Главвостсиблеспром только за годы пятой пятилетки увеличилась в 1,3 раза и составила 45,1 тыс. чел.²² В целом по Сибири за 1946—1958 гг. количество рабочих в лесной и деревообрабатывающей промышленности выросло в 2 раза и достигло 373,3 тыс. чел. На их долю приходилось 21,5% рабочих промышленности²³. Такие высокие темпы объяснялись, с одной стороны, интенсивным развитием важной отрасли сибирской промышленности, с другой — низким уровнем ее механизации.

Быстро росла численность рабочих химической промышленности. В Кемеровской области за 1946—1960 гг. она увеличилась в 5 раз²⁴. Здесь темпы роста были значительно выше, чем по стране в целом. За 1950—1960 гг. количество химиков в Кузбассе увеличилось в 2,6 раза, тогда как в СССР — только в 1,7 раза²⁵. Удельный вес рабочих-химиков в Кемеровской области к 1960 г. достиг 4,5%²⁶. Аналогичное положение было в Алтайском крае и Иркутской области. В целом по Сибири численность химиков в 1946—1958 гг. увеличилась вдвое и достигла почти 50 тыс. чел.²⁷

Высокими темпами росла численность энергетиков. В рассматриваемый период она увеличилась в 3 раза. Наиболее активно этот процесс шел в 50-е годы, когда вводились в строй новые мощные электростанции. В 1958 г. на электростанциях Сибири трудилось 42 тыс. рабочих. Удельный вес энергетиков в общей численности рабочих промышленности вырос с 1,3% в 1946 г. до 2,4% в 1958 г.²⁸

Менее интенсивно росли коллективы ранее сложившихся отраслей промышленности. В черной металлургии рост численности рабочих за тот же период составил 78%, в машиностроении и металлообработке — 45%. Удельный вес машиностроителей среди рабочих промышленности сократился с 32,4% до 30%, а металлургов поднялся с 2,8 до 2,9%. Армия машиностроителей достигла 486,9 тыс. чел., металлургов — 51,2 тыс. чел.²⁹

²⁰ Подсчитано по данным: ЦГАНХ СССР, ф. 8225, оп. 1, д. 2606, л. 16—22; Угольная промышленность СССР за 50 лет. Статистический справочник. М., 1968, с. 28, 647, 658, 666, 674.

²¹ Подсчитано по данным: ЦГАНХ СССР, ф. 7637, оп. 1, д. 2457, л. 74; д. 2862, л. 23.

²² Там же, д. 2615, л. 67; д. 2918, л. 58.

²³ Подсчитано по данным: ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 318, д. 8, л. 109—138; оп. 322, д. 86, л. 113—142; ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 30, д. 5939, л. 1—4, 41—44; оп. 31, д. 470, л. 53—56; д. 472, л. 1—4.

²⁴ ГАКО, ф. 307, оп. 2, д. 220, л. 123; ф. 901, оп. 3, д. 158, л. 38—39.

²⁵ Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1968, с. 84—85; ГАКО, ф. 307, оп. 18, д. 7, л. 36; ф. 901, оп. 3, д. 158, л. 38—39.

²⁶ Кемеровская область в цифрах. Статистический сборник. Новосибирск, 1966, с. 28.

²⁷ Подсчитано по данным: ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 318, д. 8, л. 109—138; оп. 322, д. 113—142; ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 30, д. 5939, л. 1—4, 41—44; оп. 31, д. 470, л. 53—56; д. 472, л. 1—4.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

Медленно увеличивалась численность труженников легкой и пищевой промышленности. Количество рабочих текстильной промышленности выросло на 17%, пищевой — на 32%, а кожевенной, меховой и обувной — сократилось на 33,2%. При этом отряд рабочих пищевой промышленности занимал относительно высокий удельный вес в общей численности промышленных рабочих — 9,4%³⁰.

Стремительно росла численность строителей. В годы первой послевоенной пятилетки она увеличилась в 2,2 раза, а за весь рассматриваемый период — в 4,8 раза. К 1960 г. в строительных организациях региона трудилось 539,7 тыс. рабочих и служащих. Наиболее крупные строительные коллективы сложились в Кемеровской области (106 тыс. чел.), Красноярском крае (93 тыс. чел.), Иркутской области (78 тыс. чел.)³¹. Значительная часть строителей была занята сооружением энергетических объектов. Количество энергостроителей в 1950—1959 гг. увеличилось в 6 раз и достигло 54,4 тыс. чел.³². Быстро умножались и ряды рабочих по производству строительных материалов. Их численность за 1946—1958 гг. увеличилась в 4,1 раза, а удельный вес в общем контингенте рабочих промышленности поднялся с 2,4 до 5,8%³³.

Вместе с увеличением общей численности рабочих различных отраслей промышленности росли коллективы отдельных предприятий. К концу 50-х годов более 30 тыс. рабочих числилось на Кузнецком металлургическом комбинате, свыше 10 тыс. — на Алтайском тракторном заводе, от 3 до 5 тыс. работало на Иркутском заводе им. Куйбышева и некоторых других машиностроительных предприятиях, а также шахтах Кузбасса³⁴.

Таблица 3

Концентрация рабочих в промышленности Сибири 1946—1958 гг. (в среднем на одно предприятие)*

Отрасли	1946	1950	1955	1958	1958 г. к 1946 г. %
Вся промышленность	9,5	12,4	19,6	23,1	243,2
В том числе:					
Электростанции	19,3	6,9	5,7	4,1	21,2
Топливная	464,5	532,1	662,1	752,9	162,1
Лесоразработки и деревообработка	7,0	10,6	13,6	17,7	252,9
Химическая и горнохимическая	17,0	13,2	47,4	97,7	574,7
Производство строительных материалов	10,3	11,1	15,5	25,9	251,5
Черная металлургия	2873,5	2279,0	2901,7	2133,7	74,3
Цветная металлургия	415,4	888,8	1220,4	1629,1	392,2
Машиностроение и металлообработка	11,9	14,8	29,6	32,8	275,6
Текстильная	5,5	6,2	24,8	31,2	567,3
Швейная	17,7	24,1	41,4	48,8	275,7
Кожевенная, меховая, обувная	4,7	4,0	7,6	8,6	183,0
Пищевая	4,5	5,2	7,3	10,0	222,2

* Таблица составлена по данным: ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 318, д. 8, л. 109—138; оп. 322, д. 86, л. 113—142; ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 30, д. 5939, л. 1—4, 41—44; оп. 31, д. 470, л. 53—56, д. 472, л. 1—4.

³⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 318, д. 8, л. 109—138; оп. 322, д. 113—142; ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 30, д. 5939, л. 1—4, 41—44; оп. 31, д. 470, л. 53—56; д. 472, л. 1—4.

³¹ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 15, д. 4595, л. 84, 92.

³² Алексеев В. В. Начало формирования Сибирского отряда энергостроителей (1950—1959 гг.). — В кн.: Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1977, с. 147.

³³ Подсчитано по данным: ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 318, д. 8, л. 109—138; оп. 322, д. 86, л. 113—142; ЦГА РСФСР, ф. 374, оп. 30, д. 5939, л. 1—4, 41—44; ф. 374, оп. 31, д. 470, л. 53—56; д. 472, л. 1—4.

³⁴ Металлургия Кузбасса, ч. 1. Кемерово, 1975, с. 169; ЦГАНХ СССР, ф. 7963, оп. 2, д. 620, л. 34.

Однако оставалось еще много мелких предприятий с числом рабочих от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

Изменение концентрации рабочих в послевоенный период можно проследить по данным табл. 3. Она свидетельствует, что уровень концентрации в целом по промышленности Сибири поднялся почти в 2,5 раза, а в некоторых отраслях, например химической, текстильной, цветной металлургии, еще выше. Наибольшая концентрация наблюдалась в топливной промышленности, черной и цветной металлургии, т. е. в тех отраслях, которые составляли ядро сибирской индустрии и относились к общесоюзной специализации. В основе роста концентрации лежал технический прогресс, который вел к интенсификации использования сибирских ресурсов и укрупнению предприятий. Вместе с тем в отдельных отраслях концентрация росла медленно, а в некоторых, в частности в электроэнергетике, даже падала. Такое явление объяснялось резким ростом числа электростанций. Технический прогресс увеличивал спрос на электроэнергию, а его удовлетворение осуществлялось за счет строительства ведомственных электростанций. В дальнейшем с созданием (в 60-е годы) объединенной энергетической системы центральной Сибири положение принципиально изменилось. Тем же ведомственным подходом определялся относительно низкий уровень концентрации рабочих машиностроения и металлообработки. Это было связано с наличием большого количества мелких ремонтных предприятий, которые в 1958 г. имели в среднем по 9,6 рабочих, тогда как машиностроительные заводы — по 494,1 рабочих. Вообще уровень централизации снижался главным образом за счет мелкой промышленности. В ней в среднем на одно предприятие приходилось 3,5 рабочих, в то время как в крупной — 89,7 рабочих. Еще более разительно отличие наблюдалось в конкретных отраслях. Если на лесоразработках крупной промышленности концентрация составляла 182,3 рабочих, то в мелкой промышленности — 3,6 чел.³⁵

Таким образом, в послевоенные годы существенно выросла численность рабочего класса Сибири, что явилось следствием развития ее производительных сил. Однако темпы этого роста были неодинаковы на протяжении рассматриваемого периода. Они заметно снизились в 50-е годы, что объяснялось развертыванием научно-технической революции в целом и техническим совершенствованием сибирской индустрии в частности. Падение темпов роста численности рабочих касалось главным образом старых сложившихся отраслей промышленности. В новых прогрессивных отраслях, таких как электроэнергетическая, химическая и др., численность рабочих коллективов, наоборот, быстро росла. Характерным явлением в условиях интенсивного индустриального освоения был рост концентрации рабочих на крупных промышленных предприятиях, но этот процесс отставал от общесоюзных темпов.

*Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск*

И. М. САВИЦКИЙ

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ
ПОДГОТОВКА РАБОЧИХ
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СИБИРИ
(1946—1960 гг.)

После Великой Отечественной войны КПСС наметила грандиозную программу восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны. Для успешной реализации этой программы нужно было укрепить постоянными кадрами рабочих предприятия всех отраслей народного хозяйства, увеличить их численность и улучшить подготовку не только в учебных заведениях трудовых резервов, но и на производстве. Это объяснялось прежде всего тем, что за период войны состав рабочих кадров резко изменился. В народном хозяйстве Сибири уменьшилось количество рабочих с довоенным стажем. Так, в угольной промышленности Кузбасса в начале 1946 г. рабочие, трудившиеся до войны, составляли 21,8%, припавшие по оргнабору — 12,8, окончившие ремесленные училища и школы ФЗО — 4,0, мобилизованные и эвакуированные — 25,8, другие — 35,8%¹. На Кузнецкий металлургический комбинат за годы войны пришло около 70% новых рабочих, и только 30% имели довоенный стаж трудовой деятельности².

Если во время войны предприятия специализировались на узком профиле выпускаемой продукции и это обеспечивало высокую производительность труда, то после войны расширилась номенклатура изделий, освоение которой наряду с совершенствованием технологических процессов потребовало более высокой профессиональной подготовки значительных контингентов рабочих за годы послевоенных пятилеток являлось строительство большого количества новых, расширение и реконструкция действующих предприятий. Без соответствующих профессионально-технических знаний, подъема культурно-технического уровня рабочих нельзя было успешно внедрять в производство новую технику, передовую технологию и повышать производительность труда. Поэтому партия и правительство придавали большое значение подготовке и повышению квалификации рабочих непосредственно на производстве.

В первые послевоенные годы была восстановлена последовательная система профессионально-технического обучения рабочих на предприятиях. Подготовка новых рабочих осуществлялась по профессиям, в которых не удовлетворялась выпускниками учебных заведений трудовых резервов и обучение которым в основном не требовало

¹ Из истории рабочего класса в Кузбассе (1917—1963 гг.), вып. 1. Кемерово, 1965, с. 103.

² Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы. 1946—1950. Новосибирск, 1972, с. 77.

³⁵ Подсчитано по тем же данным, что и табл. 3.

Формы подготовки новых рабочих

1946—1950 гг.

Регион	Всего подготовлено рабочих и др. работников массов. професс.	в том числе:			Обучено в школах ФЗУ и типа школ ФЗУ	Всего обучено на производстве рабочих в постоянн. действ. школах и курсах
		путем индивидуальн. бригад. обучен.	путем курсового обучения	из них с отрывом от производства		
Западная Сибирь	866,8	420,5	446,3	238,2	14,1	849,3
Восточная Сибирь	396,8	198,6	198,2	94,3	14,5	479,4
Сибирь в целом	1263,6	619,1	644,5	332,5	28,6	1328,7

* Подсчитано автором по архивным материалам ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 15, л. 2112, л. 2874, л. 19—20; д. 3040, л. 32—33; 49—50; д. 3667, л. 46—47; д. 3891, л. 47—48; д. 4750, л. 23—

длительных сроков. На производстве во второй половине 40-х и в 50-е годы подготавливалось в 3,5—4,5 раза больше рабочих, чем в училищах и школах трудовых резервов.

Основными формами обучения рабочих являлись индивидуальное и бригадное обучение, школы и курсы с отрывом и без отрыва от производства. Эти формы подготовки новых рабочих сложились еще в довоенные годы, однако значительные качественные изменения произошли в послевоенный период.

Индивидуальное производственное обучение рабочих являлось начальной ступенью их профессионально-технической подготовки на предприятиях. Организовывалось оно для подготовки новых кадров первого тарифного разряда. Лицам, добившимся отличных успехов в обучении, присваивался второй разряд. При помощи этой формы обучения можно было подготавливать рабочих по разным, в том числе сугубо специальным для данного предприятия, профессиям и в таком количестве, которое необходимо для производства. Сущность этой формы подготовки состоит в том, что один — два ученика прикреплялись к опытному производственному для освоения практических навыков и приемов труда. Обучение осуществлялось непосредственно на рабочих местах. Для изучения теоретических вопросов организовывались группы в составе не менее десяти человек или проводились индивидуальные консультации. Группы комплектовались рабочими родственными специальностями.

Подготовка рабочих на производстве не связывалась определенными сроками обучения, а стало быть, и периодичностью их выпуска. Число обучающихся определялось потребностями предприятий. Программа индивидуального производственного обучения планировалась с учетом общеобразовательных и профессиональных знаний новых рабочих. По мере поступления нового оборудования и усложнения технологии производства совершенствовалось теоретическое обучение. Индивидуальная форма подготовки рабочих была распространена во всех отраслях народного хозяйства и особенно в промышленности.

Отчеты по профессионально-технической подготовке рабочих и других работников массовых профессий по областям, краям и автономным республикам Сибири позволяют проследить изменения, которые происходили в формах их обучения на предприятиях и в учреждениях (табл. 1). За годы четвертой и пятой пятилеток путем индивидуального обучения подготавливалось от 45,6 до 50,7% всех рабочих. Эта форма широко

на предприятиях Сибири (тыс. чел.)

Таблица 1

1951—1955 гг.								1956—1959 гг.				
в том числе:								в том числе:				
путем индивидуального обучения	путем бригадного обучения	на курсах без отрыва от производства	на курсах с отрывом от производ.	в постоянно действ. школах и на курсах		Обучено в школах ФЗО и типа школ ФЗО	Всего подготовлено рабочих масс. профес.	обучено с отрывом от производства		обучено в школах ФЗО и типа школ ФЗО		
				без отрыва от произв.	с отрывом от произв.			ночн.	%			
330,8	115,8	148,8	114,3	6,3	133,5	13,9	811,6	176,0	21,7	19,00		
199,4	83,1	61,6	62,6	5,4	67,5	7,2	533,2	114,1	21,4	11,7		
530,2	198,9	210,4	76,9	11,7	200,8	21,1	1344,7	290,1	21,6	30,7		

12—13; л. 2444, л. 19—20; д. 2656, л. 35—36; д. 3213, л. 29—30; 3374, л. 36—37; д. 3552, л. 24; д. 5013, л. 11—12; д. 5163, л. 31—32; д. 5956, л. 45—46.

использовалась на предприятиях машиностроения и металлообработки, особенно в годы четвертой пятилетки, когда менялся производственный профиль предприятий и осваивались новые виды продукции, а также в добывающих отраслях. В Западной Сибири, где значительный удельный вес занимает машиностроение и металлообработка, путем индивидуального обучения подготавливалось до 53% обученных на производстве рабочих, а в Восточной Сибири — до 47%.

В течение 1950 г. путем индивидуального обучения в Сибири подготавливалось на производстве 49,1% новых рабочих, на предприятиях промышленности — 59,1 (в том числе тяжелой — 54,6% легкой — 67,9%), строительства — 34,6, местной промышленности — 92,1, промысловой кооперации — 95,4%. Из всех отраслей тяжелой промышленности наибольшее количество, или 73,1%, новых рабочих подготавливалось на металлургических предприятиях, 59,1% — химических, 80,3% — промышленно-строительных материалов, 85,3% — машиностроения. Во всех отраслях легкой и пищевой промышленности больше всего, или 87,0%, новых рабочих подготавливалось путем индивидуального обучения на предприятиях легкой промышленности и 73,8% — рыбной промышленности.

Рассмотрение этих данных в областном разрезе позволяет сделать вывод, что на предприятиях машиностроения путем индивидуального обучения подготавливалось большинство рабочих. Так, например, в Омской области 93,1% всех новых рабочих, Новосибирской — 86,2, Алтайского края — 86,9, Красноярского — 91,0 и Иркутской области — 88,0%. Почти такое же положение было в легкой промышленности. На ее предприятиях Омской области подготавливалось 88,0% новых рабочих, Новосибирской области — 84,6, Алтайского края — 92,2, Иркутской области — 86,5%. Этим путем подготавливалось значительное количество новых рабочих для железнодорожного транспорта, промышленности строительных материалов, пищевой и мясомолочной промышленности.

Из экономических районов Сибири в большей степени индивидуальное обучение рабочих использовалось в Омской, Томской, Новосибирской, Иркутской областях, Бурятской и Якутской автономных республиках.

³ Здесь и далее данные за 1950 г. подсчитаны автором по материалам ЦГАНХ РСФСР, ф. 374, оп. 3, л. 3249, л. 101—109; д. 3244, л. 1—9, 41—49; д. 3252, л. 1—9, 21—29, 60—68; д. 3246, л. 102—110; д. 3247, л. 61—69; д. 3248, л. 43—51; д. 3243, л. 100—108; д. 3250, л. 1—9; д. 3253, л. 21—29; д. 3242, л. 21—29.

Но наибольшие контингенты новых рабочих подготавливались в Омской, Новосибирской, Кемеровской, Иркутской областях, в Алтайском и Красноярском краях.

Важной формой подготовки новых рабочих являлось бригадное обучение, которое по своему содержанию не имеет существенных отличий от индивидуального обучения. Впервые эти формы были раздельно определены в государственном народнохозяйственном плане на 1950 г. Они отличаются, главным образом, организацией занятий.

Бригадная или индивидуальная форма обучения рабочих определялась в зависимости от производственной необходимости. В условиях бригадной формы новые рабочие направлялись в производственные бригады или создавались специальные ученические бригады, бригадир которых являлся одновременно и руководителем производственного обучения. Наиболее широкое распространение ученические бригады получили в строительстве. Группы учеников в количестве 3—5 чел. направлялись в производственную бригаду, и все ее члены помогали молодым рабочим получать производственную квалификацию.

По данным 1950 г., путем бригадного обучения в Сибири подготавливалось 13,0% новых рабочих. Однако на предприятиях ряда отраслей промышленности такое обучение занимало более значительное место, а в некоторых отраслях было преобладающим. Так, в металлургической промышленности путем бригадного обучения было подготовлено 15,4%, угольной — 15,8, энергетической — 53,4, химической — 34,0, лесной и бумажной — 43,4, во всех отраслях тяжелой промышленности — 21,4 и легкой — 13,6%, а на предприятиях строительства — 61,3% подготовленных рабочих. Высокий процент новых рабочих, подготовленных по этой форме обучения, был в областях с высоко развитой лесной и бумажной промышленностью. Так, в Тюменской области он составлял 29,6%, Томской — 29,7, Иркутской — 68,6 и Красноярском крае — 52,3%.

В связи с развертыванием в Сибири строительства новых предприятий и развитием всех отраслей народного хозяйства удельный вес бригадной формы обучения рабочих постоянно повышался. Если в 1949 г. на предприятиях Сибири в бригадах подготавливалось 15,7%, то в 1956 г. — 25,0% рабочих. Причем на предприятиях Восточной Сибири эта форма обучения занимала более значительное место, чем Западной. Так, в 1949 г. на предприятиях Западной Сибири было подготовлено 14,5, Восточной Сибири — 17,9% рабочих, а в 1956 г. соответственно — 23,0 и 27,9%. За годы пятой пятилетки форму бригадного обучения прошли в Красноярском крае 37,7 тыс., Алтайском крае — 23,1 тыс., Кемеровской области — 36,3 тыс. и Новосибирской области — 22,2 тыс. рабочих. На предприятиях Западной Сибири было подготовлено 115,8 тыс., Восточной Сибири — 83,1 тыс. и в целом по Сибири — 198,9 тыс. новых рабочих.

Индивидуальная и бригадная формы подготовки кадров сложились в основном в условиях частичной механизации производственных процессов, когда рабочим было достаточно профессиональных знаний в объеме технического минимума. Эти формы подготовки были самыми распространенными в годы четвертой и пятой пятилеток. С их помощью на предприятиях Сибири овладели профессиями до 70% обученных малоквалифицированные рабочие.

Все более широкое распространение на предприятиях получало курсовое производственно-техническое обучение рабочих без отрыва и с отрывом от производства. Курсовое обучение по сравнению с индивидуально-бригадным являлось более совершенной формой подготовки рабочих на производстве. При курсовом методе, молодые рабочие зачислялись в учебные группы, постоянные по составу и однородные по профессии, в количестве 10—30 чел. Производственное и теоретическое обучение на

курсах проводилось в соответствии с программой. На курсах осуществлялась подготовка новых рабочих по более сложным профессиям, для овладения которыми требовались значительные теоретические знания (шоферы, бульдозеристы, аппаратчики, наладчики, машинисты дизельных машин и др.). На этих курсах обучался младший и средний руководящий состав.

По данным 1950 г., на различного рода курсах предприятий Сибири было подготовлено 37,9% новых рабочих. На предприятиях тяжелой промышленности путем этой формы обучения подготавливалось 24,0%, легкой промышленности — 18,5%. По более значительное количество, или 45,7%, рабочих подготавливалось в мясной, молочной промышленности и преобладающее, или 57,1%, вновь подготовленных рабочих — в угольной промышленности. В областях, характеризовавшихся высоким уровнем развития этих отраслей промышленности, в курсовой системе подготовки кадров был обучен еще больший процент рабочих. Так, на предприятиях угольной промышленности Кузбасса на курсах было подготовлено 58,7%, а на предприятиях мясокомбинатной промышленности Курганской области — 65,4%, Омской — 59,1, Новосибирской — 53,8 и Бурятской АССР — 48,8% всех подготовленных рабочих.

Самые крупные контингенты новых рабочих, обученных по курсовой системе, подготавливались в районах Сибири с быстро развивающейся промышленностью, строительством, транспортом и другими отраслями народного хозяйства. В годы четвертой пятилетки на предприятиях Омской области было подготовлено 75,9 тыс., Новосибирской — 90,0 тыс., Кемеровской — 79,5 тыс., Иркутской — 61,6 тыс., в Алтайском крае — 90,8 тыс. и Красноярском крае — 85,3 тыс. рабочих. В целом по всем районам Западной Сибири было подготовлено 446,3 тыс., Восточной Сибири — 198,2 тыс. и в целом по Сибири — 644,5 тыс. рабочих. Это несколько больше, чем при индивидуальной и бригадной формах обучения. В годы пятой пятилетки в курсовой системе Западной Сибири было подготовлено 402,7 тыс., Восточной Сибири — 197,1 тыс. и в целом по Сибири — 599,8 тыс. рабочих.

На курсах занимались в основном рабочие без отрыва от производства, но часто организовывались и успешно действовали курсы и школы с отрывом от производства для подготовки рабочих ряда предприятий одной отрасли. Если в первые послевоенные годы в курсовой системе готовились в основном рабочие по более сложным профессиям, то в 50-е годы курсовую систему с отрывом и без отрыва от производства проходили рабочие, которые должны были осваивать более сложную технику и новые виды промышленной продукции. В годы четвертой пятилетки более четвертой части всех подготовленных рабочих обучалось с отрывом от производства. Если в Западной Сибири — 27,3%, в Восточной Сибири — 23,8 и Сибири в целом — 26,2% новых рабочих подготавливалось с отрывом от производства, то в Курганской области — 59,7%, Тюменской — 38,7, Омской — 29,4, Иркутской — 30,0, Алтайском крае — 28,4, Бурятской АССР — 38,4, Якутской АССР — 35,0 и Тувинской АССР — 30,5%.

Курсовая система получила дальнейшее развитие в 50-е годы. На ряде крупных предприятий были открыты постоянно действующие школы и курсы, в которых обучались рабочие с отрывом и без отрыва от производства. На этих курсах и в школах с отрывом и без отрыва от производства в Западной Сибири обучалось 16,5%, в Восточной — 15,2, в Сибири — 16,0% всего подготовленных рабочих. Однако в ряде районов этот процент был более высоким. Так, в Тюменской области он составлял 23,6%, Курганской — 20,1, Омской — 20,2, Алтайском крае — 19,6 и Бурятской АССР — 21,6%. В 1956—1959 гг., несмотря на некоторое снижение, удельный вес обученных рабочих с отрывом от производства со-

В. Е. МЕДВЕДЕВ

КОРСАКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИАМУРЬЕ

Одним из наиболее интересных периодов в истории тунгусоязычного населения Дальнего Востока, а также его тюркоязычных и монголоязычных соседей, палеоазиатов, жителей Кореи и Китая (по крайней мере, их северных районов) считается период становления и развития чжурчжэней или амурских тунгусов, как их называл Н. Я. Бичурин¹. Основавшие в начале XII в. свое самобытное государство Цзинь (Великую Золотую империю), которое охватывало обширную территорию от Амура на севере до Хуайхэ на юге, от монгольских степей на западе до тихоокеанского побережья на востоке, чжурчжэни вовлекли в орбиту своего влияния разноязычные и разнокультурные этносы и оставили глубокий след в истории, в особенности истории Восточной и Центральной Азии. Не удивительно поэтому, что именно эта эпоха государственности, этому хотя и очень важному, но все же сравнительно небольшому отрезку времени (начало XII в. — 1234 г.) принадлежит подавляющее большинство письменных документов о чжурчжэнях. Ряд отечественных и зарубежных исследований по истории и культуре чжурчжэней строится на переводах летописных источников и часто не выходят за хронологические рамки государства Цзинь. В том же ключе в основном ведутся работы приморских археологов, датирующих раскапываемые ими городища чжурчжэньской культуры почти неизменно XII — первой третью XIII вв.² и лишь в редких случаях XI в. Предшествующие же этому времени три последних столетия I тысячелетия н. э. ими связываются с бохайской культурой³, т. е. с культурой этнически пестрого населения, входившего в состав государства Бохай. Бохайское государство, объединявшее разнородные этнические организмы, и в первую очередь тунгусоязычные, наряду с другими землями контролировало часть территории Приморья, где так же, как и севернее в Приамурье, обитали племена чжурчжэней.

Покалуй, вряд ли можно сомневаться в том, что чжурчжэни, обладавшие уже в начале XII в. развитой государственностью, имели многовековой опыт и традиции как в социально-экономической, так и в культурно-политической жизни. Они не смогли бы создать могущественное государство с оригинальной системой административного управления,

¹ См. Кюпер Н. В. Китай и Приамурье. — Архив Ленинград. отд-ния ин-та этнографии, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 171а, с. 28.

² Шавкунов Э. В. О периодизации и классификации средневековых памятников Приморья. — В кн.: Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968, с. 189.

³ Шавкунов Э. В. Указ. соч. См. также Семенченко Л. Е. К вопросу об этнокультурных связях мохэ-бохайцев. — В кн.: Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976, с. 88—98.

совершенной по тем временам военной организацией, экономикой, и культурой, не пройдя длительного пути социально-экономического и культурного развития. И в этом нас убеждают летописные свидетельства, в которых чжурчжэни упоминаются уже в VI в., а к рубежу VI и VII вв. на основе аналогичных документов исследователи относят начало сложения их как народности⁴. Однако на протяжении по крайней мере четырех столетий этноним чжурчжэни встречается в династических хрониках вместе с этнонимом хэйшуй мохэ и лишь в первой половине XI в. чжурчжэни полностью вытесняют хэйшуй мохэ на страницах летописей⁵. Безусловно, в решении увлекательной и в то же время принципиально важной научной проблемы ранней истории чжурчжэней и в особенности культурно-хронологического соотношения их культуры с культурой мохэ, как, впрочем, и других неоднозначно трактуемых, а порой откровенно противоречивых китайских летописных свидетельств, решающую роль играют археологические данные. Об этой проблеме соотношения мохэской и чжурчжэньской культур с учетом опубликованных исследований как по той, так и по другой культуре, а также с учетом еще неопубликованных результатов работ по раннечжурчжэньским памятникам последних веков I тысячелетия, можно предварительно сказать следующее.

Археологические источники подтверждают догадки, основанные на письменных свидетельствах, о том, что уже в третьей четверти I тысячелетия параллельно с мохэ проходили стадии становления чжурчжэни. Здесь следует пояснить. Автор данной публикации придерживается понимания этнонима мохэ как собирательного названия «очень многих племен», по выражению Н. В. Кюпера⁶, а точнее, групп племен (таких как хэйшуй мохэ, сумо мохэ, шивэй мохэ), представлявших собой этнически пестрое политическое объединение, называвшееся по сложившейся издавна в Центральной и Восточной Азии традиции именем наиболее сильного племени или союза племен. Поэтому «неудивительно, — как писал С. М. Широкогоров, — что многие из племен, находившихся под властью мохэ, не имели никакого отношения к племени, ответственному за существование этого названия»⁷.

Подобное явление характерно и для чжурчжэней, находившихся до VI—VII вв., судя по имеющимся данным, в полной зависимости у мохэ, и поэтому не упоминавшихся до периода наивысшего подъема в исторических хрониках. После освобождения (вряд ли это было мирное отделение) из-под влияния мохэ чжурчжэни самостоятельно политически активизировались, что и нашло отражение, хотя и в скупом объеме, в летописях. Но на протяжении примерно четырех веков наряду с чжурчжэнями приводятся (чем позже, тем реже) сведения о мохэ или же иногда по традиции чжурчжэней именуют хэйшуй мохэ⁸. Тот факт, что рядом с названием «чжурчжэни» в письменных документах ставятся в основном именно «хэйшуй мохэ», а затем этот этноним безвозвратно исчезает и остается лишь наименование «чжурчжэни», позволяет говорить о хэйшуй мохэ и чжурчжэнях как об этнически близко родственных общностях, обитавших на соседних землях. За эти земли, вероятно, следует принимать главным образом бассейн Амура ниже устья Сунгари, поскольку именно эта часть великой реки называлась Хэйшуй (Черная вода или река). Примечательно, что все наиболее интересные исследо-

⁴ Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1975, с. 30.

⁵ Воробьев М. В. Указ. соч.

⁶ Кюпер Н. В. История и древности Приамурья. — Архив ЛОИЭ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 233, с. 85.

⁷ Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов. — Архив ЛОИЭ, ф. к-2, оп. 1, ед. хр. 166 (папка 3), с. 883.

⁸ Воробьев М. В. Указ. соч., с. 32.

ванные археологические памятники, определяющие «лицо» чжурчжэньской культуры Приамурья, локализуются на отрезке среднего течения Амура ниже устья Сунгари, а также на протяжении приблизительно 300 км ниже устья Уссури, т. е. нижней части реки.

К настоящему времени наиболее изученной категорией памятников чжурчжэньской культуры Приамурья следует считать грунтовые могильники (курганные могильники тоже раскапывались, но гораздо в меньших масштабах). В Институте истории, филологии и философии СО АН СССР усилиями в основном Амуро-Уссурийского археологического отряда собраны материалы более чем полутысячи грунтовых захоронений рассматриваемой культуры. Обширный вещевой материал получен в начале 70-х годов при раскопках Надеждинского могильника в Еврейской автономной области. Эти источники и сделанные в процессе полевых исследований наблюдения позволили (вместе с археологическими фактами некоторых других погребальных памятников Среднего и Нижнего Амура) не только охарактеризовать в известной мере чжурчжэньскую культуру с конца X до XII в.⁹, но и определить степень ее зрелости и с учетом этих показателей попытаться проследить, откуда ведет свое начало названная культура. Было интересно проверить на археологических данных письменные упоминания о чжурчжэнях в третьей четверти I тысячелетия н. э. Правда, вероятность четкой фиксации устоявшихся элементов чжурчжэньской культуры в столь ранний период (по сложившимся прежде представлениям) казалась совсем недавно малосостоятельной, или, если сказать точнее, преждевременной, хотя многие компоненты материальной культуры и в особенности пояса с прямоугольными желобками или вмятинами на тулове свидетельствовали не только об оригинальности, но и достаточной зрелости культуры.

Возможность получить ответ на вопрос — к какому времени следует относить начало формирования чжурчжэньской культуры, а также как она соотносится в части элементов культуры и в хронологии с мохэской культурой, — представляют результаты исследований могильника на о. Уссурийском неподалеку от с. Корсаково¹⁰. Обширные по обилию и разнообразию материалы раскопок 382 погребений Корсаковского могильника заслуживают подробной интерпретации на основе всесторонних анализов и сопоставлений. Работа эта большая и требует времени. Последующие исследования этих ценных источников, можно надеяться, позволят обобщить как вещественные факты, так и наблюдения, в том числе стратиграфические, сделанные в процессе раскопок, и прийти к аргументированным выводам. Однако некоторые предварительные заключения с учетом объема статьи можно сделать и сейчас.

Обращает на себя внимание чрезвычайно широкий ассортимент погребального инвентаря, например керамика. Среди сотен сосудов наблюдается удивительное разнообразие форм (кувшины, горшки, вазы, глубокие чаши, шаровидно-сферические, бочонковидные, амфоровидные, баночные, корчаги, сосуды типа пиалы и других форм, а также различные крышки от сосудов), причем прослеживается их определенная закономерность. Первоначально на раннем этапе формирования Корсаковского некрополя многие из перечисленных типов сосудов изготавливались ручным способом, при этом нередко на горшках и кувшинах оставались

⁹ См. Медведев В. Е. Культура амурских чжурчжэней. Конец X—XI вв. Новосибирск, 1977.

¹⁰ Общие сведения о могильнике см. Медведев В. Е. Новые данные по средневековой археологии Приамурья. — Изв. СО АН СССР, 1978, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 91—92; Он же. Некоторые результаты раскопок могильника на о. Уссурийском в 1976 г. — В кн.: Источники по археологии Северной Азии (1935—1976 гг.). Новосибирск, 1980, с. 138—171.

характерные вертикальные бороздки, желобки или вмятины, придающие изделию вид долбчатости или гофрированности.

Позднее, по всей видимости с середины VIII в., подобная утварь стала изготавливаться на гончарном круге, а манера нанесения на тулово сосуда вертикальных углублений распространилась на некоторые другие формы сосудов. С появлением станковой керамики в погребениях стали класть вместе сосуды, сделанные как вручную, так и на круге. Эта традиция сохранялась на протяжении длительного времени, во всяком случае сочетание лепной и круговой керамики нередко отмечается в могилах, относящихся к XI в. Нередко в одной могиле рассматриваемого памятника встречались в большом количестве сосуды разных способов выделки и непохожих форм. Например, в погребении 277 обнаружено 7 сосудов (рис. 1), из которых 2 сосуда станковых (глубокая чаша с ручками и бочонковидный) и 5 лепных (из них 3 амфоровидных с вертикальной шейкой и налепным венчиком-ребром по кромке и 2 вазовидных). Подобное залегание в неповрежденном захоронении на первый взгляд казалось бы разновременной керамики (амфоровидные изделия выглядят весьма архаично) надо признать очень важным фактом для датирования в будущем подобного рода материала, который выявится не в столь стратиграфически бесспорных условиях, какими располагают погребения.

Есть все основания считать, что бронзовые, иногда позолоченные украшения поясов в виде плоских ажурных блях прямоугольной формы, которые относятся к числу, несомненно, самобытных индикаторных элементов чжурчжэньской культуры, получили распространение у населения Приамурья в VIII в., а может быть, и в VII в. К X—XI вв. наблюдается тенденция упрощения форм этих украшений, в особенности их прорезных и рельефных узоров. У значительной части поясных блях раннего периода на шарнирах подвешены бубенцы или же прорези-выемки у нижнего края имитируют шарнирное приспособление для подвеса. Кожаные пояса с подобными бляшками, прикрепленными к ним с помощью четырех петель на тыльной стороне, иногда оснащены оригинальными бронзовыми или железными вытянутыми пряжками. Пряжки, так же как и бляхи, порой тонко, со вкусом украшены. Так, в погребении 323, вероятно женском, обнаружены набор украшений из бусин, серег, шпилька для волос, наспинные украшения в виде круглых выпуклых, крестовидных и узких, вытянутых со слегка намеченных выемок, прорезной бляшкой залегала пряжка 19 прямоугольными и одной круглой прорезной бляшкой.

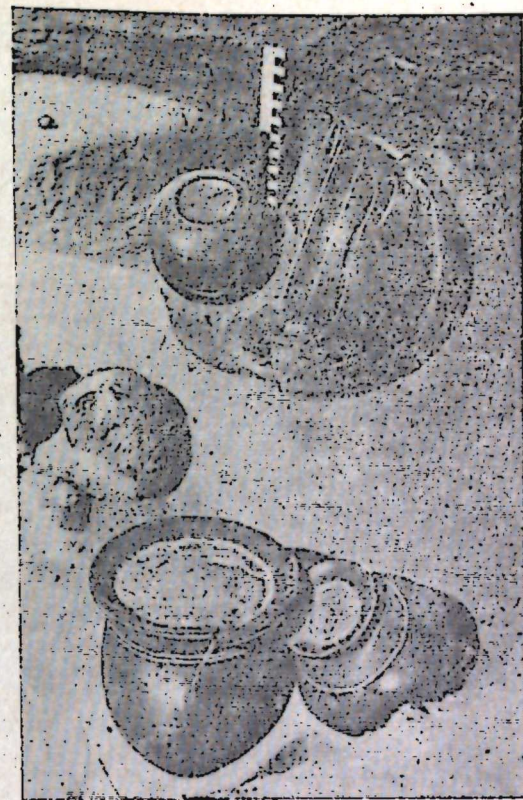

Рис. 1. Деталь погребения 277 Корсаковского могильника с различными по способу изготовления и форме сосудами.

Рис. 2. Остатки пояса в погребении 323 после зачистки, сверху на бляхах видна пряжка. Корсаковский могильник.

ка длиной 19,5 см (рис. 2). Рамка ее железная, с легкой дугообразной изогнутостью. Всю плоскость (створ) пряжки занимает тонкая железная пластина, своего рода «язычок», оканчивающийся небольшим крючком. На эту пластину сплошь наложены бронзовые полоски, на которых при помощи шпильков крепятся бронзовые же круглые, с насечками по краям бляшки. Бляшки эти (всего их сохранилось на изделии 34 экз. из 36 имевшихся), наложенные цепочкой по периметру пряжки, а также в форме круга вблизи края «язычка» с крючком, создают сложный по технике исполнения и оригинальный по художественному достоинству рисунок.

Накоплено достаточно фактов и по другим сторонам материальной и духовной деятельности носителей чжурчжэньской культуры Приамурья VII—XI вв., на основе которых можно сделать предварительные выводы. Отметим, в частности, что основным видом колюще-рубящего оружия воинов средневекового Приамурья были железные однолезвийные мечи-палаши с ровным клиновидным в сечении клинком, односторонне заостренным на конце. Подобные палаши встречены как в Надеждинском, так и в Корсаковском могильниках. Оружие это клалось в могилу, как правило, в испорченном виде — изогнутое или обломанное. Во многих погребениях Корсаковского могильника выявлены обрубленные фрагменты палашей, сложенные иногда кучкой. В этом же некрополе, в погребении 319 справа от мужского костяка найден целый (слегка винтообразно преднамеренно изогнутый) палаш длиной 69 см (рис. 3). На умершем, положенном на спину с подогнутыми в коленях ногами, был надет боевой наборный пояс, состоящий из 9 железных блях-оправ, 4 бляхи имели квадратную форму, а 5 — квадратную с округленным верхним краем. Около покойного обнаружены 2 сосуда, 23 наконечника стрел,

рыболовный крючок, нож. В могиле найдены еще железные паременные обоймы с кольцами (тройчатки), колчаный крючок, костяное бочонковидное изделие наподобие свистульки от стрелы и остатки лака, покрывавшего сгнивший, видимо, берестяной или деревянный сосуд.

Небезынтересно проследить (с целью определения степени культурного единства), как соотносятся различные категории инвентаря Надеждинского и Корсаковского могильников (см. рис. 4). Интерес этот обусловлен несколькими причинами, главные из которых следующие. Во-первых, Корсаковский некрополь в отличие от Надеждинского, нижняя дата которого определяется концом X в., а верхняя — гранью XI—XII вв., формировался гораздо дольше последнего, начало его функционирования приходится, как будет сказано ниже, на первые десятилетия VII в. Во-вторых, преобладающая часть погребений с труположениями Корсаковского могильника имеет западную, точнее северо-западную, ориентировку костяков¹¹, в то время как в Надеждинском ориентировка умерших восточная. С учетом этих особенностей и принимая во внимание различную в большинстве могил ориентировку костяков рассматриваемых погребальных памятников, отражающую, видимо, племенную неоднородность чжурчжэньского населения¹², следует сказать, что сходных и даже идентичных элементов культуры у могильников несравненно больше, чем элементов, отличных или зарегистрированных только в одном памятнике. Полное или почти полное совпадение наблюдается в формах погребального ритуала (труположения, вторичные и смешанные захоронения, а также трупосожжения) и его элементах, таких как положение умерших в могиле, конструкции могильных ям, их форма, размеры, глубина, присутствие погребальных кострищ и поминальных триз.

Как видно из рис. 4, почти все виды глиняных сосудов найдены как

Рис. 3. Погребение 319 Корсаковского могильника. В центре видны остатки боевого наборного пояса, справа от умершего — железный палаш.

¹¹ В могильнике выявлена также группа захоронений с восточной ориентировкой покойных, но она не столь значительна.
¹² Об этом ранее уже высказывалось предположение. См. Медведев В. Е. Новые данные по средневековой археологии Приамурья, с. 95.

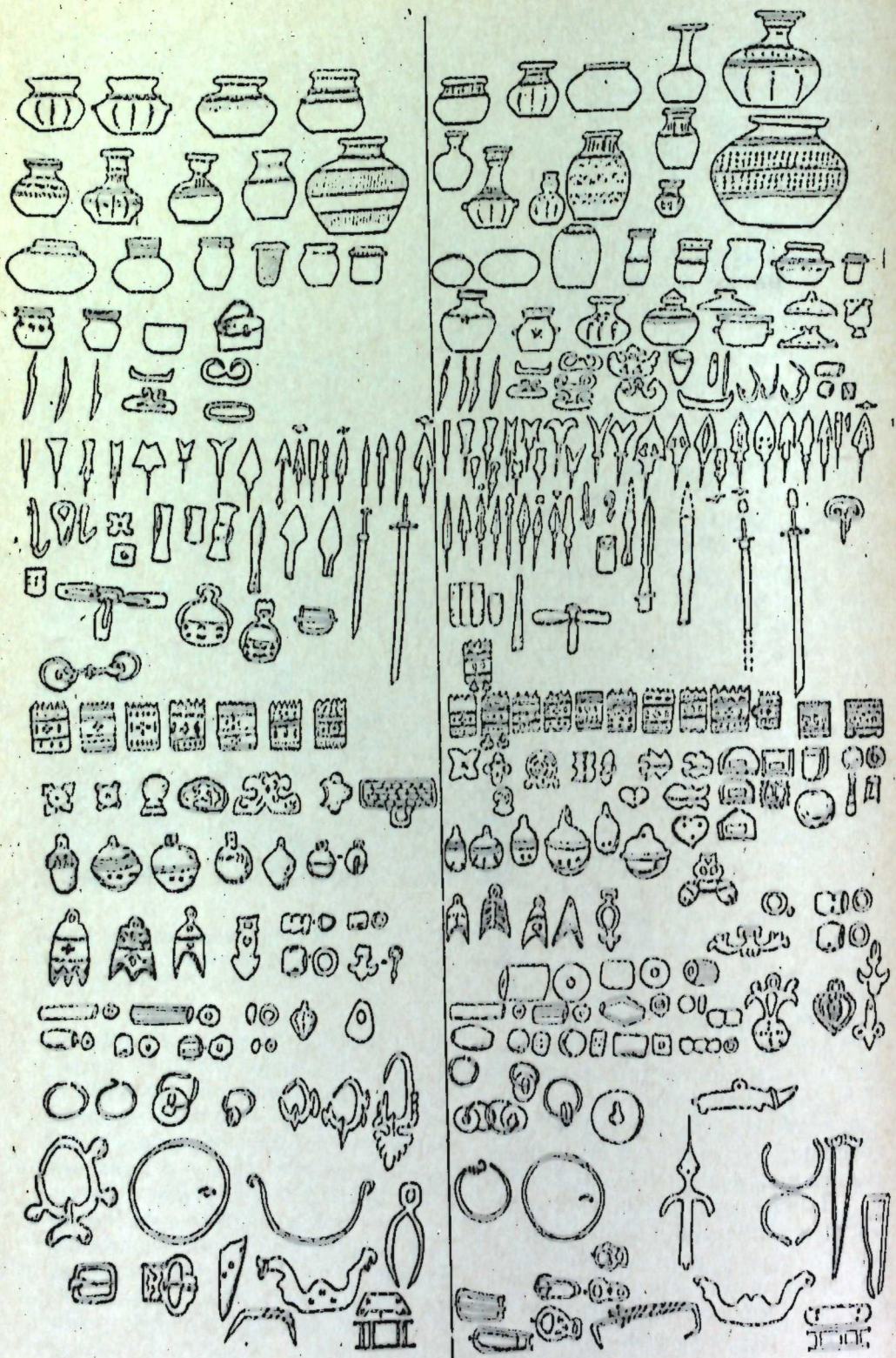

Рис. 4. Основные категории вещей Надеждинского (слева) и Корсаковского могильников. Масштаб разный.

в Надеждинском, так и в Корсаковском некрополе, особенно это относится к станковым изделиям (см. верхний ряд на рис. 4). Что касается посуды, сделанной вручную, то здесь большим разнообразием форм выделяется, бесспорно, некрополь у с. Корсаково. И это вполне объяснимо, поскольку он начал формироваться минимум за три столетия до появления первых могил на берегу Бирь. В Надеждинском могильнике отсутствуют крышки от сосудов, которых довольно много в Корсаковском, главным образом в могилах раннего и среднего этапа его сложения. В то же время в этом памятнике не найдены железные котелки, выявленные в Надеждинском некрополе.

О предметах быта (пожар, кресалах) можно сказать почти то же самое, что и об утвари, так как типологически они не имеют принципиальных различий, хотя Корсаковский могильник представлен большим разнообразием видов кресал. Правда, среди последних много единичных оригинальных изделий. К таким, к примеру, относится железное кресало-накладка на мешочек с бронзовой прижкой вверху. Вместо с тем отметим, что Корсаковский некрополь дал разнообразный материал, связанный с производственной деятельностью оставшихся его людей. Здесь много орудий труда (пилок, скобелей, кельтов, напильников, оселков, найден также тигель) и предметов рыболовного промысла (разнохарактерных крючков, грузил для сетей).

Что касается железных наконечников стрел и колючих крючков, то они в большинстве видов встречены как в том, так и в другом могильнике. Однако в Корсаковском могильнике наконечников заметно больше, но обилие форм их здесь связывается с более ранними погребениями в сравнении с надеждинскими. В то же время в корсаковских захоронениях в отличие от надеждинских не удалось обнаружить такие изделия, как тоноры, но зато из могил на о. Уссурийском извлечены кельты. К числу вещей, отсутствующих в Корсаковском могильнике, но найденных в Надеждинском, относятся стрелы и удила, хотя другие принадлежности конской сбруи — наременные обоймы с кольцами (тройчатки) и прижки — присутствовали в обоих могильниках.

Детали поясного набора в Корсаковском могильнике представлены значительно шире. Богатство форм поясных бляшек как прямоугольных прорезных, так и разнообразных блях-оправ так называемого тюркского типа опять же связывается в основном со сравнительно ранними погребениями комплексами некрополя. В надеждинских могилах, как и в захоронениях XI в. Корсаковского могильника бляхи-оправы не найдены. Несомненно сходство наблюдается в таком виде инвентаря, как поясные подвески. Особенно близки по форме, орнаментации и размерам бронзовые бубенчики, а также колокольчики и конусовидные подвески в виде ворворок. Особенностью некоторых корсаковских поясов, покрытых в виде ворворок. Особенностью некоторых корсаковских поясов, покрытых в виде ворворок. Особенностью некоторых корсаковских поясов, покрытых в виде ворворок. Особенностью некоторых корсаковских поясов, покрытых в виде ворворок.

В основном совпадают в обоих могильниках как по форме, так и по материалу такие украшения, как бусы. Однако и здесь некрополь у с. Корсаково выделяется богатством видов этих вещей, например по местному производству глазчатые и полосчатые бусы, а также бусы из агата и стекла с золотой прослойкой. Можно проследить сходство и в других видах украшений: кольчатых серьгах, серьгах с нефритовой подвеской, браслетах, шейных гривнах. Однако следует подчеркнуть отсутствие в погребениях на о. Уссурийском серег с отроетками по бокам или снизу, довольно часто встречающихся в Надеждинском и обоих некрополях.

Нельзя назвать случайным факт обнаружения в разряд неопределенных, как таких предметов из железа, отнесенных к разряду неопределенных, как

коромысловидные наделки, а также парные пластины, соединенные стержнями, и скобовидные наделки.

Краткое сравнение основных категорий вещей раскопанных могильников позволяет сделать вывод: оба памятника относятся к чжурчженской культуре. Этот вывод основывается на единстве большинства раскопанных элементов культуры северных чжурчженской. Отмеченные отдельные особенности могильников могут свидетельствовать о неоднородности племен чжурчженской Приамурья.

В заключение коротко остановимся на датировке чжурчженской культуры по материалам исследований погребальных памятников. Нумизматические находки из Надеждинского, Володьского и Молчановского могильников позволили определить верхнюю дату в пределах конца X—XI вв. Часть погребений Корсаковского могильника на основании аналогий упомянутого инвентаря следует отнести также к концу X—XI вв. Имеющаяся в нашем распоряжении абсолютная дата, полученная с помощью радиоуглеродного анализа угля, взятого из погребенного костра захоронения 38, подтверждает в какой-то мере названный возраст. Результат датирования, проведенного в лаборатории геохронологии Института геологии и геофизики СО АН СССР под руководством Л. В. Фирсова, равен 940 ± 25 г. н. э. (СО АН-1629). В этой же лаборатории получена другая дата, которая определяет наиболее раннее (по-видимому, несколько удреившее) время появления отдельных погребений могильника, в частности и начало сложения чжурчженской культуры в целом. Анализ угля из погребения 89 (сгоревшая обкладка могильной ямы) определил дату 570 ± 25 г. н. э. (СО АН-1630), т. е. конец VI в. Более вероятным все же, видимо, следует считать возраст погребения, в котором обнаружены вазовидный и амфоровидный сосуды и костяное изделие, — первую треть VII в. Эти абсолютные даты нельзя связывать с основной массой погребений Корсаковского могильника. Обе радиоуглеродные датировки, в особенности вторая, показывают почти пределы роста памятника. Подавляющее же большинство погребений могильника укладывается хронологически между этими, отделенными одна от другой более чем тремя столетиями датами, о чем, в частности, свидетельствуют извлеченные из захоронений серии монеты Кайюань тунбао, отливавшиеся с первых десятилетий VII в. и до второй половины X в.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск

А. В. ВАРЕНОВ

ИНЬСКИЕ КЛЕВЦЫ

(по материалам могильника в западном районе иньской столицы)

Клевцы га — излюбленный и наиболее часто встречаемый вид древнекитайского бронзового оружия¹. Однако их богатые коллекции во многих китайских и зарубежных музеях вплоть до 50-х годов комплектовались в основном из случайных находок и материалов, добытых при грабительских раскопках. Большой интерес вызывает сообщение о недавних раскопках крупного иньского могильника в окрестностях Аньина². Собранные там коллекции происходят из хорошо датированных закрытых комплексов, большей частью не тронутых грабителями, что значительно повышает ее ценность и позволяет проверить ряд выдвинутых ранее гипотез эволюции иньских клевцов.

До наших дней сохранились только металлическо-рабочие части клевцов, следы древка встречаются очень редко. Выделяют следующие конструктивные детали рабочей части клевца (рис. 1): бой «юнь», обух «пэй», борода «ху», острый «фан», лезвие «лань», прорезь «чуань» (их может быть несколько), бортик «лань», верхний и нижний зубчики «чи»³. Некоторые клевцы для закрепления на древке снабжены проухом. Ряд исследователей клевцы с проухом и широким подтреугольным бойком выделяют в самостоятельный вид оружия. Первые они называют «цуй», вторые — «куй» или «чю»⁴.

На интересующем нас памятнике найдено 230 клевцов. Китайские исследователи при описании материала разделили их на три группы и десять типов. В группу А вошли клевцы без бородки, «практического применения» (т. е. достаточно тяжелые, как правило, с ромбическим сочонном бойком). Тип А1 составляют проухные клевцы с прямым обухом (рис. 2, 5—7). Тип АII — черешковые (танговые, по Л. С. Васильеву)⁵ клевцы с прямым обухом (рис. 2, 8—11). Тип АIII — клевцы с прямым бойком и изогнутым обухом (рис. 2, 12; рис. 3, 1).

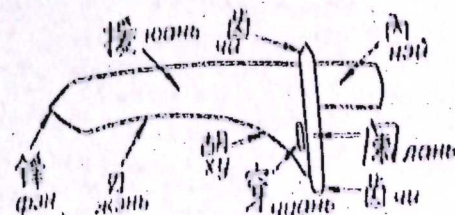

Рис. 1.

¹ Го Баоцзюнь. Инь-чжоуское бронзовое оружие. — Каору, 1961, № 2, с. 112 (на кит. яз.).

² Ин Баочан, Ин Сичжан. Отчет о раскопках могильников в западном районе иньской столицы в 1969—1977 гг. — Каору сюэбао, 1979, № 1 (на кит. яз.).

³ Го Баоцзюнь. Указ. соч., с. 111; Цзинь Шан. Бронзовое оружие. — Вань, 1970, № 10, с. 84 (на кит. яз.).

⁴ Loehr M. Chinese Bronze Age Weapons. — Ann Arbor, 1950, p. 50, 50; Ин Баочан, Ин Сичжан. Указ. соч., с. 89; Цзинь Шан. Указ. соч., с. 84.

⁵ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1970.

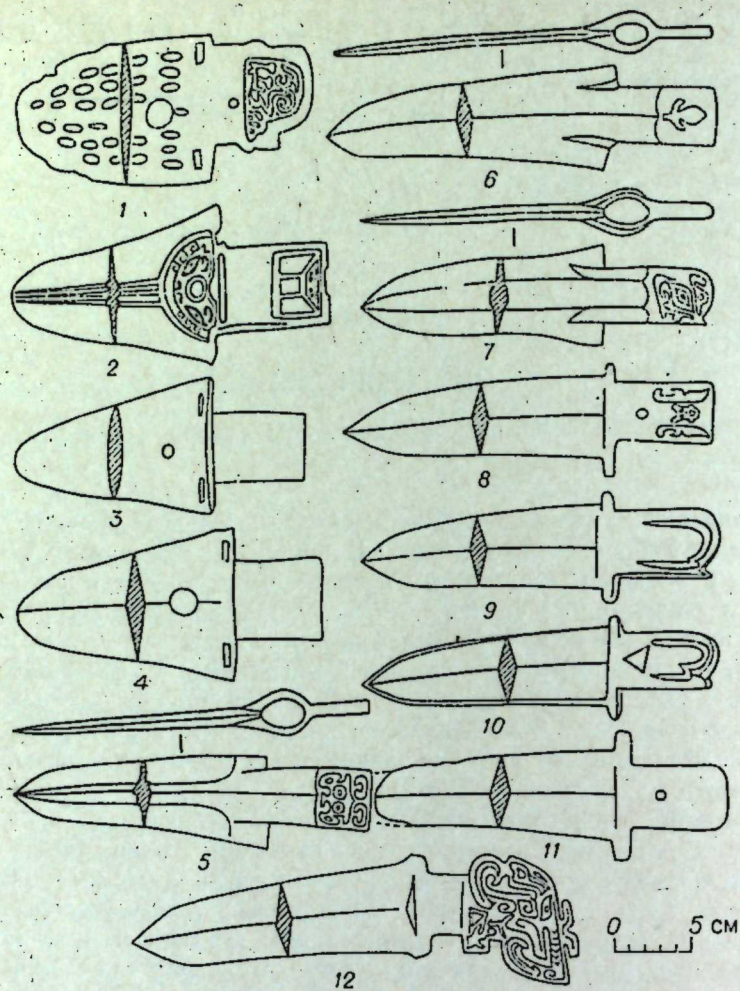

Рис. 2.

Группа В состоит из «ритуальных» клевцов гэ с плоским в сечении бойком и изогнутым обухом и делится на два типа. Тип VI в целом очень близок типу АIII, только боек у этих клевцов в сечении не ромбический, а плоский (рис. 3, 3, 5). Тип VII — явно ритуальные, жертвенные изделия (рис. 3, 2, 4). Они тонкие и плоские, обухи в виде углового крючка. Попадаются очень мелкие экземпляры.

Группа С немногочисленна. Составляют ее клевцы с бородкой и прорезями. Выделяется пять типов. В тип CI входят гэ с прямым обухом и одной прорезью (рис. 3, 6—8). У клевцов типа CII бородка средней длины, прямой обух и две прорези (рис. 3, 9, 10). Тип CIII отличается от предыдущего наличием трех прорезей (рис. 4, 1). Найден только один клевец типа CIV. Он с проухом, бородкой средней длины и одной прорезью (рис. 4, 2). Тип CV также представлен лишь одним клевцом. У него, прямой обух, длинная бородка и четыре прорези (рис. 4, 3). Данный образец — явно инородная примесь в коллекции иньских клевцов. Он обнаружен в вырытой грабителями яме, которая нарушила погребение с колесницей, относящееся к финальному этапу функционирования могильника, и стратиграфически является еще более поздним. Такие клевцы характерны для эпохи Чжоу⁶.

⁶ См. Комиссаров С. А. Чжоуские клевцы. — Изв. СО АН СССР, настоящий номер.

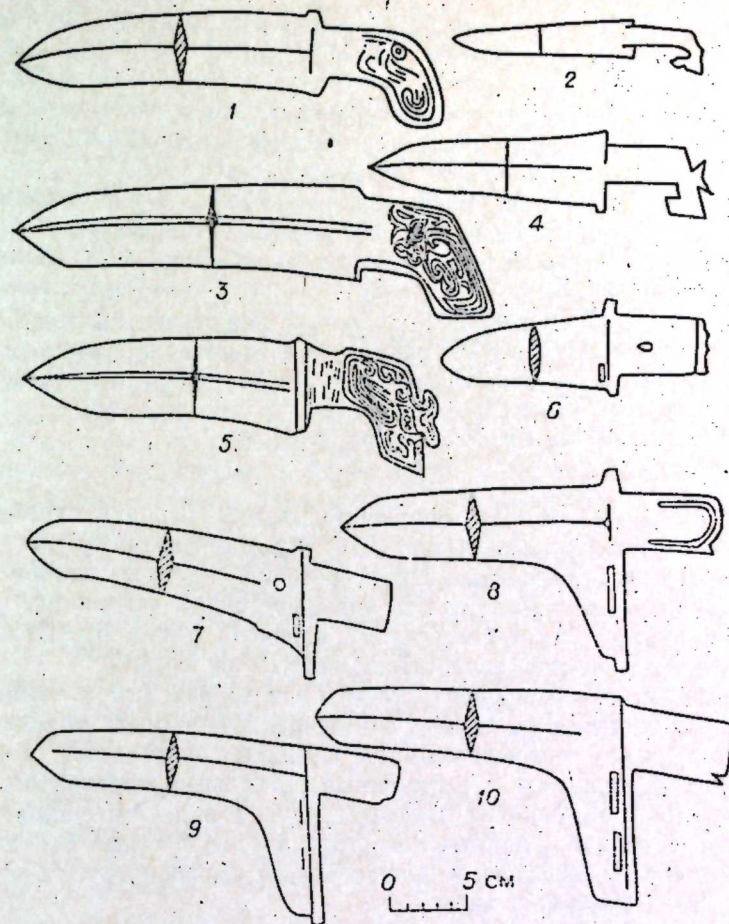

Рис. 3.

В особый вид выделяется оружие с широким подтреугольным бойком, прямоугольным обухом и двумя прорезями. В середине бойка, ближе к его основанию, обычно встречается круглое отверстие. Китайские исследователи называют этот вид оружия «чо»⁷ (рис. 2, 1—4).

На основе анализа наиболее массового сопровождающего инвентаря — керамики — большая часть погребений исследуемого могильника

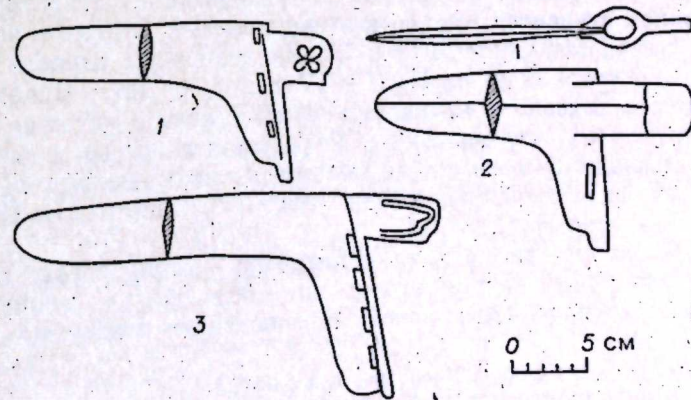

Рис. 4.

⁷ Ян Баочэн, Ян Сичжан. Указ. соч., с. 89.

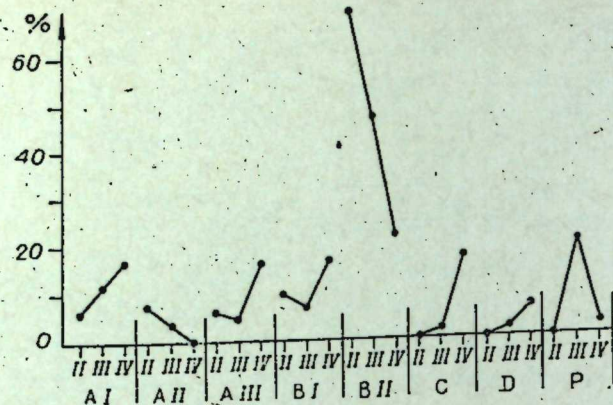

Рис. 5.

отнесена ко II, III или IV, заключительному, периоду существования иньской столицы в районе Аньяна⁸. В ряде случаев китайские археологи затруднились определить дату погребений. Могилы данного памятника распределяются по периодам неравномерно, а относящихся к I периоду нет совсем. Различные типы кувалд также представлены по периодам отнюдь не пропорционально количеству могил.

Определим, какой процент составляли из каждого из типов среди всех кувалд каждого из периодов. Кувалды будем брать только из хронологически четко определенных погребальных комплексов. Учтем при этом также оружие «чо» и жертвенные ритуальные кувалды, изготовленные из свинца⁹. Результаты подсчетов даны в виде графиков (рис. 5). В графе Д приводятся данные для оружия «чо», в графе Р — для свинцовых кувалд. Вследствие малочисленности кувалд группа С берется целиком, без разбивки на типы.

Из расчетов вытекает ряд выводов. Относительное количество кувалд типа AI с течением времени неизменно росло. Процент кувалд типа AII, напротив, постоянно убывал. Падала популярность и кувалд BII, хотя их количество и продолжало оставаться на недостижимой для других типов высоте. Последнее обстоятельство, несомненно, определяется характером памятника. Жертвенные ритуальные кувалды BII, изготовленные специально для погребений, составляют в абсолютных цифрах почти половину оружия данного вида.

Резко растет в IV период процент группы С и оружия «чо». Пик «популярности» свинцовых кувалд приходится на III период — 90% таких кувалд относится именно к этому времени. Странное впечатление производят графики типов AIII и BI. Их доля в III периоде несколько снижается по сравнению со II, а в IV резко растет. Представляется, что китайские археологи совершили ошибку, взяв в качестве типовых признаков сечение бойка. В результате резко различающиеся по иным признакам экземпляры оказались включенными в один тип. Например, кувалда, изображенная на рис. 3, 3, относится к IV периоду, а на рис. 3, 5 — ко II.

Если в основу классификации положить форму обуха, эти кувалды оказались бы в разных типах, что, на наш взгляд, лучше отражает существовавшее положение вещей. К сожалению, из-за отсутствия под-

⁸ Ян Баочэн, Ян Сичжан. Указ. соч., с. 108—113.

⁹ Подсчитано автором по Ян Баочэн, Ян Сичжан. Указ. соч., табл. на с. 121—146 с учетом исправлений, данных в журн. «Каогу сюэбао», 1979, № 4 на с. 459—460 (на кит. яз.). Подсчитанное количество не всегда совпадает с цифрами, приведенными китайскими авторами при описании типологии кувалд.

робной публикации всех находок провести такую операцию невозможно. Поэтому мы будем оставаться в рамках типологии, данной китайскими исследователями.

Судя по графикам рис. 5, наиболее ранними представляются типы AI, AII, BI (в некоторых своих экземплярах). Наиболее часто встречающийся тип BII, несомненно, является производным от кувалд типа I периода существования иньской столицы близ Аньяна. Для проверки высказанного выше предположения обратимся к погребальным комплексам из иных пунктов.

В могиле Фу Хао, одной из жен иньского вана У Дина (самое начало II периода), встречены кувалды как втульчатые, так и черешковые с прямым и с изогнутым обухом¹⁰. К сожалению, цифровых данных не приведено, поэтому судить о частоте встречаемости типов нельзя. Известно лишь, что всего кувалд найдено около 90 шт. В иньской могиле, раскопанной в Угуаньцуне, в окрестностях Аньяна, и относящейся к I периоду, также найдены кувалды трех перечисленных выше типов¹¹.

На доаньянских памятниках, соответствующих периоду Эрлиган, например, на стоянке Паньлунчэн, расположенной вблизи г. Уханя, бытуют черешковые прямообушные и изогнутообушные кувалды¹², причем прямообушные количественно преобладают¹³. Проушный тип исчезает. На еще более ранней стоянке Эрлитоу найдены прямообушный и изогнутообушный черешковые кувалды¹⁴, отличающиеся, однако, некоторым своеобразием. Например, у них совершенно отсутствуют верхний и нижний зубчики, обязательные для более поздних черешковых кувалд уже на стадии Эрлиган.

Обратимся к проверке старых гипотез, определявших на основе типологического анализа эволюционные ряды иньских кувалд. В свое время Б. Карлгрен высказал мнение о первичности черешковых типов с прямым и изогнутым обухом¹⁵. Его построения подверг справедливой и обоснованной критике М. Лер¹⁶. Однако его предположение о том, что наиболее ранним было оружие с широким треугольным бойком («куй» — по М. Леру)¹⁷ оказалось несостоятельным. В свете современных знаний очевидно, что ближе к истине стоял Б. Карлгрен, хотя и исходил из ложных предпосылок.

Остается, однако, ряд нерешенных проблем. Например, внезапное появление на аньянской стадии иньской культуры проушных кувалд (тип AI). Для решения этого вопроса представляется перспективным анализ взаимовстречаемости различных видов оружия, орудий труда и керамики.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск

¹⁰ Чжэн Чжэнсян, Чэнь Чжидя. Раскопки могилы № 5 в иньской столице в Аньяне. — Каогу сюэбао, 1977, № 2, с. 72 (на кит. яз.).

¹¹ Иньская могила, найденная к северу от деревни Угуаньцунь. — Каогу, 1979, № 3, с. 223—226 (на кит. яз.).

¹² Раскопки шанской стоянки Паньлунчэн в уезде Хуанпи пров. Хубэй в 1963 г. — Вэньу, 1976, № 1, с. 54 (на кит. яз.).

¹³ Шанские бронзовые орудия периода Эрлиган из Паньлунчэна. — Вэньу, 1976, № 2, с. 33 (на кит. яз.).

¹⁴ Бронзовые и нефритовые орудия, вновь найденные на стоянке Эрлитоу уезда Яньши. — Каогу, 1976, № 4, с. 260 (на кит. яз.).

¹⁵ Carlgren B. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty. — BMFEA, 1945, N 17, p. 132—139.

¹⁶ Loehr M. Weapons and Tools from Anyang, and Siberian Analogies. — American Journal of Archaeology, 1949, LIII, p. 138—143.

¹⁷ Loehr M. Chinese Bronze Age..., p. 50—53.

С. А. КОМПССАРОВ

ЧЖОУСКИЕ КЛЕВЦЫ

Чжоуские клевцы «гэ» во многом продолжают иньские оружейные традиции, но в то же время в этот период возникает и развивается целый ряд новых форм. Абсолютное большинство «гэ» отливалось из бронзы. Хотя производство железных орудий началось в Китае достаточно давно (на рубеже Инь и Чжоу)¹, однако оружие еще долгое время изготовлялось большей частью из бронзы. Как указывал акад. А. П. Окладников, до периода Чжаньго включительно «бронза и железо уживались вместе»². И даже когда в конце периода Чжаньго многие виды оружия (такие как мечи, клинжалы, наконечники стрел и, отчасти, копий) стали изготовляться из железа, клевцы «гэ» (и производное от них оружие «цзи») за редкими исключениями³ оставались бронзовыми.

Трудно сказать, какую часть составляют клевцы «гэ» от уже найденного чжоуского оружия, поскольку попытка подсчитать его количество вполне сравнима с попыткой объять необъятное. Однако несомненно, что именно клевцы являются наиболее характерным и часто встречаемым видом вооружения чжоуского воина. Иллюстрацией этого положения могут служить данные по некоторым чжоуским могильникам и отдельным могилам.

Так, в западночжоуском могильнике Чжанцзяно клевцы составляют около 84,2% от всего найденного бронзового оружия ближнего боя⁴. В западночжоуских могильниках Хэцзяцунь, Байфу, Байцаопо они (вместе с оружием «цзи») составляют соответственно 66,6, 69 и 92,3%⁵. В могильниках периода Чуньцю Шаньшуйлин и Чэнцзяо «гэ» и «цзи» состав-

¹ Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — МИА, № 112. М.—Л., 1963, с. 179—181; см. также Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, с. 249—251.

² Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Очерки по древней и средневековой истории Приморского края. Владивосток, 1959, с. 158.

³ Ли Чжэнгуан. Железные орудия периода Чжаньго, найденные в Чанша и Хэянь. — Каогу тунсюнь, 1956, № 1, с. 78. (на кит. яз.); см. также Вэнь Даош (при участии Цай Цзиняна и Чжао Шижуня). Чуские могилы в Чанша. — Каогу сюэбао яньской Нинцзэи столицы (Сяду), у. Исянь, пров. Хэбэй. — Каогу (далее: КГ), 1975, № 4, с. 232 (на кит. яз.).

⁴ Подсчитано по: Отчет о раскопках в Фэнси. — Чжунго тянье каогу баогао-цзи. Каогу сюэ чжуанькань. Пекин, 1962, вып. IV, № 12, с. 117—119 (на кит. яз.).

⁵ Подсчитано по: Дай Инсинь. Западночжоуские могилы в Хэцзяцунь, логические результаты в районе Пекина. Новые замечания о западночжоуской могиле с деревянным гробом в Байфу, у. Чанпин. — КГ, 1976, № 4, с. 250—254 (на кит. яз.); КГСБ, 1977, № 2, табл. на с. 110 (на кит. яз.).

ляют 54,8 и 50%⁶. Подобная ситуация характерна и для многих чжаньгоских могил. Так, среди бронзового оружия ближнего боя, найденного в могиле № 1 в Чжаогу, «гэ» и «цзи» составляют 54,5%⁷, в могиле цайского хоу — 52%⁸, в могиле № 126 в Фэншуйлин — 82%⁹, в могиле № 1 в Шаньбяочжэнь — 80%, в чжаньгоском могильнике в Люлигэ — 55,2%¹⁰, в могильнике Байцзяцунь — 64,3%¹¹, в чуском могильнике Паймашань — 45,5%¹² и т. д. В то же время во многих могильниках, датированных периодом с конца Чуньцю до конца Чжаньго, — таких как Лисидунь, Шахуцяо, Иньшаньлин, Цайно и др., — «гэ» и «цзи» уступают первое место мечам и копьям. Эти наметившиеся изменения в чжоуском комплексе вооружения связаны скорее всего с изменениями в структуре и тактике древнекитайской армии, в первую очередь с постепенным вытеснением боевых колесниц конницей.

Являясь в течение долгого времени одним из основных видов оружия, клевцы «гэ» постепенно совершенствовались. Помимо основной ударной функции клевца, края его бойка (особенно нижний) часто затачивались на острие. С развитием нового элемента — бородки «ху» — ее край также нередко превращался в лезвие. И, наконец, начиная с периода Восточного Чжоу, обух также довольно часто затачивался с трех сторон. Иногда верхний угол обуха при изготовлении вытягивали и изгибали, образуя заточенный крюк. Таким оружием можно было наносить рубящие удары, а также разрезать не только относительно тонкие и мягкие ремни доспехов¹³, но и укрупнившегося за ними противника.

С самого начала чжоуского периода возникает и развивается на основе «гэ» новый вид оружия — «цзи». Он отличается от «гэ» наличием верхней части (как правило, острья), которое отливалось вместе с «гэ» или монтировалось с ним на одной рукояти. В период Западного Чжоу были распространены так называемые «крестовидные цзи», верхняя часть которых заканчивалась либо небольшим крючком¹⁴, либо — гораздо реже — острием (рис. 1, 9). В период Восточного Чжоу «цзи», как правило, составное оружие, образованное креплением на одну рукоять клевца «гэ» и наконечника копья «мао» (см. рис. 1, 10). «Цзи» этого типа найдены в провинциях Хэнань, Шаньси, Хубэй, Хунань, Цзянсу, Хэбэй и др. Значительно реже встречаются «цзи», в которых клевец и наконечник копья

⁶ Подсчитано по: Могильник княжества Го в Шаньшуйлине. — Чжунго тянье каогу баогаоцзи. Каогу сюэ чжуанькань. Пекин, 1959, вып. IV, № 10, с. 19—20 (на кит. яз.); Ван Цзуньго, Цзоу Хоубэнь, Ю Чжэньло. Восточночжоуское погребение у села Чэнцзяо, у. Люхэ, пров. Цзянсу. — КГ, 1965, № 3, с. 108—109 (на кит. яз.); Восточночжоуская могила № 2 в Чэнцзяо, у. Люхэ, пров. Цзянсу. — КГ, 1974, № 2, с. 118—119 (на кит. яз.).

⁷ Подсчитано по: Отчет о раскопках в уезде Хуэйсянь. — Чжунго тянье баогаоцзи. Пекин, 1956, № 1, с. 117.

⁸ Подсчитано по: Археологические остатки, найденные в могиле цайского хоу в уезде Шоусянь. — Каогу сюэ чжуанькань. Пекин, 1956, вып. II, № 5, с. 11 (на кит. яз.).

⁹ Подсчитано по: Бянь Чэнсюй. Краткий отчет о раскопках могилы № 126 в Фэншуйлине близ г. Чантай, пров. Шаньси. — Вэнь (далее: ВУ), 1972, № 4, с. 38—42 (на кит. яз.).

¹⁰ Подсчитано по: Го Баоцзюнь. Шаньбяочжэнь и Люлигэ. — Каогу сюэ чжуанькань. Пекин, 1959, вып. II, № 11, с. 27—28, 55 (на кит. яз.).

¹¹ Подсчитано по: Чжаньгоский могильник в Байцзяцунь, у. Хэбэй, пров. Хэбэй. — КГ, 1962, № 12, с. 619—624 (на кит. яз.).

¹² Подсчитано по: Краткий отчет о раскопках чуских могил в Паймашань, у. Цзянлин, пров. Хубэй. — КГ, 1973, № 3, с. 154—157 (на кит. яз.).

¹³ Кожин П. М. Некоторые данные о древних культурных контактах Китая с внутренними районами Евразийского материка. — В кн.: Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. (К 200-летию со дня рождения). Материалы конференции, ч. II. М., 1977, с. 35.

¹⁴ Иногда подобные «цзи» выделяют как самостоятельный вид оружия. — См. Чжоу Вэй. Очерк истории китайского оружия. Пекин, 1957, с. 76—77 (на кит. яз.); Chêng Tê-k'un. Archaeology in China. V. 3. Chou China. Cambridge, 1963, p. 240.

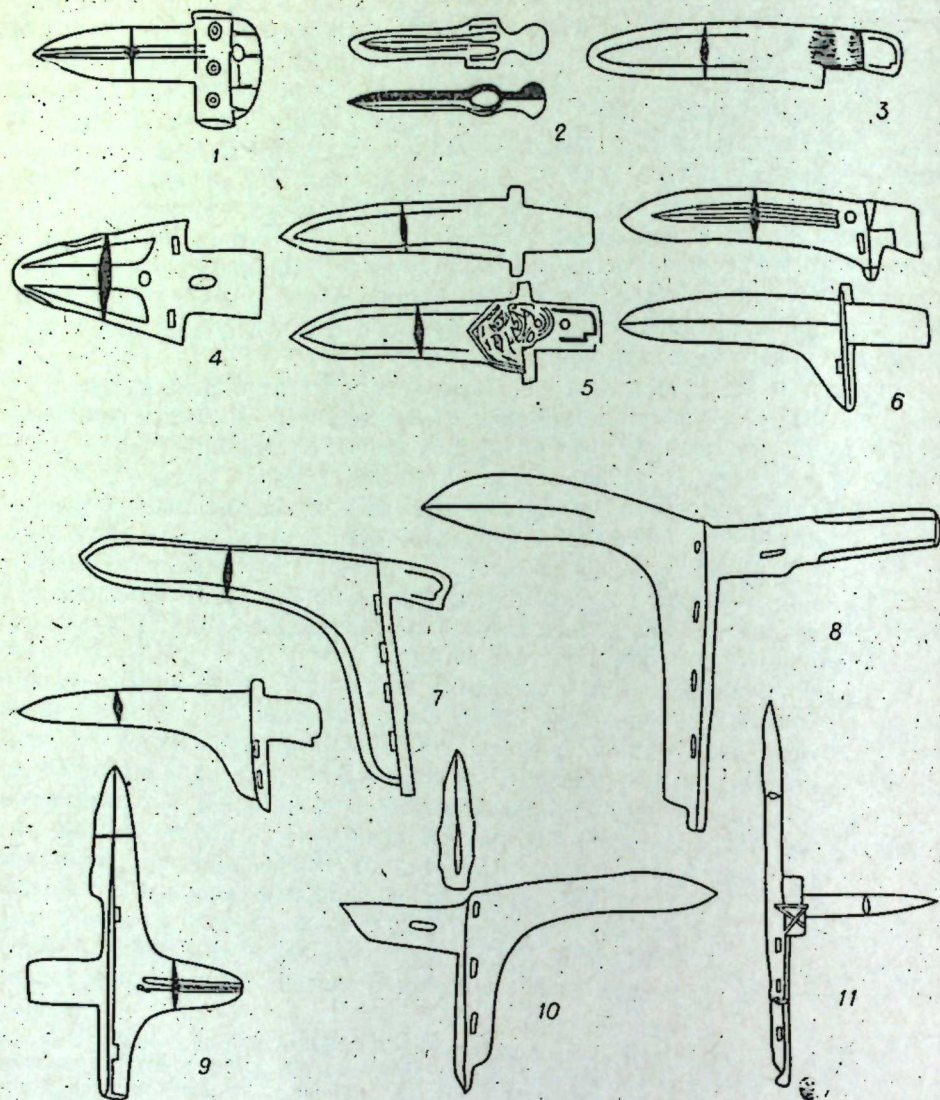

Рис. 1. Основные типы чжоуских клевцов и оружия «цзи».

Рисунки даны не в масштабе и выполнены по кн.: Отчет о раскопках в у. Хуэйсянь, табл. LXXXIX, 9; КГ, 1975, № 4, ил. IV; КГ, 1976, № 4, ил. III, 1; КГСВ, 1977, № 2, рис. X, XI.

соединены воедино¹⁵. Иногда к нижней части рукояти «гэ» или «цзи» крепился заточенный крюк. Таким образом, развитие клевца «гэ» и производного от него оружия «цзи» на протяжении всего периода Чжоу шло к тому, что все его части имели самостоятельное боевое значение¹⁶. Уникальное оружие, также связанное с использованием «гэ», было найдено во время раскопок могилы цзэнского хоу И в пров. Хубэй. К длинной (более 3 м) рукояти прикрепляли по два или даже по три «гэ» на расстоянии 4,7—5,3 см друг от друга. Иногда к верхней части этого

¹⁵ Могилы № 1 в Лючэнцзю, Чанша.— КГСВ, 1972, № 1, с. 64 (ил. XV, 3) (на кит. яз.). В самом конце Чжаньго в царстве Янь появляются железные «цзи» в виде двух заостренных стержней, соединенных под прямым углом. См. Отчет о раскопках могилы № 44 в яньской Нижней столице..., с. 232, ил. IV, 2—7. Возможный бронзовый прототип подобного вида оружия. Отчет об исследовании городища Сяоду (Нижней столицы) государства Янь.— КГ, 1962, № 1, с. 19, рис. XIII (на кит. яз.).

¹⁶ Го Баоцзюнь. Бронзовое оружие Инь и Чжоу.— КГ, 1961, № 2, с. 113—114.

«тройного гэ» присоединяли наконечник копья¹⁷. Подобное оружие, очевидно, применялось для борьбы с колесницами.

Говоря о боевом применении клевцов в целом, необходимо отметить их роль: а) в колесничном бою; б) в рукопашной схватке пехотинцев друг с другом; в) в качестве абордажного оружия в сражениях на воде; г) как средства «противоколесничной обороны». Указание на различное применение «гэ» содержится в сделанных на них надписях. Если одни названы «колесничными гэ», то другие — «пехотными гэ»¹⁸. Китайские исследователи полагают, что это оружие различалось только по длине рукоятей¹⁹. Археологические данные подтверждают существование такого различия²⁰. Оружие на более длинных (порядка 3 м) рукоятях, применявшееся в колесничном бою, найдено в окрестностях Чанша и в могиле цзэнского хоу И. Длина других рукоятей существенно меньше: от 95 до 166,7 см, т. е. самые длинные из них не намного превышают средний рост человека. Именно таким оружием сражаются пехотинцы в батальных сценах, изображенных на чжоуских бронзовых сосудах²¹. Эти рисунки наглядно доказывают факт использования клевцов «гэ» в рукопашном бою. На этих же сосудах изображено и использование «гэ» и «цзи» в сражениях на воде. Это основное оружие у стоящих на палубе боевых лодок воинов, которое могло служить и в качестве абордажных крючьев, и для нанесения ударов противнику²². Что же касается средств «противоколесничной обороны», то П. М. Кожин уже отметил возможность использования секир и алебард с пожевидными лезвиями для перерезания постромок упряжных коней колесниц²³. Развитые формы «гэ» и «цзи» с их многочисленными лезвиями, да еще снабженные дополнительными крюками на обухе и на нижнем конце рукояти, также могли служить выполнению этой задачи.

Касаясь вопроса использования «гэ» и «цзи», необходимо отметить их ритуальное (и прежде всего погребальное) значение. Погребальные вещи не имели практического применения и изготовлялись специально для похорон. Они отличались, как правило, меньшими размерами и весом и отливались из менее прочной бронзы²⁴. Нередко погребальные «гэ» и «цзи» вообще изготовлялись не из бронзы, а, например, из свинца или даже из дерева. Широкое распространение получило также церемониальное оружие, которое выделялось большей орнаментальностью и наличием соответствующих надписей, а иногда более древним и редким для чжоуского времени способом крепления к рукояти с помощью втулки или проушины²⁵. Однако в целом церемониальные клевцы по своим конст-

¹⁷ Краткий отчет о раскопках могилы цзэнского хоу И в у. Суйсянь, пров. Хубэй.— ВУ, 1979, № 7, с. 8—9, ил. IX, 1 (на кит. яз.).

¹⁸ Тун Эньчжэнь. Исследование бронзовых «гэ» юго-западных районов нашей страны.— КГСВ, 1979, № 4, с. 454 (на кит. яз.); Чжан Чжэньцзэ. Исследование клевца яньского вана Чжи.— КГ, 1973, № 4, с. 246 (на кит. яз.).

¹⁹ Ян Хун. Боевые колесницы и колесничный бой.— ВУ, 1977, № 5, с. 84—85 (на кит. яз.); Тун Эньчжэнь. Указ. соч., с. 454.

²⁰ Длина рукоятей определялась различными способами. Иногда деревянные рукояти, часто завернутые в бамбуковое лыко или материну, сохранялись благодаря своему лаковому покрытию. В других случаях длина определялась по расстоянию между «гэ» и втулкой, который надевался на нижний конец рукояти.

²¹ Го Баоцзюнь. Шаньбяочжэнь и Люлигэ, ил. XLVII, XLVIII; Ян Цзун-жун. Материалы по рисункам периода Чжаньго. Пекин, 1957, ил. XVIII, XX (на кит. яз.); Записки о раскопках могилы № 10, расположенной рядом со средней школой в Байхуатань, близ Чэнду.— ВУ, 1976, № 3, с. 43—46, ил. II (на кит. яз.).

²² Ян Хун. Армии, сражающиеся на воде, и боевые лодки.— ВУ, 1979, № 3, с. 76—78 (на кит. яз.).

²³ Кожин П. М. Указ. соч., с. 37.

²⁴ См., например: Отчет о раскопках в уезде Хуэйсянь, с. 42, 131.

²⁵ Чжунчжоулу близ Лояна (западный отрезок).— Чжунго тянье каогу баогаоцзи. Каогусюэ чжуанькань. Пекин, 1959, вып. IV, № 4, рис. LX, 11 на с. 91; Го Баоцзюнь. Шаньбяочжэнь и Люлигэ, ил. XXIV, 3, 4.

руктивным особенностям мало чем отличались от боевых и вполне могли применяться в качестве оружия.

Втульчатые и проушные клеветы можно (по способу крепления к рукояти) условно объединить в одну группу. Эта группа крайне немногочисленна и не характерна для собственно чжоуской традиции. В то же время в пределах обширного периода, соответствующего династии Чжоу, подобное оружие широко представлено среди находок к северу и западу от Китая²⁶. Такое географическое распределение подтверждает теорию о некитайском происхождении втульчатых (и большинства проушных) клеветов²⁷. На западночжоуских памятниках найдено несколько экземпляров унаследованных от Инь клеветов, которые имеют боек в форме вытянутого прямоугольника с округлым острием, овальный проух и небольшой прямоугольный обух (табл. 1, 3). Они обнаружены в могильниках Байцаопо²⁸ и Хэцзяцунь²⁹. Судя по малочисленности находок, которые по дате не позднее раннего периода Западного Чжоу, это исчезающий тип оружия. Один проушной клевет (с бородкой) найден во Внутренней Монголии; по своей орнаментации он явно связан с миром северо-западных степей³⁰. Также один весьма специфический экземпляр был обнаружен среди остатков культуры верхнего слоя Сяцзядянь³¹. Еще более редкой формой являются клеветы со втулкой. Такой клевет (длина 21 см) был найден в могиле № 1 в Байцаопо. Его боек имеет форму стержня с ребром, ширина которого 3 и толщина 2 см; короткая втулка — овальной формы (размером 3×2,1 см); обух — в виде массивного шара на коротком стержне. Вес этого клевета 529 г³² (рис. 1, 2). По своей форме он резко отличается от других видов чжоуского оружия, найденного с ним в едином комплексе. Данный экземпляр, очевидно, является привозной или изготовленной по импортным образцам вещью. Другие втульчатые клеветы найдены на территории северо-восточного Китая и являются оружием местных племен, чья культура значительно отличается от культуры Центральной равнины. Связь этих изделий с южносибирскими клеветами карасукского времени очевидна³³. Это подтверждают и находки последних лет. Так, бронзовый втульчатый клевет, найденный в западночжоуской могиле в Байфу³⁴ (рис. 1, 1), по форме почти полностью (за исключением трех отверстий на втулке) соответствует клевету, найденному в Забайкалье³⁵. Те же экземпляры из Суйюани и Ордоса, которые С. В. Киселев принимал за промежуточные звенья между классическими древнекитайскими «гэ» и втульчатыми клеветами степей³⁶ являют-

ся скорее всего результатом взаимного влияния в контактной зоне двух различных традиций³⁷.

Абсолютное большинство чжоуских клеветов относится к группе плоских черепицеобразных клеветов, чисто китайских по происхождению³⁸. На основании наличия и изменения формы бородки «ху», а также формы и распространения бойка и обуха с учетом их хронологического развития клеветов можно выделить пять основных типов чжоуских черепицеобразных клеветов³⁹.

I тип характеризуется бойком треугольной формы и довольно массивным прямоугольным обухом. Боек часто имеет ребро и круглое отверстие, расположенное ближе к обуху. Рядом с бортиком, отделяющим боек от обуха, как правило, два отверстия, которые служат для привязывания рукояти (рис. 1, 4). «Гэ» этого типа найдены в провинциях Шаньси, Шаньси, Хэнань, Ганьсу. Памятники, на которых найдены «гэ» I типа, датируются началом — серединой Западного Чжоу.

Клеветы II типа имеют боек прямоугольной формы с треугольным или округлым острием. Место перехода от бойка к прямоугольному обуху оформлено с двух сторон выступами — зубчиками; обух, как правило, отделен от бойка тонким бортиком (рис. 1, 5). Клеветы этого типа найдены на чжоуских памятниках в провинциях Шаньси, Хэнань, Ганьсу, Чжаэцзян, а также близ Пекина. Их дата — начало — середина периода Западного Чжоу.

У клеветов III типа появляется новый элемент — бородка «ху», которая плавным изгибом оформляет переход от бойка к нижнему зубчику. В этот тип включены как клеветы с только намеченной бородкой без отверстия, так и клеветы с короткой бородкой с одним отверстием (рис. 1, 6). Подобные клеветы встречаются в провинциях Шаньси, Шаньси, Хэнань, Ганьсу и в окрестностях Пекина. Комплексы орудий, в которые они входят, датируются китайскими археологами временем от начала Западного Чжоу до периода Чуньцю включительно.

Наиболее распространенными являются клеветы IV типа, характеризующиеся развитой бородкой «ху», в которой проделано два-три или даже четыре отверстия. Боек у некоторых клеветов IV типа несколько вздернут вверх или дугообразно изогнут (рис. 1, 7). Клеветы этого типа найдены в провинциях Шаньси, Шаньси, Хэнань, Хубэй, Аньхой, Цзянсу, Шаньдун, Хунань, Цзянси, в Гуанси-Чжуанском автономном районе, в Ганьсу, Внутренней Монголии, Хэбэе, Ляонине и в окрестностях Пекина и Тяньцзиня. Такие клеветы появляются еще в конце династии Инь, широко бытуют на протяжении всего периода династии Чжоу и переходят в оружейный комплекс времени Цинь — Хань.

Наиболее развитый V тип отличается от предыдущего вытянутым длинным обухом, резко вздернутым вверх, края которого, как правило, заточены на острие. Боек поднят вверх и дугообразно изогнут (рис. 1, 8). Клеветы этого типа найдены в провинциях Шаньси, Хубэй, Хунань, Цзянсу, близ Пекина и Тяньцзиня. Они датируются временем от конца периода Чуньцю до конца периода Чжаньго.

Находки последних лет заставляют с большей осторожностью относиться к хронологической последовательности типологически выделенных этапов развития чжоуских клеветов «гэ»⁴⁰. В настоящее время можно лишь утверждать, что этот вид оружия развивался по пути умножения

³⁷ Членова Н. Л. Указ. соч., с. 35.

³⁸ Max Loehr. Weapons and tools..., p. 141.

³⁹ Эти типы служат лишь в качестве довольно грубого инструмента первоначального анализа. Более детальная типология клеветов «гэ» — задача специального исследования.

⁴⁰ Таких, как классическая схема Ли Цзи. См. Ли Цзи. Погребения с покойником, лежащим ничком. — Аньин фацзюэ баогао, Пекин, 1931, № 3, с. 471 (на кит. яз.); см. также Li Chi. The beginnings of Chinese civilization. Seattle, 1962, p. 57.

²⁶ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — МИА, № 9. М. — Л., 1949, с. 74, 141; Комарова М. Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. — МИА, № 24. М., 1952, с. 35—37; Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, № 30. М., 1952, с. 104—107; Ілліньська В. А. Скифські сокири. — Археологія, Київ, 1961, т. XII, с. 34—36; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 25—38; Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время. М., 1970, с. 49—505; Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши Мира». М., 1972, с. 120—125; Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979, с. 49—52.

²⁷ Max Loehr. Chinese bronze age weapons. Ann Arbor, 1956, p. 26.

²⁸ Чу Шибинь. Указ. соч., с. 110, рис. X, 2 на с. 111.

²⁹ Дай Инсинь. Указ. соч., с. 36, рис. VIII, 3 на с. 35.

³⁰ Ли Ю. Исследование бронзовых орудий, найденных в сойме Чжаоуда, Внутренняя Монголия. — КГ, 1959, № 6, с. 276, рис. II (на кит. яз.).

³¹ Цзи Синь. Клад бронзовых орудий в деревне Сябодэ, у. Тинцин, Пекин. — КГ, 1979, № 3, с. 228, ил. V, 4 (на кит. яз.).

³² Чу Шибинь. Указ. соч., с. 112, ил. XI, 4.

³³ Max Loehr. Weapons and tools from Anyang and Sybirean analogies. — American Journal of Archaeology, 1949, v. LIII, p. 136.

³⁴ Важные археологические результаты в районе Пекина..., с. 250, ил. III, 1.

³⁵ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. XXI, 1.

³⁶ Киселев С. В. Указ. соч., с. 85, табл. XI, 8 на с. 69.

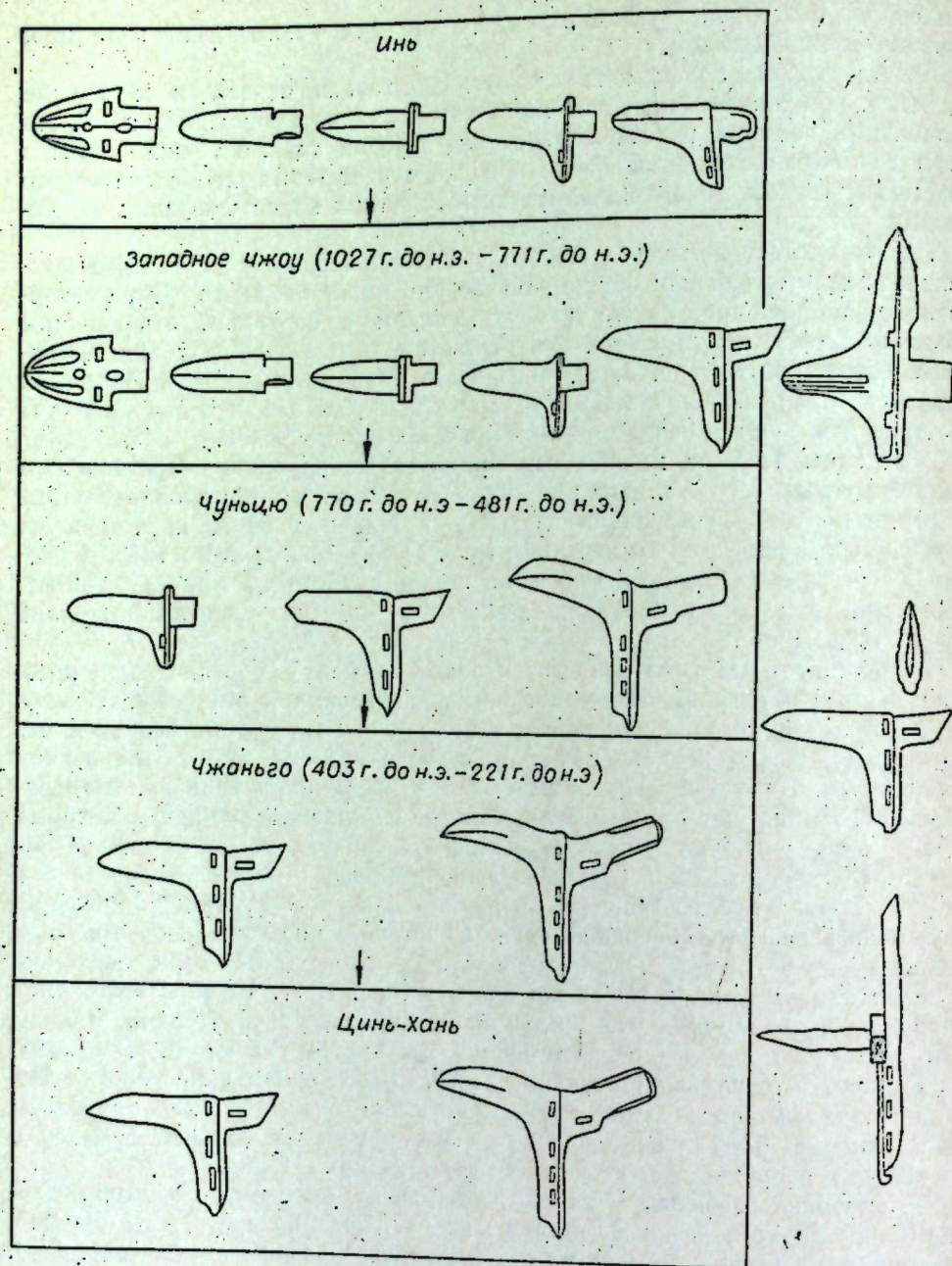

Рис. 2. Хронологическая схема распространения основных типов «гэ» и «цзи».

общего количества более совершенных форм — с постепенно удлиняющейся бородкой «ху» и увеличивающимся числом отверстий вдоль бортика. Однако сами эти формы возникают достаточно рано. Даже самый поздний (по классификации Ли Цзи) тип с длинной «ху» и четырьмя отверстиями вдоль бортика найден в западночжоуской могиле № 7 в Байцаопо⁴¹, и, возможно, появляется уже в иньское время. Клевец, очень похожий на экземпляр из Байцаопо, найден при раскопках чэ-ма кэна № 698 в Иньской столице; правда, он обнаружен в районе нарушающего чэ-ма кэн грабительского лаза и, таким образом, может относиться к

⁴¹ Чу Шибинь. Указ. соч., с. 112, рис. XI, 9 на с. 113.

более поздним вещам⁴². Во всяком случае, клевцы с бородкой «ху» средних размеров с двумя-тремя отверстиями, которые Ли Цзи относил к периоду Восточного Чжоу, не только широко представлены среди последних западночжоуских находок, но найдены также и на некоторых иньских памятниках. Схема типологического развития клевцов «гэ» и оружия «цзи», с учетом последних открытий китайских археологов, приведена на рис. 2.

По своему территориальному распространению ранние (I—III) типы черешковых клевцов связаны в основном с Центральной равниной. Более поздние (IV—V) типы распространяются на юго-восток и на север от долины Хуанхэ, где входят в комплекс вооружения населения древних царств Чу, У, Юэ, Янь и некоторых других, полукитайских или полностью не китайских по своему этническому составу. В то же время этот специфический для собственно Китая вид оружия не встречается в северо-восточных провинциях Хэйлунцзян и Гирин, а также на западе — в Синьцзяне, Тибете, Цинхае и на большей части провинции Ганьсу. Также сравнительно редко встречаются «гэ» и «цзи» в своих классических формах на побережье Южного Китая.

Для абсолютного большинства чжоуских клевцов характерно исключительное единообразие в рамках выделенных типов. Подчас довольно сильно различаясь по размерам (см. таблицу), они вместе с тем удивительно сходны по своим формам — от Ляонина до Хунани (при несколько большей грацильности и орнаментальности южных образцов). Клеветы «гэ» наряду с широким использованием на всей территории древнекитайских государств послужили также прототипом для изготовления подобного вида оружия у народов сопредельных территорий. В первую очередь это относится к царствам Ба и Шу (а также наследовавшему им

⁴² Ян Баочэп, Ян Сичжан. Отчет о раскопках могильника западного района Иньской столицы 1969—1977 гг. — КГСБ, 1979, с. 91 (на кит. яз.).

Основные размеры исследованных типов клевцов

	I	II	III	IV	V
Общая длина	18,5—26	21,5—23,5—26,9	20,5—23—26,9	13—21—33,2	26—31,5
Длина бойка	13,5—18,5	17,0—18,7	16,1—19,3	9,3—16—23,2	14,3
Длина обуха	6,5—7,5	5,0—8,2	4,2—6,5—6,7	1,0—7,5—12	—
Длина бортика	—	—	6,5—9,5	6—13—17	9,6
Ширина бойка (у бортика)	7,3	7,8	3,5	10—22,5	17,5
Ширина обуха	3,8	3—5	2,5—2,8—3,4	1,9—2,5—3,8	2,6—3
Толщина бойка	—	—	0,3	2,5—2,7—3,8	—
Вес	250	168	170—275	0,35—0,7—1,0	0,5—1,5
Длина рукоятки	—	—	—	180—510	133—140

Примечание. При составлении таблицы использованы цифры, опубликованные китайскими археологами. Две крайние цифры в соответствующей графе означают минимальную и максимальную величину данного параметра, средняя цифра (если она имеется) — наиболее часто встречаемую величину. Наличие одной цифры означает, что во всех использованных публикациях приведено только одно значение данного параметра, все размеры даны в сантиметрах, а вес — в граммах.

царству Дянь), искусные литейщики которых не только превосходно копировали оружие Центральной равнины, но и творчески переосмыслив имеющийся опыт и соединив его с иными, скорее всего западными традициями (такими, как широкое применение втулки и украшение обуха фигурами животных в Дянь), создали подлинные шедевры оружейного ремесла⁴³.

Подводя итог исследованию чжоуских клевцов, необходимо подчеркнуть их следующие характеристики:

1. Тесную связь с иньскими традициями, практически все формы клевцов встречаются уже в памятниках позднейиньского или раннечжоуского периодов.

2. Постепенное вытеснение развитыми формами (IV и V типов) более ранних (I, II и III типов).

3. Абсолютное преобладание черешковых клевцов. Отдельные находки втульчатых и большинства проушных клевцов связаны с воздействием степных племен Северо-Запада.

4. Влияние на оружейное дело сопредельных народов. Однако это влияние носило характер не слепого копирования, а творческой переработки формы и украшения чжоуских клевцов.

5. Широкое распространение «гэ» и «цзи» в качестве одного из самых излюбленных и универсальных видов оружия. Апогей их «популярности» приходится на период Чжаньго, после чего начинается спад. Если в циньское время клевцы, сходные с чжоускими, встречаются еще довольно часто⁴⁴, то в период династии Хань их постепенно вытесняют другие виды оружия.

*Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск*

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 1, вып. 1

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1981

С. Т. КОЖАНОВ

ХАНЬСКИЕ КЛЕВЦЫ

В период династии Хань клевцы имели меньшее распространение по сравнению с предшествующими периодами. По-прежнему существовали две разновидности клевцов — «гэ» и «цзи». Ханьские «гэ» по своему строению соответствовали лучшим образцам периода Чжаньго, на который приходился расцвет этой формы. Они также имели черешковое крепление, сужающийся к концу гранчатый боек, длинную, хорошо развитую бородку, обух, часто с заточенными краями, что существенно повышало рубящий эффект клевца. По мнению М. Лоера, впервые заточенный обух у «гэ» встречается в конце Чжоу¹. Усложненные формы обуха (например, в виде крюка) для рассматриваемого периода не отмечены. Вдоль бортика расположены прорези для крепления к древку (обычно три). Наличие бортика, как правило, обязательно.

Ханьские клевцы «гэ» можно разделить на три основные группы, основываясь на положении бойка по отношению к обуху.

1. В первую группу включены клевцы, у которых линия верхнего края бойка совпадает с верхним краем обуха. Примером может служить бронзовый клевец «гэ», обнаруженный в Гонконге² (рис. 1, а). Размеры сохранившихся остатков: длина 7,6 см, ширина 6,3 см, толщина 0,4 см. Вдоль бортика расположено четыре прорези, причем три — одинаковые, щелевидной формы, а четвертая, находящаяся рядом с верхним зубчиком, имеет круглую форму; на обухе имеется отверстие овальной формы. Сюда же относится и бронзовый «гэ», найденный в Чэнду³. Он очень плохо сохранился, вдоль бортика просматриваются три щелевидные прорези, есть прорезь и на обухе (рис. 1, б).

2. Ко второй группе отнесены клевцы, у которых боек по отношению к обуху несколько приподнят. Это видно у бронзового клевца, обнаруженного при раскопках могилы М0172 в городе Чанша⁴. Обращают на себя внимание довольно большие размеры обуха: его длина 8 см, а длина бойка 12 см (рис. 2, а). Края обуха заточены. На поверхности клевца выгравированы пероглифы, написанные почерком «няочжуань», однако плохая сохранность изделия не позволила прочесть надписи. К этой же группе относится и бронзовый клевец из деревни Саньлидунь⁵ (рис. 3, а).

¹ Loehr M. Chinese Bronze Age Weapons. The Werner Jannings Collection in the Chinese National Palace Museum, Peking, Ann Arbor: the Univ. of Michigan Press, 1956, p. 60.

² Чэнь Гунчжэ. Археологические раскопки в Гонконге. — Каогу сюэбао (далее — КГСБ), 1957, № 4, с. 11 (на кит. яз.).

³ Ван Цзяю, Фу Ханьян. Краткий доклад о раскопках западноханьских могил в Хунцзябао, северном пригороде Чэнду. — Каогу тунсюнь (далее — КГТС), 1957, № 2, с. 4, табл. II, 3 (на кит. яз.).

⁴ Вэнь Даоп. Работы в Сымаочун, северном пригороде Чанша. — Вэнь у цань-као цзыляо (далее — ВУЦКЦЛ), 1955, № 11, с. 53 (на кит. яз.).

⁵ Западноханьский могильник в деревне Саньлидунь, уезда Ляньшуй в провинции Цзянсу. — Као гу (далее — КГ), 1973, № 2, с. 82, 84 (на кит. яз.).

⁴³ Тун Эньчжэп. Указ. соч.; см. также Итс Р. Ф. Золотые мечи и колотки невольников. М., 1976.

⁴⁴ Чжоу Вэй. Указ. соч., с. 179, ил. XLVI, 2—4.

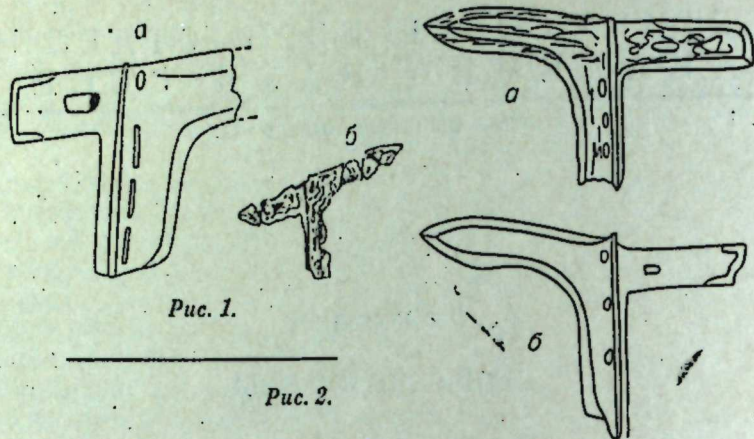

Рис. 1.

Рис. 2.

Клевец сохранился плохо, наверхие, выполненное в виде птичьей фигурки, частично разрушено, длинный обух с заточенными краями обломан, бородка сохранилась не полностью. На сохранившейся режущей части бородки видны дугообразные выемки, этот прием применялся и ранее⁶ для повышения рубящего эффекта «гэ». Боек довольно длинный, несколько расширенный в последней трети, гранчатый, в сечении ромбовидный. Сохранилась одна прорезь вдоль бортика. Размеры сохранившихся частей: общая длина 8,2, ширина 21,4 см; длина сохранившейся части бойка 14,2, ширина (в наиболее широком месте) 2 см; длина обуха 6,2, ширина 1,8 см.

Вместе с клевцом было найдено два втока. Один, цилиндрической формы, оканчивается внизу тремя зубцами, внутри сохранились остатки древка. Диаметр 2,4, высота 19,6 см (рис. 3, б). Второй вток более сложной конфигурации, поверхность покрыта растительным орнаментом, нижняя часть напоминает копытце (рис. 3, в), верхняя — несколько разрушена. Размеры сохранившейся части: высота 14,2 см (предполагаемая высота 16 см), диаметр 2,4 см. Для этого втока, а также для клевца характерна некоторая архаичность узора. В эту же группу входит и бронзовый клевец из Сычуани⁷. Боек слегка приподнят, края обуха, имеющего почти прямоугольную форму, заточены. Вдоль бортика расположены три

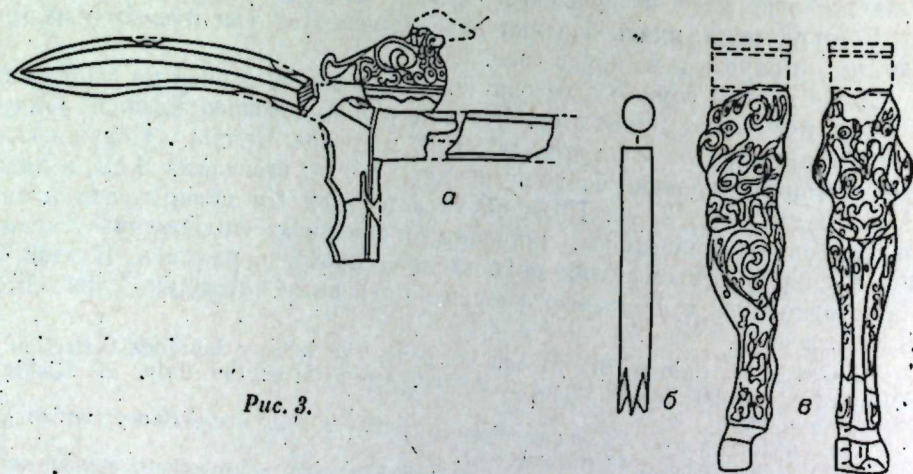

Рис. 3.

⁶ См., например: Чжоу Вэй. Чжунго бинци шигао. (Краткий очерк истории китайского оружия). Пекин, 1957, табл. 21 (на кит. яз.); Loehr M. Op. cit., Fig. 45: 14.

⁷ Фэн Ханьчжи, Туи Энчжэн. Могилы с каменными ящиками в верхнем течении р. Миньцзян. — КГСБ, 1973, № 2, с. 51 (на кит. яз.).

круглых отверстия, такое же отверстие (несколько больших размеров) находится на обухе, верхний и нижний зубчики четко профилированы (см. рис. 2, б). Длина клевца 21,6 см. Очевидно, сюда же относится и бронзовый клевец, найденный при раскопках ханьской столицы г. Чанъань⁸. Сохранился только обломок гранчатого бойка, однако его характерная, слегка изогнутая форма позволяет включить его в эту группу (рис. 4, а). Длина сохранившегося фрагмента 13,5 см. Там же были обнаружены и втоки, схожие по форме, но различные по размерам. В одном сохранились остатки древка, его высота 8,5 см, диаметр 3,2 см (рис. 4, б). Второй несколько меньше, его высота 3 см, диаметр 2 см (рис. 4, в).

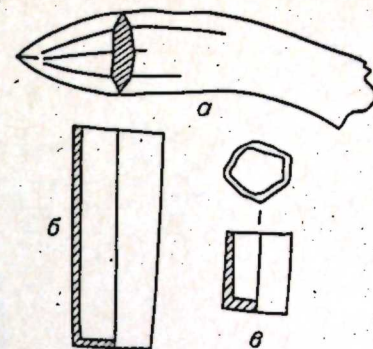

Рис. 4.

3. В эту группу включены клевцы, у которых угол между бойком и обухом составляет около 120°. К ним относится прежде всего бронзовый клевец из Шандуна⁹. Гранчатый боек поднят резко вверх, вдоль бортика расположены четыре овальных отверстия, на прямоугольном обухе — одно отверстие больших размеров. Бородка, боек и обух хорошо заточены. Общая длина клевца 23,1 см (рис. 5, а). На расстоянии 1 м 24 см от «гэ» лежал бронзовый вток, внутри которого сохранились остатки сгнившего древка. В сечении вток напоминает каплю. В средней части тулова имеется выступающее украшение в форме кольца. Поверхность изделия покрыта спиралевидным узором. Высота втока 16,3, диаметр 3,4 см. (рис. 5, б). Резко поднят боек и у клевцов, найденных в Чанша¹⁰. Они изготовлены из камня и хорошо отшлифованы. Отличительной особенностью этих двух клевцов является необычно массивный обух с круглым отверстием, расположенным у самого края, а не как обычно рядом с бортиком. Общая длина клевца 11,5 см (рис. 6, а). Вместе с ними были найдены также два втока. Один из втоков имеет 7,2 см в высоту, в средней части тулова расположены выступающие валики, опоясывающие втоки (рис. 6, в). Второй вток, внешне похожий на первый, сильно поврежден (рис. 6, в). Там же обнаружено два одинаковых наверхия клевцов, выполненные в виде спящих птичек с повернутой назад головой. Длина наверхий 3,5, высота 2,5 см; на нижней плоскости есть маленькое отверстие диаметром 0,5 см для насаживания на клевец (рис. 6, б).

Размеры клевцов различны: длина их у «гэ» колеблется от 7,6 до 23,1 см, а у «цзи» — от 10,8 до 60 см. Некоторые из них предназначались для употребления в качестве погребального инвентаря. Этим объясняются небольшие размеры некоторых находок, особая тщательность обработки, а также хрупкость изделий. В то же время наряду с погребальными экземплярами в захоронениях имелось и настоящее боевое оружие, включая и клевцы.

По сравнению с Чжоу или Чжаньго, клевцы в ханьских погребениях встречаются значительно реже и составляют небольшую часть от всего комплекса вооружения. Это связано прежде всего с тем, что к концу

⁸ Ли Юйчунь. Предварительные результаты раскопок остатков хранилища оружия в ханьской столице Чанъань. — КГ, 1978, № 4, с. 265.

⁹ Цзян Иньцзюй, У Вэньди. Четыре западноханьские могилы у деревни Иньдаюешань близ Линьни. — КГ, 1975, № 6, с. 370 (на кит. яз.).

¹⁰ Чжан Синьжу. Ханьские могилы в местечке Шацзытан, южном пригороде г. Чанша. — КГ, 1965, № 3, с. 117 (на кит. яз.).

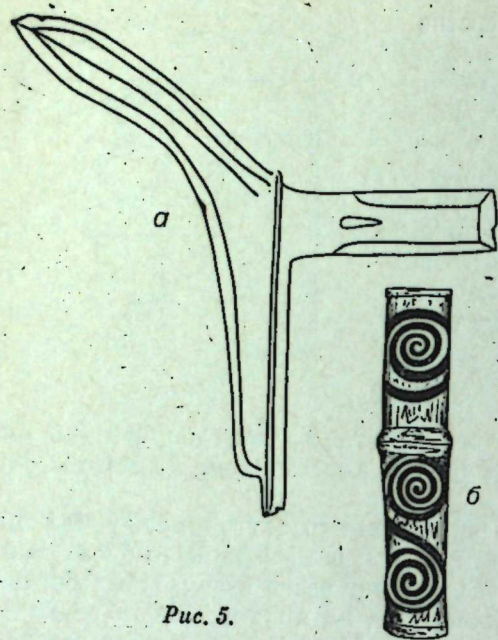

Рис. 5.

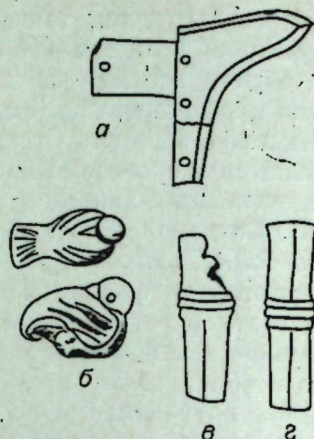

Рис. 6.

основным элементом армии Китая. Это повлекло за собой и изменения в вооружении воинов: главным видом оружия ближнего боя становится длинный меч, а также всадническое копьё. Размеры ханских мечей достигали в длину более 1 м, в то время как в период Чжаньго длина мечей, как правило, не превышала 0,5—0,6 м¹¹. Клеветы на длинных древках, удобные и эффективные при ведении боя с колесниц, в ханское время почти не встречаются. Нами отмечен только один случай обнаружения клеветца, относящегося к рассматриваемому периоду, с длинным древком (примерно 2,5 м)¹², который был найден в Ханчжоу. Клевец железный, покрыт ярко-красным лаком. Размер древка определен по расстоянию между клеветом и втоком, имеющим в сечении квадратную форму. Во всяком случае, колесницы еще некоторое время применялись в ханское время. Об этом свидетельствуют раскопки ханского могильника в Гуанси, где были обнаружены, в частности, так называемые «колесничные клеветы» («чэ-цзи») ¹³. Установить размеры древка в данном случае не представилось возможным. Длина клеветца 17, ширина лезвия 1 см. На бороздке имеются три отверстия для крепления. Обнаружены также втоки, круглые в сечении, высота втоков 10 см.

В Хань клеветы «гэ» были менее распространены, чем «цзи». Эта форма, также традиционная для Китая, возникла еще в Чжоу как результат соединения «гэ» и копья в одно эффективное оружие. По мнению некоторых исследователей, именно с этим оружием княжество Цинь объединило страну, а ханьский император У-ди вел завоевательные походы ¹⁴. Ханьские «цзи» численно преобладают над «гэ» (табл. 1). По своей форме они значительно отличаются от чжоуских. Постепенно исчезает обух, основной упор делается на рубяще-колющий эффект, для

¹¹ Ван Чжуншу. Краткий очерк материальной культуры эпохи Хань.— КГТС, 1956, № 1, с. 62; Синь Чжунго ды каогу шухо (Достижения археологии нового Китая). Пекин, 1961, с. 78 (на кит. яз.).

¹² Краткий доклад о раскопках ханского могильника Чжунлэчжан у села Гутан близ Ханчжоу.— КГ, 1959, № 3, с. 152 (на кит. яз.).

¹³ Захоронение с саркофагом из Хэпунь в Гуанси, относящиеся к Западной Хань.— КГ, 1972, № 5, с. 26 (на кит. яз.).

¹⁴ Li Chi. The beginnings of Chinese civilization. Three lectures illustrated with finds at Anyang. Seattle: Univ. of Washington Press, 1957, p. 58.

усиления которого применяется заточка острия («цы») и бойка. Зафиксированы случаи нахождения футляров-ножен для «цзи» в ханских захоронениях (см. рис. 7, а, 10, б) ¹⁵. Формы клеветов «цзи» чрезвычайно разнообразны. Чжоу Вэй упоминает о так называемом «двойном цзи» («шуан-цзи»), а также о «коротком цзи» («дуань-цзи»). В приведенной Чжоу Вэем подборке цитат из древних сочинений сообщается, что «Сунь Цюань поехал верхом охотиться на тигра, убил (его) с помощью шуан-цзи», а «Гань Нин, держа в руках шуан-цзи, танцевал» ¹⁶. Надо отметить, что аналогичные формы с несколькими лезвиями на одном древке были известны и в более ранние периоды ¹⁷. Как сообщается в «Жизнеописании Дун Фаншо», «до тех пор, пока У-ди сидел в ожидании конца аудиенции, Дун Фаншо стоял с «цзи» в руках». Это, по мнению Чжоу Вэя, указывает на то, что и гражданские чиновники владели этим видом оружия ¹⁸. Клевец «цзи» находился также и на вооружении стражников, охранявших дворцы: «Ян Жэнь издал указ о том, чтобы снабдить Северный дворец охранниками, одетыми в латы и вооруженными «цзи», (чтобы) никто не осмелился тайно проникнуть (туда)» ¹⁹. Иконографические материалы показывают, что охранники пользовались также и клеветами «гэ», а не только «цзи», как полагает Чжоу Вэй ²⁰ (рис. 8).

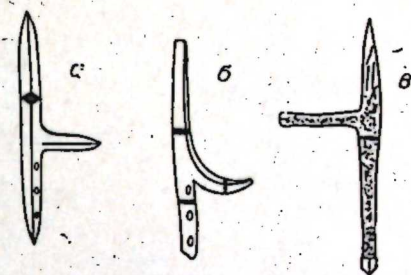

Рис. 7.

Таблица 1

Провинция	Время	Количество	Материал	Провинция	Время	Количество	Материал
«гэ»				«цзи»			
Шаньдун	Зап. Хань	1	Бронза	Пекин	Зап. Хань	1	Железо
Шэньси	Хань	1	Не указан	Шэньси	Хань	6	Не указан
Цзянсу	Зап. Хань	1	Бронза	Цзянсу	Вост. Хань	1	Железо
Аньхуэй	»	2	»	Цзянсу	Хань	4	Бронза (3)
Сычуань	»	1	»	Хэнань	Вост. Хань	2	Железо (1)
Сычуань	»	1	»	Хэнань	Зап. Хань	1	»
Хуань	»	2	Шлифованный камень	Аньхуэй	Хань	4	Бронза
Гонконг	Хань	1	Бронза	Чжэцзян	Хань	1	Железо
				Цзянси	Вост. Хань	6	Бронза
				Хуань	Зап. Хань	2	»
				Гуанси	»	1	»
Итого:		10		Итого:		30	

¹⁵ См., например: Юань Ип, Ли Джун-и. Доклад о раскопках ханских могильников в местности Саньняндун в уезде Яньчэн провинции Цзянсу.— КГ, 1964, № 8, с. 400; Юй Фувэй. Краткие сообщения о найденном могильнике периода Восточной Хань в районе села Цилихэ уезда Цзяньси у г. Лояна.— КГ, 1975, № 2 (на кит. яз.).

¹⁶ Чжоу Вэй. Указ. соч., с. 181.

¹⁷ См. Комиссаров С. А. Чжоуские клеветы.— Изв. СО АН СССР, настоящий номер журнала.

¹⁸ Чжоу Вэй. Указ. соч., с. 182. Биография видного сановника и литератора периода Западной Хань Дун Фаншо помещена в «Ши цзи», цз. 126, а также в «Хань шу», цз. 65.

¹⁹ Чжоу Вэй. Указ. соч., с. 182.

²⁰ Чжоу Вэй. Указ. соч., с. 182; Ван Шичжэнь. Реконструкция первоначального облика ритуальных строений в Датунь, Южном пригороде ханьского города Чанша.— КГ, 1963, № 9, с. 507, рис. 4 (на кит. яз.).

Рис. 8.

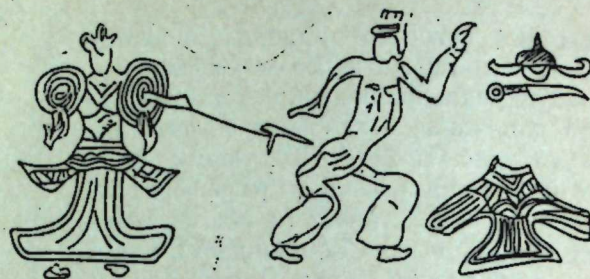

Рис. 9.

Среди каменных рельефов, обнаруженных в провинции Цзянсу, имеется изображение двух сражающихся воинов, один из которых облачен в защитный панцирь и вооружен клевцом «цзи». Второй не вооружен, рядом с ним высечены изображения кинжала с кольцевым навершием, защитного панциря и оружия «гоу-сян»²¹ (рис. 9). Изображенный «цзи» несколько отличается от традиционных форм с бойком, перпендикулярным бородке и острием. Необходимо отметить, что в период Хань продолжается развитие «цзи», и одним из новшеств явилось изменение формы бойка. Его начинают делать несколько изогнутым, напоминающим по форме кривой нож. Причем новые формы сосуществуют с традиционными. При раскопках ханьского могильника в провинции Цзянсу было обнаружено большое количество бронзового и железного оружия, в том числе и интересные нас клевцы. Три из четырех найденных клевцов имели традиционную форму с перпендикулярным бойком (рис. 10, а, в, г). Состояние изделий не очень хорошее, длина сохранившихся фрагментов от 31 до 38,5 см. Боек четвертого клевца слегка изогнутой формы, видны следы заточки внешнего края бойка и острия (рис. 10, б)²². Китайские археологи называют подобные клевцы «напоминающими по форме пероглиф «бу» (гадать)». Находки «цзи» с изогнутым бойком не единичны. В качестве примера можно привести клевцы, найденные в Гуанчжоу²³ (рис. 11, а), Хунани²⁴ (рис. 11, б), Цзянси²⁵ (см. рис. 7; б) и др. Обе формы — традиционная и с изогнутым бойком — были обнаружены и при раскопках ханьской столицы Чанъань²⁶ (рис. 12, а, б). Клевек с изогнутым бойком необычен тем, что изгиб бойка очень велик, и заостренный конец бойка направлен вниз, почти параллельно бородке. Общая длина клевца 46, длина бойка 8,5 см. Особенностью этого изделия является и то, что в отличие от абсолютного большинства «цзи» и «гэ» ханьского времени, в данном случае способ крепления не черешковый, а втульчатый. Пытаясь отобразить своеобразие этого экземпляра, Ли Юйчунь использует термин «гоу-цзи». На наш взгляд, «гоу-цзи» представляет собой скорее сочетание тяжелого копья с крюком; во всяком случае оче-

²¹ Ханьские каменные рельефы на могиле у села Шилипу близ Сюйчжоу в провинции Цзянсу. — КГ, 1966, № 2, с. 70, рис. 4.1; Ян Хун. Древнее китайское защитное вооружение. — КГСБ, 1976, № 1, с. 42. «Гоу-сян» представляет собой своеобразную комбинацию небольшого щита с двумя крюками, использовался как вспомогательное защитное средство. См., например: Ли Цзиньхуа. Железные «юэ-цзи» и «гоу-сян» периода Хань — Вэй (далее — ВУ), 1965, № 2, с. 47—48; Юй Фувай. Указ. соч. (на кит. яз.).

²² Цзян Ифэн, Ли Чжунъи, Шэнь Шимин. Ханьская могила у Синьчжуан близ г. Циньчжоу в провинции Цзянсу. — КГ, 1962, № 10, с. 54 (на кит. яз.).
²³ Ли Цзинь. Краткое сообщение о предварительных результатах раскопок могил периода Восточной Хань в Душань близ Гуанчжоу. — КГТС, 1956, № 4, с. 17 (на кит. яз.).
²⁴ Чжоу Шичжун. Краткий доклад о раскопках ханьской могилы в Душань близ г. Линьин в Хунани. — КГТС, 1957, № 1, с. 29 (на кит. яз.).
²⁵ Хун Чжун. Ханьские могильники в Циньчжоу у г. Нанчан в провинции Цзянси. — КГ, 1960, с. 28 (на кит. яз.).
²⁶ Ли Юйчунь. Указ. соч., с. 264—265.

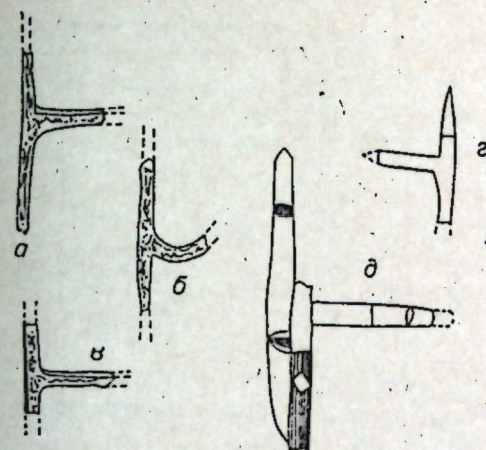

Рис. 10.

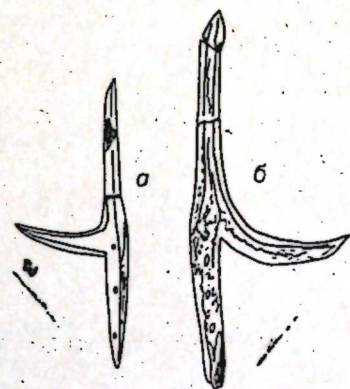

Рис. 11.

видно, что этот вид оружия уже не принадлежит к собственно клевцам, поскольку он является оружием колющего действия, и боек никакой ударной функции не выполняет, будучи вспомогательным приспособлением. Строго говоря, видоизмененные «цзи» с изогнутым бойком также можно считать скорее производными формами от собственно клевцов, так как в них преобладает колюще-режущее действие, а ударная функция бойка значительно снижена.

Благодаря постоянному совершенствованию форм «цзи» на протяжении всего периода Хань применялся достаточно широко, постепенно заменяя «гэ», и в отличие от него еще достаточно долго находился на вооружении, видоизменяясь, утрачивая некоторые старые свои функции, приобретая новые качества. Так, при раскопках в Шэньси были обнаружены рисунки, относящиеся к династии Тан²⁷, на которых были изображены «цзи», где боек и обух выполняют почти одинаковые функции (среди изображенных танских «цзи» можно выделить две разновидности — с «бойком» и «обухом» и только с «бойком») (рис. 13, а). Весьма близок к танским образцам и «цзи», относящийся к минскому времени (рис. 13, б)²⁸.

Следует отметить еще один вид ханьского оружия ближнего боя, отнесенного китайскими исследователями к разряду «цзи», — так называемую «секиру-клевец» («юэ-цзи»). Известны два случая обнаружения этого оружия, причем оба раза — на территории провинции Хэнань²⁹. «Юэ-цзи» представляет собой комбинацию клевца «цзи» и секиры «юэ». Общая длина изделия, найденного в уезде Цзюньсянь, равна 30,5 см, ширина 13 см, лезвие секиры несколько скошено под углом вниз³⁰ (рис. 14). Длина двух других соответственно 24,4 и 24,8 см³¹. Этот вид оружия не отмечен ни у Чжоу Вэй, ни у Го Баоцзюня³². Отсутствие упоминания о «юэ-цзи» в письменных источниках может быть объяснено

²⁷ Ван Шихэ, Хань Вэй, Цзя Жуйюань. Раскопки могилы господина Су, относящиеся к периоду Тан, в уезде Саньян провинции Шэньси. — КГ, 1963, № 9, с. 498, рис. 9, № 5, 6 (на кит. яз.).

²⁸ Чжан Цзюнци. Отчетный доклад о раскопках минско-цинских могил в Ванцзинь близ г. Чангун в Юньнани. — КГ, 1965, № 4, с. 186, табл. VII, 2 (на кит. яз.).

²⁹ Ли Цзиньхуа. Указ. соч., с. 48; Чэнь Лисинь. Восточноханьская могила в парке Бишаган в Чжэньчжоу, провинция Хэнань. — КГ, 1966, № 5, с. 248—251 (на кит. яз.).

³⁰ Ли Цзиньхуа. Указ. соч., с. 48.

³¹ Чэнь Лисинь. Указ. соч., с. 251.

³² Чжоу Вэй. Указ. соч.; Го Баоцзюнь. Гэ цзи юй лунь (Дальнейшее изучение «гэ» и «цзи»). — Лиши юйянь яньцзюся цзицань. Шанхай, 1935, т. 5, ч. 3 (на кит. яз.).

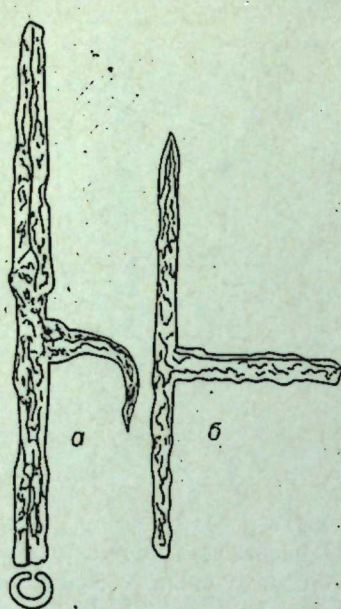

Рис. 12.

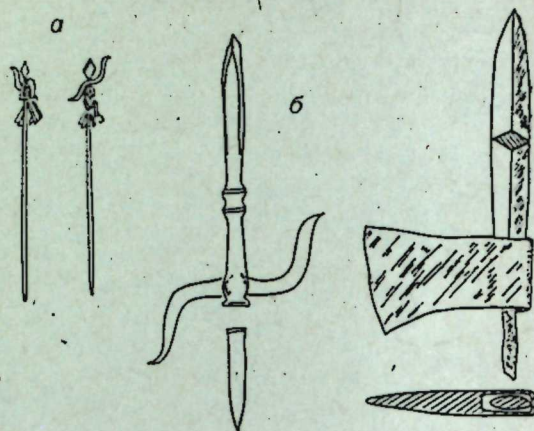

Рис. 13.

Рис. 14.

тем, что Ли Цзин-хуа отнес этот вид оружия к «цзи», основываясь на правиле: «(Если нет острия „цз“, то это „гэ“, (если) есть острие „цз“, то это „цзи“»³³, — тогда как это оружие вполне могло иметь другое название.

География распространения клевцов в ханьское время по сравнению с предыдущими периодами менее обширна. Если в период Цинь в Дунбэе было отмечено наличие «гэ»³⁴, то в рассматриваемое время северная граница распространения проходила южнее, в районе современного Пекина, а западная граница находилась на территории нынешней провинции Сычуань. Основная же часть находок как «гэ», так и «цзи» приходится на центральные, южные и приморские районы страны (см. табл. 1).

Хань — это период сосуществования железного и бронзового оружия. Как известно, железо появляется в Китае примерно в период Чжоу³⁵. В ханьское время техника железоделательного производства получает дальнейшее развитие и совершенствование, что позволило не только увеличить количество железных изделий, но и существенно расширить их ассортимент³⁶. Этому способствовало и то, что в правление императора У-ди изготовление железа было объявлено государственной монополией, по всей стране были созданы специальные департаменты, осуществлявшие контроль за выработкой железа, т. н. «те гуань»³⁷. К концу Восточной Хань железные изделия во многом заменяют бронзовые, существенно увеличился и процент железного оружия. Однако вряд ли можно согласиться с излишне категоричным мнением Янсе о том, что уже в начале

Таблица 2

Материал	Западная Хань	Восточная Хань	Всего	Материал	Западная Хань	Восточная Хань	Всего
	«гэ»				«цзи»		
Бронза	6	—	6	Бронза	7	8	15
Камень	2	—	2	Железо	1	2	3
Всего:	8	—	8	Всего:	8	10	18

Хань бронзовое оружие выходит из употребления³⁸. Процесс этот шел достаточно медленно и постепенно. Что касается клевцов, то бронзовые «цзи» («гэ» для периода Восточной Хань нами не отмечены) в конце рассматриваемого периода численно даже преобладают (табл. 2).

Краткие выводы

1. В ханьское время, как и в предшествующие периоды, по-прежнему используются клевцы, но уже в несколько меньших масштабах. Ханьские клевцы «гэ» являются повторением лучших образцов периода Чжаньго, на который приходится расцвет этой фирмы.

2. С течением времени «гэ» постепенно уступают место клевцам «цзи». Это связано с изменениями в структуре китайской армии: основным элементом ее становится более маневренная кавалерия. «Цзи», сочетавшие в себе свойства копья и клевца «гэ», как более универсальное средство ведения боя, становятся широко распространенными наряду с длинными мечами и копьями. Эта форма клевцов просуществовала достаточно долго, послужив прототипом новых видов оружия ближнего боя.

3. Период Хань — это время сосуществования бронзового и железного оружия. Железоделательное производство получает дальнейшее развитие, широко распространяясь по территории страны. Количественный рост оружия из железа, однако, не позволяет утверждать, что ханьское время характеризуется полной заменой бронзового оружия железным, что подтверждается на примере клевцов.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск

³³ Ли Цзинхуа. Указ. соч., с. 48.

³⁴ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 158.

³⁵ Окладников А. П. Указ. соч., с. 158.

³⁶ Техника выплавки железа и стали в Хань в период Хань. — КГСБ, 1978; № 1, с. 1—23; Ван Кай. Стальной меч из Сюйчжоу, провинция Цзянсу, относящийся ко 2-му году девиза правления Цзянь-чу Восточной Хань. — ВУ, 1979, № 7; Чжэнь Эрцзинь, Чжэнь Вэйхун. К вопросу о хрупкости железных изделий. — КГ, 1962, № 2, с. 101—110; Ян Гань. Характеристика сплава алюминия с медью династии Цинь и предварительное исследование техники его сплава. — КГСБ, 1959, № 4, с. 95; Хуа Цзюэмин, Ян Гань, Лю Эньчжу. Первоначальный доклад о металлографических исследованиях железных изделий периодов Чжаньго и Хань. — КГСБ, 1960, № 1; Гао Линьшэн. К вопросу о выплавке железа в ранние периоды истории Китая. — КГ, 1962, № 2; Сунь Тинля. Металлографическое исследование некоторых железных изделий, обнаруженных в Хойсянь. — КГСБ, 1956, № 2 и др. (на кит. яз.).

³⁷ Окладников А. П. Указ. соч., с. 158; Ван Чжуншу. Указ. соч., с. 62; Синь Чжунго ды наогу шуохо, с. 78—79.

³⁸ Janse. Notes sur quelques epees anciennes trouvees en Chine. — Bul. Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm. II (1930), p. 93.

В. Г. КОСТЮК

ИНТЕРЕСЫ СЕЛЬСКИХ ШКОЛЬНИКОВ ТУВЫ К ОБРАЗОВАНИЮ

Проблемы общего и специального образования, трудового воспитания, профессиональной ориентации молодежи, значимость которых в современный период с каждым годом возрастает, в силу ряда причин имеют специфическое выражение в условиях тувинского села и существенным образом влияют на его социальный облик, на социальное развитие республики в целом.

Две трети населения республики имеют возраст до 30 лет, среди тувинцев их около 70%. Свыше половины населения — сельские жители. В селах проживает основная масса тувинцев — около 80%.

В 1977/78 учебном году в сельских школах обучалось 70% учащихся дневных общеобразовательных школ Тувы. Основная часть тувинцев учится в сельских школах, а большинство русских учащихся — в городских. Среди восьмиклассников, например, у тувинцев обучались в сельских школах 86%, у русских — 30%; среди десятиклассников — соответственно 80 и 29%. Это соотношение за последние 5—7 лет изменилось мало. Однако за этот период в 1,8 раза возросла численность тувинцев — выпускников сельских средних школ и в 1,25 раза — тувинцев-восьмиклассников на селе. У русских этот прирост составил 15—18%. Так что проблемы образования и выбора профессии молодежью тувинского села в первую очередь относятся к коренному населению республики, численность и удельный вес которого на селе в последние годы повышается. Выпускники неполных средних и средних сельских школ составляют основной источник пополнения трудовых ресурсов Тувы.

На материалах конкретных социологических обследований, проведенных в Тувинской АССР в 1973 и 1978 гг.¹, и будет проведен сравнительный анализ интересов к образованию у сельских школьников — тувинцев и русских, юношей и девушек, восьмиклассников и выпускников средних школ. Рассмотрим динамику изменения этих интересов за последние годы, различия в интересах сельской и городской молодежи. Ограничимся в данной статье характеристикой личных планов и реального поведения молодежи в выборе уровня образования после окончания дневной школы.

1. Личные планы восьмиклассников. Восьмой класс дневной общеобразовательной школы в системе нашего образования является первым «распределительным пунктом» общего потока молодежи, получающей обязательное среднее образование. К этому времени у большинства юно-

¹ Обследование 1973 г. проведено в 24 школах Тувинской АССР среди 373 восьмиклассников и 396 выпускников средних школ, а в 1978 г. — в 45 школах среди 1754 восьмиклассников и 740 выпускников по районированной пропорциональной выборке во всех городах и сельских районах республики.

Интересы сельских школьников Тувы к образованию, % в группе

Группы	Вариант поведения	Юноши				Девушки				Юноши и девушки			
		тувинцы		русские		тувинцы		русские		тувинцы		русские	
		1973	1978	1973	1978	1973	1978	1973	1978	1973	1978	1973	1978
Восьмиклассники	Личные планы												
	Учиться в 9 кл.	51	50	64	33	78	73	47	46	65	65	56	40
	Учиться в ПТУ, на курсах	28	25	10	26	6	5	5	10	17	12	7	18
	Учиться в ССУЗе	16	10	20	19	11	19	46	40	13	16	33	30
	Работать после 8 кл.	5	13	6	20	4	2	2	4	5	6	4	11
Выпускники	Учиться в ПТУ, на курсах	10	23	3	11	5	6	5	13	7	12	4	12
	Учиться в ССУЗе	40	36	47	41	59	54	65	57	52	47	59	52
	Учиться в ВУЗе	35	25	38	11	27	32	25	22	30	30	30	19
	Работать после 10 кл.	13	16	12	37	9	7	5	5	10	10	7	15
	Прочее	2	—	—	—	—	1	—	3	1	1	—	2
Восьмиклассники	Реальный выбор												
	Учатся в 9 кл.	72	70	61	48	86	82	68	69	79	77	65	59
	Учатся в ПТУ, на курсах	15	17	7	22	4	8	7	19	9	12	7	21
	Учатся в ССУЗе	2	2	19	9	3	2,5	13	9	3	2	16	9
	Работают	11	10	13	19	6	7	12	2	8	8	12	10
Выпускники	Прочее	—	1	—	2	1	0,5	—	1	1	1	—	1
	Работают	52	45	29	50	52	72	32	48	52	61	30	49
	Учатся в ПТУ, на курсах	6	22	9	12	6	6	17	15	6	12	14	14
	Учатся в ССУЗе	10	8	41	30	31	12	22	20	24	11	30	23
	Учатся в ВУЗе	9	5	15	6	8	3	27	17	8	4	22	13
Выпускники	Прочее	23	20	6	2	3	7	2	—	10	12	4	1

шей и девушек формируются вполне осознанные интересы не только к общему, но и к специальному образованию.

Материалы исследований показывают (см. таблицу), что две трети восьмиклассников-тувинцев и около половины русских восьмиклассников, заканчивающих сельские школы республики, намерены получить среднее образование в дневной школе, причем этот показатель за последние 5 лет остается стабильным для тувинской молодежи и понизился — для русской (за счет снижения вдвое удельного веса планирующих продолжать учебу в девятом классе русских юношей). После средней школы на втором месте по степени предпочтения и у тувинцев, и у русских оказывается среднее специальное образование: такой выбор планирует для себя каждый третий русский и каждый шестой тувинский восьмиклассник. Характерно, что интерес к учебе в техникумах и училищах после восьмого класса у русской молодежи стабилен, и наиболее отчетливо выражен у девушек, среди которых 40% планируют такую учебу; у тувинской молодежи это явление носит более противоречивый характер: интерес к учебе в техникумах явно усилился, а интерес юношей — понизился. В результате ориентации русских и тувинских девушек на среднее специальное образование после восьми классов сближаются, а ориентация юношей — расходятся. Но пока еще среди русских сельских восьми-

классников (и юношей, и девушек) вдвое выше удельный вес планирующих учебу в техникумах, чем среди тувинских.

За последние годы в два раза повысилась доля русских восьмиклассников Тувы, планирующих учиться в системе профтехобразования. Особенно заметно это среди юношей. Теперь эта тенденция наблюдается и у тувинских юношей. Тувинские девушки после восьмого класса по-прежнему в очень незначительной мере ориентируются на учебу в профтехучилищах.

Те юноши и девушки, которые намереваются после восьмого класса поступить на работу, имеют, как правило, слабый интерес к среднему общему образованию, не говоря уже о среднем специальном или высшем образовании. Хотя в общей массе восьмиклассников процент их невысок, важно заметить, что в последние годы он стабилен (5—6%) среди тувинских сельских восьмиклассников в целом и возрос (с 4 до 11%) — среди русских. Потеря интереса к учебе наблюдается в основном у юношей — и тувинцев, и русских, причем доли планирующих работать после восьми классов и у тех, и у других почти утроились. Вполне понятно, что это создает определенные проблемы в получении сельской молодежью республики обязательного среднего образования. Для сравнения укажем, что за эти же годы аналогичный показатель среди городских восьмиклассников — и тувинцев, и русских — уменьшился вдвое, т. е. интерес городских школьников к общему среднему образованию возрос. Тот факт, что каждый седьмой юноша-тувинцев, закончивший 8 классов дневной сельской школы, не намерен дальше продолжать учебу, требует самого пристального внимания педагогов и общественности.

Об интересах восьмиклассников к образованию можно судить также по их перспективным планам. Каждая четвертая девушка-тувинка, заканчивающая 8 классов сельской школы, намерена после средней школы поступить в вуз, каждая третья — в техникум. Аналогичные планы имеют вдвое меньше русских девушек. В то же время лишь 4% юношей-тувинцев из числа восьмиклассников четко ориентируются на последующую учебу в высших, 16% — в средних специальных и 14% — в профессионально-технических учебных заведениях; среди русских юношей — соответственно 8; 8 и 4%. В целом же на поступление в вуз ориентируются 18% тувинских и 11% русских юношей и девушек, заканчивающих 8 классов в сельских школах, на поступление в техникумы — соответственно 27 и 13%, в профтехучилища и на курсы — 9 и 3%.

Итак, к моменту окончания 8 классов дневной сельской школы 6% тувинских юношей и девушек не имеют определенного интереса к образованию, 21% планируют получить профессионально-техническое образование (после восьмого или десятого класса), 43% — среднее специальное, 18% — высшее, 12% — общее среднее без определенных планов в отношении специального образования. Аналогичные показатели для русской молодежи соответственно равны 11, 21, 43, 11 и 14%. Можно сделать вывод о сходстве интересов к образованию у русской и тувинской молодежи. В личных планах русских восьмиклассников выше лишь доля планирующих работать после 8 классов и ниже — поступить в вуз после окончания дневной средней школы.

Интерес к продолжению образования в высших и средних специальных учебных заведениях высказывают 55—60% восьмиклассников, однако среди юношей таковых 30—35%, в то время как среди девушек — 70—80%. Различия в национальном аспекте по этому показателю незначительны. Наиболее низкий уровень интереса к высшему образованию обнаруживается у юношей-восьмиклассников сельских школ, и за последние годы он снижается. Если на селе планируют поступить в вузы 4% тувинских юношей-восьмиклассников, то в городе — 16%, а в школах Кызыла — 24%. Среди русских юношей-восьмиклассников, обучающихся

в городских школах, планируют последующую учебу в вузах 18%. Поскольку подавляющая часть тувинской молодежи заканчивает сельские школы, а русской — городские, то вполне понятно, что уже к восьмому классу обнаруживается существенное различие в интересах тувинских и русских юношей к высшему образованию, которое не может не проявляться в последующем их поведении и действительно имеет соответствующие последствия в «феминизации» кадров высшей квалификации у коренной национальности республики.

2. Личные планы выпускников средних школ. Принимая решение в восьмом классе о продолжении образования в дневной школе, юноши и девушки в большинстве случаев, как было показано, имеют при этом перспективу последующего обучения в учебных заведениях специального образования — высшего, среднего, профессионально-технического. Эта направленность интересов молодежи фиксируется и в личных планах выпускников сельских средних школ.

Свыше 80% юношей и девушек хотели бы продолжить учебу на дневных отделениях учебных заведений, небольшая часть молодежи (3—5%) — на вечерних. При этом больше всего привлекает сельскую молодежь учеба в средних специальных учебных заведениях: такие планы имеют свыше 50% выпускников — и тувинцев, и русских. Характерно, что данная ориентация проявляется и среди девушек, и среди юношей и остается устойчивой в последние годы (впрочем, это имеет место и в других регионах Сибири). Для сравнения отметим, что около 50% городских десятиклассников — и тувинцев, и русских — планируют последующую учебу в вузах и лишь около трети (29—32%) — в техникумах.

За последние 5 лет наблюдается падение интереса к высшему образованию среди русских выпускников в сельской местности Тувы и усиление интереса — в городской местности. Если в 1973 г. планировали поступить в вуз 30% юношей и девушек, закончивших сельские школы, то в 1978 г. — 19%. В городах Тувы этот показатель возрос с 36 до 58%. Наиболее заметно понижение доли планирующих поступить в вузы среди сельских юношей — с 38 до 11%. У сельских выпускников-тувинцев этот показатель оставался стабильным на уровне 30%, а у городских — возрос с 27 до 42%.

За этот же период существенно увеличилась доля выпускников сельских школ республики, ориентирующихся на поступление в профтехучилища и на курсы: среди тувинцев — с 7 до 12%, среди русских — с 4 до 12%. В рассматриваемый период этот показатель одинаков для тувинцев и для русских. Если проанализировать ориентации на профессионально-техническое образование отдельно по группе юношей и группе девушек, то становятся заметными определенные различия в интересах русских и тувинских выпускников. Среди русской молодежи планируют учебу в ПТУ и на курсах после десятого класса примерно равные доли юношей и девушек, в то время как среди тувинской такие планы имеют в большинстве случаев юноши. За последние годы более чем вдвое увеличился процент юношей-тувинцев, желающих поступить в ПТУ и на курсы, процент юношей-тувинцев, желающих среди них практически каждый и сейчас такие намерения высказывает. Для девушек-тувинок характерен четвертый выпускник сельской школы. Для девушек-тувинок характерен устойчивый и слабый интерес к профессионально-техническому образованию после окончания средней школы, в то время как у их русских сверстниц за последние годы этот интерес усилился.

Оrientируются на работу сразу после окончания школы примерно столько же выпускников сельских школ республики, сколько и на учебу в ПТУ и на курсах. Однако если тувинские юноши и русские девушки предпочитают все же в большей степени учебу в ПТУ и на курсах, чем поступление на работу, то русские юноши в основном планируют непосредственную работу, причем за последние годы этот вариант жизненного

пути среди них становится все более популярным. В 1973 г. планировали работать после окончания школы 12% русских юношей, в 1978 г. — 37%.

Сравнивая личные планы выпускников средних школ и личные планы тех восьмиклассников, которые намеревались продолжить учебу в дневной школе, можем сделать вывод, что за период учебы в дневной школе, с девятого по десятый класс, интересы молодежи к образованию в основных своих чертах остались такими же, как и к моменту окончания восьми классов. Сохранилась в целом преимущественная ориентация сельской молодежи на среднее специальное образование, примерно одинаковыми остались доли молодежи, планирующих учебу в вузах, профтехучилищах и на курсах. Этот вывод справедлив и для тувинцев, и для русских. Однако если рассмотреть отдельно группы юношей и девушек, можно обнаружить определенные изменения в интересах. Так, за период учебы в 9—10-х классах среди тувинских юношей увеличилась доля планирующих поступление в высшие учебные заведения (с 8 до 25%), в то время как среди их русских сверстников — уменьшилась (с 24 до 11%). У русских юношей возрос удельный вес планирующих учебу в средних специальных учебных заведениях и непосредственную работу после окончания средней школы.

Среди девушек наблюдались противоположные тенденции: усиление интереса к среднему специальному образованию и уменьшение — к высшему. Наконец, жизненные планы молодежи в отношении образования приобрели за последние годы обучения в дневной школе большую четкость, и всего 1—2% юношей и девушек не имели определенного ответа на вопрос: «Что Вы собираетесь делать непосредственно после окончания школы?».

3. Реальное поведение восьмиклассников. На основе сопоставления личных планов и реального поведения школьников в отношении образования можно судить об устойчивости их интересов к образованию, о характере условий для реализации этих интересов.

Материалы исследований позволяют утверждать, что фиксируемое в личных планах восьмиклассников сельских школ Тувы распределение их интересов к образованию в основных своих чертах сохраняется и в реальном поведении молодежи после окончания восьми классов. Разумеется, речь идет об интересах групп, а у отдельных лиц возможны более или менее существенные коллизии между планами и реальным поведением. Оставили в 1978 г. дневную школу и поступили на работу 8% тувинских и 10% русских восьмиклассников сельских школ республики, т. е. почти столько же, сколько и планировало. Значит, в настоящее время, как и 5 лет назад, примерно каждый десятый сельский школьник Тувы уже после окончания восьмого класса практически теряет интерес к последующему образованию. В основном это юноши, и наиболее отчетливо данное явление заметно у русских, где каждый пятый и планировал, и реально пошел работать на производство.

Учиться в профтехучилищах и на курсах тоже стало столько же восьмиклассников, сколько и планировало: у тувинцев — 12%, у русских — 21%. Иными словами, устойчивым является сформировавшийся у молодежи к восьмому классу интерес к профессионально-техническому образованию, причем за последние годы он вырос (у тувинцев — с 9 до 12%, у русских — с 7 до 21% реально выбравших данную форму образования). Среди русской молодежи сейчас, как и ранее, поступают в профтехучилища примерно равные доли юношей и девушек, среди тувинской — в основном юноши, но заметно в последние годы усиление интереса к массовым рабочим профессиям и у девушек (процент поступивших в ПТУ удвоился в 1978 г. по сравнению с 1973 г.). Среди русских девушек это явление еще более отчетливо выражено (данный показатель почти утроился).

Менее всего удалось осуществить свои планы тем восьмиклассникам, которые намерены были поступать в техникумы и училища (педагогические, медицинские и др.). Среди русской молодежи поступили в средние специальные учебные заведения 9% (планировали поступить 30%), среди тувинской — 2% (планировали — 16%). В наибольшей мере (на 50%) удалось реализовать свои планы русским юношам.

Большие расхождения между личными планами и реальным поведением сельских восьмиклассников в отношении среднего специального образования имеют место, как мы полагаем, не потому, что интерес к нему нестабилен, а по причинам, в первую очередь, объективного порядка (небольшое число вакансий в техникумы и училища республики, особенно на базе 8 классов, меньшая конкурентоспособность сельских школьников по сравнению с городскими при поступлении и т. д.). Действительно, в техникумы и училища поступили 21% русских и 5% тувинских городских восьмиклассников. Кроме того, определенная часть молодежи «придержала» свои планы в отношении техникумов и училищ до окончания средней школы, и это заметно по личным планам и реальному поведению выпускников средних школ.

Именно потому, что у восьмиклассников, даже если они не поступили учиться в техникумы, профтехучилища, есть надежная гарантия продолжить образование в дневной средней школе, стало учиться в девятом классе больше молодежи, чем планировало после 8 классов: среди русских — в 1,5 раза, среди тувинцев — в 1,1 раза.

В девятый класс поступили учиться 77% тувинских и 59% русских восьмиклассников на селе. За последние годы этот процент немного уменьшился среди русских школьников (за счет снижения доли у юношей с 61 до 48%) и остался практически стабильным среди тувинских юношей и девушек. Для сравнения отметим, что и в городах республики тувинская молодежь чаще, чем русская, предпочитает продолжать учебу в дневной школе после окончания 8 классов. Так поступают две трети тувинских и половина — русских юношей и девушек. Однако за последние годы у тувинской молодежи наметилась тенденция к снижению данного показателя (в 1973 г. было 80%). Тувинские ребята, закончившие 8 классов в городских школах, стали чаще поступать учиться в профтехучилища и техникумы. Удельный вес поступивших в профтехучилища в 1978 г. по сравнению с 1973 г. возрос, например, среди тувинских восьмиклассников-горожан с 12 до 17% (среди юношей — с 17 до 28%). Растет, однако, и процент тувинской молодежи, которая, закончив 8 классов в городских школах, теряет интерес к образованию и поступает на работу. В 1973 г. их было всего 2%, в 1978 г. — 8% (среди юношей — 12%, среди девушек — 5%). По данному показателю интересы русской и тувинской молодежи выравнивались. Итак, в реальном поведении молодежи, закончившей 8 классов, отражаются в принципе те же общие черты интересов и те же различия, что и в ее личных планах. Характер изменения этих интересов однороден, по скорости изменения в ряде случаев различна для русской и тувинской молодежи, поэтому отдельные показатели меняются во времени по-разному: одни — сближаются, другие — расходятся. Интересы тувинской молодежи более стабильны, более инерционны во времени. Как и русская молодежь, тувинцы, например, сейчас переориентируются после окончания 8 классов на профессионально-техническое и среднее специальное образование в большей мере, чем это было раньше, но эта переориентация происходит в ряде случаев более медленно. Если интересы русских и тувинских юношей к профтехобразованию, фиксируемые и по личным планам, и по реальному поведению, очень близки, то интересы русских девушек к данному типу образования остаются, как и ранее, более отчетливо выраженными, чем интересы их тувинских сверстниц. То же самое можно сказать об инте-

рессах русских юношей и девушек к среднему специальному образованию.

4. Реальное поведение выпускников средних школ. Как было отмечено выше, основная масса (85—90%) выпускников средних школ республики хотела бы продолжить образование — в основном в средних специальных и высших учебных заведениях. Однако этому пока препятствуют и объективные, и субъективные причины.

Практически полностью реализуются интересы молодежи лишь в отношении профессионально-технического образования. Поступили в профтехучилища и на курсы 12% тувинских и 14% русских выпускников из сельских школ Тувы. Важно отметить, что все группы молодежи — юноши и девушки, тувинцы и русские — уже в первый год после окончания школы добились исполнения своих намерений, а среди русских девушек поступило в ИТУ и на курсы даже больше, чем планировало. За анализируемые 5 лет удельный вес русской молодежи Тувы, поступающей в профессионально-технические учебные заведения после окончания средней школы, оставался стабильным и достаточно высоким, а тувинской молодежи — возрос вдвое. Прирост произошел за счет тувинских юношей (с 6 до 22%). Усиление интереса тувинских юношей к массовым рабочим профессиям заметно и по личным планам и по реальному поведению, в то время как у тувинских девушек и планировало, и реально выбрало эти профессии в 1978 г., как и в 1973 г., всего 5—6%. Это вдвое меньше, чем у русских девушек, и в 4 раза меньше, чем у юношей-тувинцев.

В средние специальные учебные заведения в 1978 г. поступили сразу после окончания сельской школы 11% тувинских и 23% русских выпускников, т. е. реализовали свои планы примерно каждый четвертый тувинский и каждый второй русский выпускник. В наибольшей степени удалось сделать это русским юношам; среди которых поступили на учебу в техникумы и училища три из четырех планировавших, в наименьшей — тувинским девушкам: поступила каждая пятая из планировавших. В 1973 г. данная картина выглядела более оптимистически. Однако тогда было почти вдвое меньше выпускников сельских средних школ республики, и прием в техникумы и училища был меньше, чем в 1978 г., поэтому степень реализации планов была выше. Данное рассуждение справедливо потому, что сельская молодежь Тувы предпочитает в основном поступать в учебные заведения своей республики. Для выпускников городских школ республики в данном отношении характерно следующее. Удельный вес русской молодежи, поступающей после 10 классов в техникумы и училища, изменился мало (1973 г. — 20%, 1978 г. — 18%); а у тувинской — уменьшился с 18 до 11% (за счет того, что среди девушек он снизился вдвое — с 19 до 10%). Кстати, и среди тувинских сельских выпускников снижение доли поступивших в техникумы и училища произошло в основном по группе девушек (с 31 до 12%). По-видимому, данное явление происходит потому, что увеличение приема в средние специальные учебные заведения Тувы, ориентированные преимущественно на «женские» профессии (педагогов, медицинских работников и т. п.), все же не успевало за ростом численности тувинской молодежи, заканчивающей средние школы.

В высшие учебные заведения и ранее поступала небольшая часть (8%) тувинских выпускников сельских школ, а в 1978 г. их удельный вес снизился до 4%. Это тоже в значительной мере следствие узости их профессиональных интересов, преимущественной ориентации тувинской молодежи на профессии педагогов, врачей, работников культуры. Городская молодежь имеет больше шансов на поступление в вузы, и реально поступает в вузы среди тувинских юношей и девушек 16—20%, среди русских — 25—35%. Уменьшился (с 22 до 13%) также удельный вес русской молодежи, поступившей в высшие учебные заведения после

окончания сельской школы, и особенно заметно это по группе юношей. Однако русские юноши и девушки в меньшей степени, чем тувинские, и планировали учебу в вузе, поэтому степень реализации планов у них оказалась существенно выше, чем у тувинских: 68% по сравнению с 13%. В наибольшей мере реализовали свои планы русские девушки (77%), в наименьшей — тувинские (10%). Различия по данному показателю между тувинской и русской молодежью, как видим, существенны. Как, впрочем, и различия между городской и сельской школой республики. Поэтому обучение тувинской молодежи в городских школах сохраняет очень важную роль в подготовке будущих кадров высшей квалификации из числа коренной национальности республики.

В связи с отмеченными выше явлениями за 1973—1978 гг. возрос удельный вес молодежи республики, которая после окончания средней школы поступает на работу. Это имеет место и в селах, и в городах. Приступили к работе около половины русских и около 60% тувинских выпускников сельских школ. Больше всех их среди девушек-тувинок (72%).

Безусловно, у определенной части молодежи сохраняется интерес к последующему образованию, и она сумеет реализовать его в последующие годы. Пока же можно лишь отметить, что примерно половине выпускников сельских школ республики удалось реализовать свои интересы к образованию — хотя и далеко не полностью — уже в первый год после окончания школы. По мере расширения системы специального образования в республике, особенно профессионально-технического и среднего специального, все большая часть молодежи будет вступать в трудовую жизнь, проходя специальную подготовку в различного рода учебных заведениях.

Материалы исследований позволяют утверждать, что интересы к образованию у тувинской и русской молодежи в целом однотипны, их изменение во времени подчиняется одним и тем же закономерностям, хотя темпы изменений по некоторым показателям отличаются. Изучение тенденций изменения этих интересов имеет практическую значимость в управлении процессами подготовки кадров, развития различных подсистем образования, трудового воспитания и профессиональной ориентации молодежи.

*Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск*

А. А. ГОРДИЕНКО

**ПРИЖИВАЕМОСТЬ МОЛОДЕЖИ
В РЕГИОНАХ НОВОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ**
(приживаемость как субъективный процесс)

При исследовании проблем приживаемости — перехода новоселов в состав постоянного населения — в регионах нового освоения Сибири основное значение придается ее функции, связанной с эффективностью общественного производства. Низкая приживаемость, интенсивный обратный отток населения из этих районов ухудшают качественную структуру рабочей силы, затраты государства по территориальному перемещению людей принимают характер безвозвратных потерь. Это в значительной мере предопределило направление исследований процесса приживаемости, в которых преобладает экономический подход, и прежде всего исследование объективных факторов (системы материального стимулирования, уровня развития социально-бытовой инфраструктуры и т. д.), позволяющих сократить безвозвратные потери государства на обратную миграцию¹.

Постепенно накапливаются данные, свидетельствующие об ограниченности такого подхода. Эти данные позволяют, в частности, утверждать, что социальная политика, построенная на учете только объективных факторов, оборачивается идеологическими издержками. Так, существующая система стимулирования приживаемости в районах нового освоения Сибири формирует «относительно не типичные для условий социализма» ценностные ориентации работников. Об этом свидетельствуют, в частности, социологические исследования, проведенные на предприятиях Норильска, где «в два с лишним раза выше, чем в среднем по промышленным предприятиям средней полосы и юга, удельный вес тех, чье отношение к работе определяется формулой: «хороша любая работа при высокой зарплате»; здесь единственное место, где в системе общих жизненных ценностей материальная обеспеченность устойчиво занимает первое место (на предприятиях «материка» она занимает у рабочих второе-третье, у ИТР — третье-четвертое место)»².

Этот факт говорит о том, что существует отрыв материального стимулирования (которое играет основную роль при социализме) от морального, объективных факторов приживаемости — от субъективных.

Отрыв объективных факторов приживаемости от субъективных имеет место уже на этапе привлечения работника в район освоения. На некоторых стройках в новых регионах Сибири доминирует такой мотив прибытия, как стремление побольше заработать. Но конкретные исследова-

¹ См., например: Лысенко В. Л. Вопросы оптимизации капиталовложений в социально-бытовую инфраструктуру района интенсивного индустриального освоения. — В кн.: Районы хозяйственного освоения и экономический рост Сибири. Новосибирск, 1978, с. 130—146.

² Основные проблемы комплексного развития Западной Сибири. — Вопросы философии, 1979, № 1, с. 36.

ния показывают, что существует обратная корреляционная зависимость установки на постоянную трудовую деятельность в регионе освоения от уровня ориентации индивида на заработную плату. «Работники, ориентированные главным образом на заработную плату, а не на смысл и содержание труда, не задерживаются здесь и уезжают»³. Таким образом, «материальный стимул, будучи мощным средством привлечения кадров в район нового освоения, не может обеспечить формирование постоянных кадров, если он рассматривается вне единства с социально-психологическими и нравственными установками личности, с ее жизненной позицией»⁴.

Исследование приживаемости как процесса, обусловленного теми или иными объективными факторами, без анализа субъективных факторов не позволяет составить правильное представление о его механизме. Работник в процессе приживаемости выступает как субъект. Оценивая те или иные обстоятельства в соответствии со своими ценностными ориентациями, он принимает решение о сроке работы в районе освоения, т. е. воздействие тех или иных объективных факторов опосредовано внутренним, субъективным, миром индивида.

В настоящее время имеются попытки анализа влияния мотивов прибытия, предполагаемых сроков проживания на приживаемость⁵. Однако исследование субъективной стороны приживаемости требует теоретического воспроизведения в концептуальной форме в целом всего процесса самоопределения личности в специфических условиях нового освоения, нуждается в рассмотрении динамики внутреннего мира личности в единстве с объективными обстоятельствами.

Освоение новых регионов Сибири можно представить как процесс, состоящий из двух этапов. Первый этап характеризуется существенным отставанием социального освоения от промышленного. На первоначальном этапе освоения в этих районах отсутствуют благоустроенное жилье, объекты социально-бытовой инфраструктуры, т. е. складывается экстремальная социальная ситуация. Второй этап связан с достижением более высокого, чем в среднем по стране, уровня жизни, компенсирующего трудные природно-климатические условия. Для первого этапа характерна фигура первопроходца, для второго — постоянного жителя.

Первопроходец — это мобильный работник, главная фигура на первоначальном этапе освоения. Этот тип личности характеризуется своими особенностями стабилизации. Если для постоянного жителя в качестве основного условия закрепления выступают объективные факторы, то у первопроходца процесс закрепления определяется в первую очередь, видимо, субъективными, личностными качествами.

Рассматриваемая со стороны субъекта приживаемость на первоначальном этапе освоения предстает как процесс формирования определенных форм социальной активности и жизнедеятельности, определенного типа личности, именно как формирование первопроходца. Теоретическое воспроизведение становления первопроходца связано с переходом от определения личности как элемента социально-исторического процесса к определению ее как внутренне детерминированной активной и самостоятельной системы⁶. Формирование такого представления, во-первых, требует теоретического воспроизведения «бытия личности как процесса, обладающего собственной направленностью, внутренней детерминацией»⁷,

осуществляющего комплексное развитие Западной Сибири. — Вопросы философии, 1978, № 11, с. 27.

⁴ Там же.

⁵ См., например: Гапонова Т. Г. Проблемы приживаемости новоселов на севере Западной Сибири. — Социологические исследования, 1977, № 2, с. 102—104.

⁶ См. Кемеров В. Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977, с. 174.

⁷ Там же, с. 168.

во-вторых, связано с анализом «бытийных предпосылок этой направленности», т. е. рассмотрением «динамики внутреннего мира личности, ее психики, ее сознания как результата и момента динамики ее бытия, как средства развертывания этого бытия»⁸.

Исследование «бытийных предпосылок направленности» личности первоначально предполагает анализ тех сторон взаимодействия индивида и общества, которые характерны для первоходца, выделение среди всей совокупности отношений тех связей, реализующихся в его жизнедеятельности, которые имеют первостепенное значение для формирования его способа освоения общественных отношений. При этом само понимание способа освоения общественных отношений «должно предстать в теории как определенная последовательность, иерархий социальных связей, освоенных человеческим индивидом, трансформированных и воспроизводимых им в качестве форм своей жизни и деятельности»⁹.

Выделение специфичных для первоходца способов освоения общественных отношений возможно путем рассмотрения связи личности и крупных программ преобразования общества, в рамках которых осуществляется деятельность первоходца. Плановость развития социалистического общества в своей конкретности выступает и как формирование и реализация крупных социально-экономических программ. Строительство и освоение зоны БАМа, развитие нефтегазоносных районов Тюмени, подъем Нечерноземья — это долгосрочные, научно обоснованные программы, предусматривающие качественные, всесторонние преобразования, создающие широкие исторические перспективы для развития крупных регионов страны.

Программы и планы общественного развития оказывают «большое влияние на формирование потребностей и интересов масс, на общественную психологию, на мировоззрение и трудовую активность трудящихся»¹⁰. Повышение уровня обобществления труда на этапе развитого социализма, дальнейшее упрочение социально-политического единства советского народа стимулируют интегрированность индивида с обществом. Индивид глубже, непосредственнее осознает себя частью социального целого, личная судьба теснее связывается с важнейшими событиями страны, личные жизненные планы — с объективной логикой общественного развития. В этих условиях «плановая организация общества теснейшим образом связана с перспективностью сознания трудящихся... Эта перспективность сознания вплетается необходимым образом в их действия в настоящее время»¹¹. «Иными словами, будущее посредством поставленных обществом целей превращается в реальную составную часть современных материальных интересов и общих стремлений трудящихся»¹².

Таким образом, рост значения и роли тех социально значимых сущностных черт социализма, которые связаны с перспективным планированием, с плановостью вообще, необходимо влияет на развитие личности, и прежде всего на побудительные силы деятельности личности. «Динамика и логика современного социального развития ставят вопрос о резком возрастании роли и значения того важнейшего структурного элемента в системе социальной ориентации современного человека, каким являются жизненные планы, ценности, установки, связанные с осознанием широких исторических перспектив, с принятием общесоциальных программ, рассчитанных на завтрашний день, ориентированных на будущее обще-

⁸ См. Кемеров В. Е. Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977, с. 168—169.

⁹ См. Кемеров В. Е. Указ. соч., с. 214.

¹⁰ Методологические проблемы социального предвидения. Киев, 1977, с. 207.

¹¹ Чагин Б. А. Субъективный фактор. Структура и закономерности. М., 1968, с. 99—100.

¹² Научно-техническая революция и социализм. М., 1973, с. 318.

ство»¹³. В дальнейшем мы будем называть данный элемент социальной ориентации личности ориентацией «на далекую перспективу»¹⁴.

Развитой социализм не только требует этих качеств от личности, но и обеспечивает их развитие. В особенности это касается молодежи. По-дущее, поэтому молодежь отзывчива именно на перспективные программы развития общества. Реализация перспектив общества есть условие для развития молодежи.

Потребности развития определяют специфическое состояние формирующегося молодого человека. Удовлетворение их происходит посредством практического усвоения общественных норм и ценностей, принятия ценностей формирующейся личностью представляет собой оригинальную задачу и неотделимо от их применения. Поэтому процесс усвоения связан с особым состоянием молодого человека, суть которого социально-творчество. Молодежь не просто приспосабливается к обществу, а творит его, является его субъектом, интегрируется в нем как в своем обществе. Все это порождает интерес молодежи к социально-преобразовательной деятельности, столь характерной для крупных социально-экономических программ.

Таким образом, включение новых поколений в активную общественную жизнь имеет две стороны: социализацию молодежи и обновление общества. Болгарский социолог П.-Э. Митев называет процесс обновления общества ювентизацией. Он пишет: «Общество моделирует молодежь «по своему образу и подобию», но вместе с тем омолаживается. Молодежь, вкладывая свою молодость в общественную систему и обновляя ее, наряду с этим сама стареет... Социализация охватывает процесс, посредством которого общество производит молодежь; ювентизация — процесс, посредством которого молодежь творит общество. Между этими двумя процессами существует глубокое единство. Полноценное включение молодежи в социальную систему (т. е. полноценная социализация) возможно только, если молодежь вносит свой вклад в развитие общества (т. е. при полноценной ювентизации). И наоборот, полноценное социальное творчество (т. е. полноценная ювентизация) возможно только на базе преемственности (т. е. при полноценной социализации)»¹⁵.

Только социализм, впервые выдвигая ювентизирующую программу, непосредственно связанную с перспективами развития общества, обеспечивает оптимальное равновесие процессов социализации и ювентизации. Одним из элементов ювентизирующей программы являются ударные комсомольские стройки в районах освоения Сибири. Мы рассматриваем такие стройки как социальный институт, который по сути призван обеспечить широкий простор для социального творчества молодежи, где складывается оптимальное соотношение между потребностями молодежи и условиями их реализации. Поэтому приезд молодежи на эти стройки и может быть интерпретирован и как удовлетворение потребности развития, как стремление к практическому участию в процессе социальных преобразований.

Как следует из сказанного, потребности и интересы молодежи таковы, что обеспечивают интериоризацию зафиксированных в социалисти-

В кн.: Замошкин Ю. А. Проблемы социальной ориентации молодежи. — В кн.: Общество и молодежь. М., 1973, с. 53.

¹⁴ При этом мы следуем традиции А. С. Макаренко, подчеркившего большое значение для развития личности согласования личных жизненных планов, «личных перспектив далекого типа» и «широкой советской перспективы». См. Макаренко А. С. Соч. 2-е изд., т. 5. М., 1958, с. 74—82.

¹⁵ Митев П.-Э. Теоретические предпосылки стандартизации социологических переменных в исследовании молодежи. — В кн.: Проблемы молодежи. Информационное приложение № 10. София, 1977, с. 21—22.

ческом обществе ценностей и установок, связанных с такими сущностными чертами его, как перспективность и плановость развития. Будучи интериоризованы, эти ценности и установки образуют определенную ориентацию¹⁶ личности, представляющую собой предрасположенность к идентификации с той социальной деятельностью, с теми ролями, которые характерны для перспективных программ общественного развития. Эту ориентацию мы называем ориентацией на далекую перспективу. Таким образом, формируя ориентацию на далекую перспективу, общество как бы подводит молодежь к выявлению тех потребностей развития, которые имеют общественный смысл. Такая ориентация выступает как своеобразный механизм, с помощью которого общество закрепляет потребности индивида на определенных общественно необходимых видах деятельности. Происходит это посредством конкретизации, опредмечивания (выбора объектов) потребностей. Для первоходца характерен выбор в качестве объекта потребности социально-преобразовательной деятельности в рамках конкретной программы развития производительных сил общества.

Процесс развития первоходца или присвоения им социально-преобразовательной деятельности, характерной для регионов нового освоения Сибири, может быть условно расчленен на два этапа. Первый этап связан с опредмечиванием потребности развития, результатом его является приезд на конкретную стройку в район освоения. Этот этап может быть представлен как процесс идентификации индивида с объективной ролью первоходца, с его моделью, пропагандируемой обществом. Идентификация происходит путем трансформации социально значимых черт, норм, требований, деятельности, генерализуемых образом первоходца в личностно значимые социальные мотивы поведения. Первичное усвоение индивидом требований, генерализуемых моделью первоходца, происходит как его идентификация с ближайшими программными, перспективными социально значимыми целями деятельности, характерными для первоходца.

В результате идентификации возникают определенные социальные установки¹⁷, состояния готовности личности к определенной деятельности в определенных условиях в соответствии с необходимостью реализовать избранные социально значимые ценности и цели. В процессе согласования этих установок с ориентацией на далекую перспективу происходит конкретизация последней, она выступает теперь как ориентация на определенный вид социально-преобразовательной деятельности, наполняется личностным содержанием, приобретая тем самым личностный смысл, связывается с личностными перспективами.

Второй этап становления первоходца происходит как включение индивида в «поле» деятельности, характерное для первоходца, и характеризуется образованием специфических форм социальной активности и жизнедеятельности. Ориентация на далекую перспективу, сформировавшаяся на первом этапе, выступает здесь как относительно самостоятельное образование и должна быть рассмотрена как средство развертывания бытия личности в районе освоения. Деятельность, в которую включается личность в районе освоения, «отбирается» в соответствии с отдельными актуализированными социальными установками в зависимости от ситуа-

¹⁶ «...Ориентация — это целая система установок, в свете которых индивид (группа) воспринимает ситуацию и выбирает соответствующий образ действий». — См. Кон И. С. Социология личности. М., 1967, с. 28.

¹⁷ Результаты опредмечивания потребностей «закрепляются с помощью особых мотивационных образований... Эту функцию фиксации определенной направленности различных потребностей способов действия по их удовлетворению выполняют установки, ценности, интересы, цели субъекта». Причем центральную роль играют установки. См. Дилгенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей. — Вопросы философии, 1977, № 2, с. 115.

ции»¹⁸. При этом социальные установки, образующие ориентацию далеккой перспективы, являются тем регулятором поведения, который обеспечивает преемственность развития первоходца.

Жизнедеятельность молодого человека в районе освоения выступает благодаря этому как процесс формирования сущностных, личностных качеств, характерных для развитого социализма. Поэтому именно ориентация далеккой перспективы отражает глубинные, сущностные побудительные силы, обуславливающие принятие решения о приезде и приезд в районы освоения. Такие побуждения, как стремление заработать, купить машину, для социалистической личности не являются сущностными. Для людей, имеющих такие побудительные мотивы приезда, характерна повышенная обратная миграция, что подтверждают данные, свидетельствующие об обратной корреляционной зависимости установки на постоянную трудовую деятельность в регионе от уровня ориентации индивида на заработную плату. Приехав в район освоения, они быстро осознают, что те условия, которые характерны для первоначального этапа, никак не перекликаются с особенностями их личности, приезд не обусловлен личностными потребностями и ориентациями, а мотив «заработать деньги» не может «конкурировать» с мотивами, обусловленными сущностными потребностями личности, и люди уезжают.

Для молодых людей с развитой ориентацией на далекую перспективу условия освоения более адекватны потребностям развития, поэтому следует ожидать, что они будут иметь более продолжительный срок проживания, более высокую приживаемость в районе освоения.

Советские социологи констатируют большое влияние на личность ориентации на далекую перспективу. Люди, имеющие ориентацию такого типа, характеризуются внутренней целеустремленностью, способностью преодолевать трудности и конфликтные ситуации, умением мобилизоваться для активной и длительной борьбы за прогрессивное развитие общества¹⁹.

В этой работе на конкретном материале мы проверили предположение о том, что молодые люди с более развитыми ориентациями на далекую перспективу имеют более продолжительный срок проживания, более высокую приживаемость. Проверка проведена на примере анализа потенциальной приживаемости молодых строителей БАМа²⁰, являющейся типичной стройкой первоначального освоения.

Для проверки необходимо было осуществить операционализацию понятия «ориентация на далекую перспективу». Не затрагивая во всей полноте эту проблему, отметим, что в качестве индикаторов ориентации на далекую перспективу приняты мотивы прибытия на БАМ и мотивы повседневного производственного труда. Шкалирование и группирование эмпирических индикаторов позволило выделить три типа социальной ориентации.

Первый тип — это наиболее развитая ориентация. Индивиды, имеющие такую ориентацию, характеризуются принятием долгосрочных программ общественного развития, пониманием общественной полезности своего труда, своего общественного долга. Как видно из таблицы, данный

¹⁸ Истошин И. Ю. Ценностные ориентации в личностной системе регуляции поведения. — В кн.: Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979, с. 263.

¹⁹ См. об этом: Замошкин Ю. А. Указ. соч., с. 78; Кон И. С. Указ. соч., с. 99—100.

²⁰ Данная работа выполняется в рамках исследовательского проекта «Строитель БАМа-77», осуществляемого отделом социологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР совместно с сектором социальных проблем личности и социологии СО АН СССР совместно с сектором социально-экономических проблем АН СССР. Составители методики «Строитель БАМа-77» — канд. филос. наук А. Н. Алексеев, канд. филос. наук В. Н. Дьяченко. Обследованном по названной методике были охвачены 1140 рабочих-строителей Центрального участка БАМа.

Потенциальная приживаемость групп строителей БАМа, характеризующихся разным уровнем развития ориентации на далекую перспективу, в %

Группа строителей	Количество строителей в группе	Потенциальная приживаемость						Другие планы
		Планируют уехать до окончания срока договора	Намерены работать не дольше срока договора	Решение о дальнейшей работе примут после окончания договора	Предполагают работать до окончания стройки	После окончания стройки планируют остаться в зоне БАМа		
Молодые строители								
Первая	45,9	8,2	8,5	45,5	29,1	6,3	2,2	
Вторая	35,8	11	8,1	52,1	18,1	4,8	4,8	
Третья	18,3	9,3	19,6	53,3	11,2	2,8	3,7	
Всего . . .	100	9,8	10,4	49,3	21,9	5,1	3,4	
Строители старшего возраста								
Первая	37,3	3,6	13,1	41,7	28,6	13,1	0	
Вторая	34,2	7,8	19,5	46,7	16,9	3,9	5,2	
Третья	28,4	7,8	14,1	51,6	15,6	4,7	6,3	
Всего . . .	100	6,2	15,5	46,2	20,9	7,5	3,5	

тип наиболее распространен среди строителей БАМа. Второй тип ориентации менее развит, имеет меньшее влияние на поведение индивида, неустойчиво проявляется в его поступках. В данном случае ориентация на далекую перспективу проявляется либо только в момент прибытия, либо в повседневном труде. Поведение личности, тяготеющей к такой ориентации, отличается меньшей устойчивостью и последовательностью. Третий тип не развит и не проявляется в тех показателях, которые рассматриваются нами как информативные относительно ориентации на далекую перспективу. Этот тип меньше всего характерен для строителей БАМа.

Из таблицы видно, что потенциальная приживаемость строителей БАМа зависит от уровня развития ориентации на далекую перспективу. Так, среди молодых строителей, имеющих первый тип ориентации, в 2,6 раза больше доля желающих работать до окончания строительства, чем среди молодых строителей с третьим типом ориентации. Коэффициент сопряженности Юла, вычисленный для первой и третьей группы при укрупнении шкалы признака потенциальной приживаемости до двух значений: «Предполагает работать до окончания стройки и более» и «Собирается работать не до окончания стройки» — у молодежи равен 0,54. Это указывает на тесную связь ориентации на далекую перспективу и предполагаемого срока работы. У старших возрастных групп эта связь несколько меньше (коэффициент сопряженности равен 0,47). Итак, строители БАМа, характеризующиеся развитыми ориентациями на далекую перспективу, имеют и более высокую потенциальную приживаемость. Развитие ориентации на далекую перспективу

Развитие ориентации на далекую перспективу как фактора самоопределения индивида в регионе нового освоения накладывает определенные требования на социальное управление. Необходимо постоянная актуализация этой ориентации, что может обеспечиваться правильным соотношением интересов личности и общества. Создавая перспективы общества, молодые люди создают свои перспективы, и должны постоянно убеждаться в этом, т. е. должны ощущать конкретные изменения условий своей жизнедеятельности. В практике социального управления необходимо выделять и развивать те элементы жизненной среды первопроходца, которые обуславливают ориентацию на далекую перспективу.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск

№ 1, вып. 1

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

1981

М. М. ТРАСКУНОВА

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Осуществление планов социалистического строительства, ускоряющиеся темпы научно-технического прогресса придают особое значение пополнению рабочего класса, крестьянства, народной интеллигенции. В условиях современной Сибири основной источник этого пополнения — молодежь.

Социально-профессиональные ориентации молодежи формируются при сложном взаимодействии объективных условий и субъективных особенностей личности. Их формирование — длительный процесс, одним из важнейших этапов которого является жизненный план молодого человека относительно будущей профессии и соответствующего ей уровня образования. В планах оканчивающих среднюю школу юношей и девушек как бы в снятом виде отражаются экономические, социальные и прочие особенности региона, структура рабочих мест, наличие учебных заведений, набор профессий в них, престиж отдельных профессий в обществе и т. д.

В связи с этим интересно проследить динамику жизненных планов, отношения к профессиям выпускников средних школ Новосибирской области в 1965—1975 гг. Это десятилетие характеризовалось рядом качественных перемен, вызванных воздействием целого комплекса экономических, социальных, демографических, социально-психологических и других факторов.

В результате интенсивного развития народного хозяйства области, механизации, электрификации и автоматизации производства произошли изменения в структуре потребностей в кадрах по отраслям и уровням квалификации. Совершенствование всей системы образования на всех ступенях включало переход ко всеобщему среднему образованию, появление нового вида профессионального образования — профтехучилищ, дающих общее среднее образование, изменение правил приема в вузы и средние специальные учебные заведения, открытие в области новых учебных заведений разных уровней, расширение набора специальностей в них в соответствии с потребностями народного хозяйства региона и т. д. Особенность демографической ситуации этого периода — так называемая «демографическая волна»: до 1965 г. вузы г. Новосибирска могли принять больше юношей и девушек, чем выпускали средние школы области; в 1965 г. соотношение это было почти 1:1, в 1966 г. выпуск в школах превысил прием в вузы в 2,8 раза, с 1968 г. — в 1,8 раза, после чего ситуация стабилизировалась на этом уровне⁴. Эти обстоятельства в сочетании с мерами по повышению престижа ранее непопулярных про-

¹ Константиновский Д. Л., Костюк В. Г., Траскунова М. М. Социально-профессиональные ориентации молодежи Сибири (региональный аспект). — Изв. СО АН СССР, 1979, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2.

Таблица 1
Планы и реальное поведение выпускников средних школ Новосибирской области в 1965 г. %

Вид деятельности	Регион в целом			Городская местность			Сельская местность		
	юноши	дев.	все	юноши	дев.	все	юноши	дев.	все
<i>Планировали</i>									
Учиться	90	89	90	90	89	89	87	86	87
в вузах	69	79	75	78	77	77	50	80	68
в ср. спец. уч. заведениях	21	10	15	12	12	12	37	6	19
в ПТУ, на курсах	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Работать	10	11	10	10	11	11	13	14	13
<i>Реально осуществили</i>									
Учатся	65	54	57	72	56	62	50	46	46
в вузах	51	43	46	61	46	52	30	39	34
в ср. спец. уч. заведениях	14	10	11	11	9	10	20	7	12
в ПТУ, на курсах	—	1	—	—	1	—	—	—	—
Работают	35	43 *	40 *	27 *	40 *	35 *	50	48 *	49 *

* Остальные реализовали непредусмотренные варианты.

фессий, активизацией внимания общества к экономическим и кадровым проблемам и другими факторами оказывали сложное, взаимосвязанное, часто опосредованное влияние на молодежь.

Молодые люди, оканчивающие десятый класс, стоят перед необходимостью сделать выбор, определить свои жизненные планы хотя бы на ближайшее будущее. Существенно при этом, что, выбрав профессию и соответствующий ей уровень образования, юноши и девушки включаются тем самым не только в профессиональную, но и в социальную структуру нашего общества.

Доли выпускников средних школ Новосибирской области, планировавших продолжение учебы после окончания школы, в 1965 и 1975 гг. почти одинаковы — 90 и 91%² (табл. 1 и 2), но качественно это совершенно разные цифры. Если в 1965 г. основная масса школьников хотела учиться в вузах (3/4 желавших продолжать учебу), то в 1975 г. подобная группа составляла меньше половины планировавших продолжение учебы. Такое перераспределение связано с существенным — более чем вдвое — увеличением доли планировавших обучение в средних специальных учебных заведениях. Кроме того, поступление в профессионально-технические, технические училища и на курсы для приобретения массовых рабочих профессий, в 1965 г. входившее в планы только отдельных выпускников, в 1975 г. планировалось почти каждым десятим.

Интерес к продолжению учебы, свойственный большинству десятиклассников, — фактор положительный, важный стимул дальнейшего повышения общего образовательного уровня населения. Однако конкретные потребности народного хозяйства, которому нужны не только специалисты с высшим и средним образованием, но и образованные рабочие массовых рабочих профессий, и ориентации молодежи выступают в данном случае как диалектическое противоречие, связанное с современным уровнем развития общества. Перераспределение планов выпускников —

² По данным других исследователей, планировало продолжение учебы в 1965 г. в Свердловске — 88,1% выпускников (Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Социальные перемещения. М., 1970, с. 224—232); в Ленинграде 86,2% (Социальные проблемы труда и производства. Москва — Варшава, 1969, с. 41).

Таблица 2
Планы и реальное поведение выпускников средних школ Новосибирской области в 1975 г., %

Вид деятельности	Регион в целом			Городская местность			Сельская местность		
	юноши	дев.	все	юноши	дев.	все	юноши	дев.	все
<i>Планировали</i>									
Учиться	83	96	91	87	95	91	78	98	88
в вузах	50	48	48	64	55	60	29	38	33
в ср. спец. уч. заведениях	24	39	34	18	34	26	34	48	42
в ПТУ, на курсах	9	9	9	5	6	5	15	12	13
Работать	17	4	9	13	5	9	22	2	12
<i>Реально осуществили</i>									
Учатся	59	63	61	65	59	62	49	67	59
в вузах	33	26	29	44	32	37	16	16	16
в ср. спец. уч. заведениях	13	18	16	14	16	15	12	21	17
в ПТУ, на курсах	13	19	16	7	11	10	21	30	26
Работают	39 *	35 *	36 *	34 *	37 *	36 *	46 *	31 *	38 *

* Остальные реализовали непредусмотренные варианты.

следствие воздействий общества на пути преодоления этого противоречия, обеспечившее большую согласованность планов молодежи с экономическими потребностями общества.

В эти годы изменения произошли и в ориентациях на продолжение учебы городских и сельских выпускников, юношей и девушек. Если доля горожан, планировавших продолжение учебы, уменьшилась, то доля сельских выпускников осталась прежней. Однако соотношение личных планов поступления в вуз городской и сельской молодежи сохраняется в этот период в пользу горожан. Это требует более серьезного внимания к проблемам сельской школы, подготовке сельских школьников.

В группе выпускников, планировавших обучение в вузе, за это время изменилось соотношение по полу: если в 1965 г. по всему региону и в сельской местности учебу в вузе планировало значительно больше девушек, чем юношей, а в городской местности их было поровну, то через десять лет подобные различия сохранились в группах сельских школьников, по региону же и в городской местности стало намного больше юношей, планирующих получение высшего образования.

Увеличивается группа избирающих среднее специальное образование в эти годы и среди юношей, и среди девушек, но главным образом за счет девушек: с 1965 до 1975 г. их доля увеличилась в городской местности в 3 раза, в сельской — в 8 раз. Это результат как расширения возможностей для молодежи получения среднего специального образования, так и недостаточности в регионе высших учебных заведений, привлекающих для девушек.

Если в 1965 г. учеба в профессионально-технических и технических училищах, на курсах для приобретения массовых рабочих профессий почти не планировалась ни городскими, ни сельскими выпускниками, то в 1975 г. 13% сельских и 5% городских школьников имели подобные планы. Этот факт можно рассматривать как следствие увеличения количества профтехучилищ, расширения набора профессий, которым в них обучают, повышения престижа профессионально-технического образования.

Доля десятиклассников, планировавших работу сразу после окончания средней школы, за это время почти не изменилась количественно, однако произошло перераспределение по полу: больше стало юношей

и меньше девушек, имевших подобные планы. Важно отметить здесь, что основной резерв пополнения рабочего класса через систему профтехучилищ, курсы, обучение на рабочем месте составляют восьмиклассники, которые имеют и ежегодно успешно реализуют подобные планы, причем количественно их значительно больше, чем десятиклассников.

Реальное распределение десятиклассников Новосибирской области отличается от их личных планов. За десять лет доля продолживших учебу после окончания школы несколько изменилась: 57% — в 1965, 61% — в 1975 г., причем перераспределение по видам образования, отмеченное в планах выпускников 1975 г., отражено и в их реализации. В 1975 г. всего по региону в вузы поступило 29%, в средние специальные учебные заведения — 16%, в ПТУ, на курсы — 16% выпускников (в 1965 г. — 46, 11, 0 соответственно).

В 1975 г. выпускники средних школ более успешно, чем в 1965 г., реализовали свои планы продолжения учебы, причем доля сельских выпускников этой группы почти сравнялась с долей городских (59 и 62% — в 1975 г., 46 и 62% — в 1965 г.), и девушек-горожанок, и особенно сельских выпускниц, в 1975 г. продолжало учиться больше, чем десять лет назад. Однако за эти годы почти не изменилось соотношение студентов вузов и техникумов из выпускников городских и сельских школ: по-прежнему оно складывается в пользу городской молодежи.

Если в 1965 г. примерно каждый десятый выпускник в области поступал в средние специальные учебные заведения, то в 1975 г. — каждый шестой. Как прежде, так и теперь городские юноши более успешно реализуют свои планы поступления в техникумы и училища, дающие среднее специальное образование (их поступает примерно столько, сколько планирует), тогда как городские и сельские девушки реализуют подобные планы примерно на половину, а сельские юноши — на одну треть. В профтехучилища и на курсы в последние годы поступает примерно каждый шестой выпускник, причем сельских юношей и девушек в этой группе почти в 3 раза больше, чем городских.

Ограниченная возможность для девушек-десятиклассниц городских и сельских школ области и сельских юношей реализовать свои планы получения среднего специального образования и преобладание сельских выпускников в группе начавших обучение в системе профессионально-технического образования свидетельствуют о далеком от оптимального расположении техникумов и училищ в области, ограниченном наборе профессий, по которым идет обучение.

Доля начинающих работать в народном хозяйстве сразу после окончания школы и приобретающих профессии непосредственно в процессе работы у станка изменилась в течение указанного периода незначительно: 40% — в 1965, 36 — в 1975 г. Как тогда, так и теперь это вчетверо больше планировавших, причем городских юношей и девушек в этой группе примерно равные доли, сельских юношей намного больше, чем девушек. Заметим, что часть из начавших работать пробует поступить учиться и поступает в последующие годы (в 70-х годах каждый четвертый студент 1-го курса дневных отделений вузов Новосибирска окончил школу ранее года поступления в вуз)³.

Для сравнения укажем, что в 1973 г. планы восьмиклассников Новосибирской области и их реализация были таковы: продолжать учебу в 9-м классе намеревался примерно каждый второй школьник, поступить в среднее специальное учебное заведение — каждый пятый, приобрести рабочую профессию в ПТУ, на курсах или непосредственно на рабочем месте — каждый третий. Реально в 9-е классы пришло больше половины

окончивших 8-е классы, поступил в средние специальные учебные заведения каждый десятый, начал учиться в ПТУ, на курсах, работать на производстве каждый третий.

Выпускники средних школ Тюменской области, Горно-Алтайской и Хакасской автономных областей, Тувинской АССР в том же году планировали: примерно 8 из 10 — стать специалистами со средним специальным образованием, около 15% — приобрести рабочие профессии в ПТУ, на курсах или непосредственно на рабочем месте (в Горняков). Эти планы были реализованы следующим образом: в вузы поступил примерно каждый четвертый, в средние специальные учебные заведения — каждый пятый, рабочие профессии получил примерно каждый второй выпускник.

Ориентации молодежи на уровень образования тесно связаны с выбираемыми профессиями, так как различные профессии требуют различного уровня знаний, обеспечиваемого разными подсистемами образования.

При устойчивом интересе к продолжению учебы профессии преимущественно физического труда, которыми можно овладеть, обучаясь в ПТУ, на курсах или непосредственно на производстве, выпускников средних школ Новосибирской области привлекают на протяжении всего указанного периода. Наиболее привлекательна для всех групп как городской, так и сельской молодежи (кроме сельских девушек) профессия радиотехника. Городских и сельских юношей увлекает работа на транспорте (шофером, машинистом тепловоза и электровоза); в тяжелой промышленности (механиком, токарем, электромонтером). Городские и сельские девушки предпочитают химическую промышленность (рабочий химической промышленности), строительство (строитель-монтажник), швейное производство (портной, швея). Наименее популярной среди рабочих профессий для всех групп молодежи оказалась профессия каменщика-штукатура, для городских и сельских юношей — портного, для девушек — тракториста, токаря, слесаря.

Изучение привлекательности рабочих профессий для школьников Новосибирской области на протяжении 1965—1975 гг. показывает динамику оценок. Для городских и сельских юношей повышается привлекательность профессии шофера, для сельских юношей — механика, что вызвано технической оснащенностью этих видов труда. Следствием повышения престижа, внимания к профессиям сферы обслуживания является повышение привлекательности профессий продавца, повара для городских и сельских девушек. Однако у всех групп школьников снижается интерес к профессии каменщика-штукатура (труд в основном ручной, без механизмов), строителя-монтажника, что может создать дополнительные трудности при наборе рабочих кадров для все увеличивающегося строительства в области.

В оценке привлекательности профессий преимущественно умственного труда, требующих среднего специального образования, почти нет различий при сравнении горожан и сельских выпускников, но различия существенны при сравнении групп, отличающихся по полу. Как городские, так и сельские юноши всю эту группу профессий оценивают ниже рабочих профессий, особенно профессии бухгалтера-счетовода, фельдшера. Городские и сельские девушки эту группу оценивают выше рабочих профессий. Очень привлекают их профессии культпросветработника, библиотекаря, учителя начальных классов, воспитателя, медсестры. Повышение интереса к профессиям этой группы в исследуемый период касается главным образом профессий фельдшера, медсестры (для городских и сельских юношей), культпросветработника, библиотекаря (для городских и сельских девушек).

³ Константиновский Д. Л. Динамика профессиональных ориентаций молодежи Сибири. Новосибирск, Наука, 1977.

Профессии, связанные преимущественно с умственным трудом и требующие высшего образования, высоко оцениваются городской и сельской молодежью. Юношей городов и сел особенно привлекают профессии летчика, инженера-радиотехника, военного, девушек — врача, педагога, юриста, товароведа. Наименее популярна для всех групп молодежи профессия врача-ветеринара, для юношей — инженера-швейника.

Особенности экономики, специализация большинства высших учебных заведений г. Новосибирска поддерживают постоянный интерес у выпускников к профессии инженера. В период 1965—1975 гг. сохраняется высокий престиж профессий инженера-геолога, инженера-строителя, инженера-радиотехника, не утратили своей привлекательности для всех групп молодежи профессии инженера-машиностроителя и инженера-транспортника; для городских девушек повысилась привлекательность профессии инженера-швейника.

Профессии, связанные с сельскохозяйственным производством и требующие высшего образования, имеют для выпускников среднюю привлекательность, причем юноши села оценивают профессии инженера-механизатора и агронома выше городских юношей.

Более десяти лет очень привлекательна для девушек, особенно сельских, профессия преподавателя средней школы, сельские юноши оценивают ее выше, чем городские. Неизменно престижны для молодежи группы профессий, связанных с наукой, что, несомненно, является результатом влияния такого крупного научного центра, как Сибирское отделение Академии наук СССР.

Таким образом, наиболее привлекательны для молодежи области профессии умственного труда, затем профессии преимущественно физического труда, которые можно приобрести в ПТУ, на курсах, непосредственно на производстве. Однако нельзя говорить о безусловном предпочтении профессий, требующих высшего образования. Ряд рабочих профессий, имеющих современную техническую базу, энергообеспеченность, привлекает молодежь так же, как и наиболее предпочтительные инженерные профессии, тогда как некоторые профессии преимущественно умственного труда популярны значительно меньше иных рабочих профессий.

Привлекательность профессий — сложное, динамичное явление, своеобразно отражающее процессы реальной действительности. Изменения наблюдаются как от года к году, так и от одной группы профессий к другой. Сравнение привлекательности одних и тех же профессий для городских и сельских выпускников показывает минимальные различия, и причина подобного явления — все увеличивающееся сближение города и села, их производственного и культурного уровней. Особенности отношения к отдельным профессиям наблюдаются в основном при сравнении групп выпускников, различных по полу.

Профессиональные интересы молодежи Новосибирской области широки и разнообразны. Сравнение данных 1965—1975 гг. говорит об увеличении предпочтений городских и сельских юношей профессий тяжелой промышленности, здравоохранения, девушек — технических специальностей (инженеров тяжелой промышленности, радиоинженеров, инженеров-связистов и строителей). Для городских и сельских девушек повысилась привлекательность специальностей общественного питания и обслуживания населения, для сельских юношей — профессий сельскохозяйственного производства.

Сравнение привлекательности отдельных групп профессий для десятиклассников Новосибирской области и других сибирских регионов показывает общность тенденций: высокая оценка рабочих профессий тяжелой промышленности, транспорта, строительства, сельского хозяйства (в основном юношами), легкой, пищевой промышленности, торговли (де-

вушками). Однако и в других регионах молодежь привлекают профессии, работа по которым связана с механизмами, оснащена современной техникой (металлообработчик, электромеханик, шофер, строитель-монтажник, машинист электровоза, тракторист и т. д.).

У многих молодых сибиряков наблюдается интерес к профессиям инженеров тяжелой промышленности. Юноши и девушки разных регионов предпочитают профессии инженеров — радиотехника, машиностроителя, электрика, хакасские выпускники — химика, юноши Тюменской области — инженера-нефтяника. Почти во всех регионах популярны профессии инженера-строителя, инженера-транспортника, инженера-механизатора. Специальности инженеров легкой и пищевой промышленности привлекают в основном девушек. Сибирские девушки высоко оценивают профессии медицины, просвещения, культуры. В числе самых привлекательных — профессии, связанные с работой в науке: ученый-физик, биолог и особенно геолог.

Профессиональные устремления сибирских десятиклассников являются результатом воздействия комплекса различных социальных факторов, динамично отражают их изменения. Мероприятия последних лет по совершенствованию всей системы образования, подготовки кадров не только способствовали большему соответствию профессиональных склонностей сибирской молодежи потребностям народного хозяйства в кадрах, но и расширили для юношей и девушек возможности повышения образования. Изучение профессиональных устремлений молодых сибиряков обращает внимание на привлекательность для них профессий, связанных с современной техникой, электрификацией и автоматизацией производства в различных отраслях народного хозяйства. Оно дает возможность увидеть определенную перспективу формирования кадров рабочих и специалистов в Сибири.

*Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск*

Б. М. ЮДАЛЕВИЧ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И ВАСИЛИЙ ШУКШИН

В феврале 1916 г. вышел из печати первый сборник стихов Сергея Есенина «Радуница». Любители поэзии, знавшие стихи молодого звонкоголосого поэта по журнальным публикациям, с нетерпением ждали этой книги. Критика отозвалась о ней восторженными рецензиями. Немало писалось об истоках вдохновения молодого поэта, о среде, питающей его творчество. «Нежно любит Есенин свою родную сторону и находит для нее хорошие, ласковые слова...», — писал рецензент «Вестника Европы». — Мила, бесконечно мила поэту-крестьянину деревенская хата... Он превращает в золото поэзии все — и сажу над заслонками, и кота, который крадется к парному молоку, и кур, беспокойно квохчущих над оглоблями сохи, и петухов, которые на дворе запевают «обедню стройную», и кудлатых щенков, забравшихся в хомуты... А сколько поэзии в самом крестьянском труде! Можно залюбоваться на старого деда, когда он чистит вытоптанный ток... Можно позавидовать пастуху, чьи хоромы — «в мягкой зелени поля», кто на алы зори молится, у ручья причащается!...».

Об изначальных, глубинных истоках своей поэтики не раз говорил сам Василий Шукшин: «...И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Видно, та жизнеспособность, та стойкость духа, какую принесли туда наши предки, живет там с людьми и поныне, и не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу... Благослови тебя, моя родина, труд и разум человеческий! Будь счастлива! Будешь ты счастлива, и я буду счастлив»¹.

Безусловно, «малая» родина — основа творчества многих писателей. Любовь к ней, восхищение ею открывают пути не для декларативных, а художнических постижений понятий Отечества и национального самопознания. И все же ощутимо особое родство Есенина и Шукшина, во многом созвучных певцов родной земли, вобравших в свою поэтику близкие мотивы, образы, подчас обращающихся к однородному жизненному материалу...

И несмотря на различие жанров, мировоззрения, наконец, самого времени, нашедшего отражение в их произведениях, идейная, эстетическая, художественная близость этих писателей может стать предметом специального исследования. В данной статье мы затронем лишь некоторые аспекты этой творческой переключки.

Драма многих способных авторов состоит в том, что они не могут в полной мере использовать свой духовный опыт, не могут «пробиться

¹ Вестник Европы, 1916, II, май. Цит. по кн.: Есенин С. А. Собр. соч. В 6-ти т., т. 1. М., 1977, с. 366—367.

² Шукшин В. Нравственность есть Правда. М., 1979, с. 111—112.

к себе» или делают это слишком поздно. Молодой художник, даже одаренный, на первых порах очень часто начинает с подражательства. И при этом следует не тем образцам, которые близки ему по пережитому и прочувствованному; как беспомощный пловец, он плывет по течению в русле господствующих направлений. С. Есенин начал писать в те годы, когда таким течением в русской литературе был символизм. По классификации академика В. М. Жирмунского, которую он опубликовал в 1916 г., за предшествующую четверть века в русской поэзии громко заявили о себе целых три поколения символистов³. В самом начале десятилетия годов возникло новое приметное течение — акмеизм.

Стихи символистов были по преимуществу урбанистическими. К тому же в их поэтике огромную роль играло ощущение двоемирия — реалии окружающего мира они рассматривали как отражение мира потустороннего. Акмеисты отказывались от мистических устремлений символизма. Их суровые ритмы тяготели к экзотике Африки, Египта, Индии, Японии. Во всяком случае, от русской деревни эта поэзия была необычайно далека.

А молодой рязанский поэт создавал чудные маяющие строки, в которых «в воде отражаются березы, и зоря выткалась над озером алым цветом», и «на бору со звонами плачут глухари», и «сыплет черемуха снегом», и «сердцу снятся скирды солища в водах лонных». Сергей Есенин с самых первых своих стихов, минуя книжные перепевы, сумел заговорить о своем, кровном, близком сердцу.

Хотя деревня всегда волновала нашу литературу и искусство, первые рассказы Василия Шукшина появились в годы расцвета «молодежной» исповедальной прозы. Это была типично «городская проза», с излюбленными юными героями, стилистическим поиском, особым словарем, обильно впитавшим городское арго.

Коллизии ее часто разворачиваются в стенах городских квартир, в студенческих аудиториях, на многолюдных проспектах, в ухоженных скверах, в кафе, театре, метро, связаны с другими атрибутами больших городов.

Село для этих молодых детей города в сущности было почти такой же экзотикой, как Египет или Африка для акмеистов. Правда, они иногда попадали в колхоз или на далекую стройку, а то и на рыболовецкий сейнер, но исключительно для того, чтобы наскоро обогатиться новыми истинами, «перековаться», проникнуться моралью трудового человека.

Однако Шукшин, подобно Есенину, не поддавался гипнозу литературной моды. В первом своем сборнике «Сельские жители» (1963) он живописал знакомые ему характеры, ситуации, в которых легко узнаются жители далекой деревни на реке Катунь — земляки писателя. Очень верно заметил по этому поводу критик Л. Аннинский: «Мир раннего Шукшина, это именно свой мир, — это сельские шофера, весело и умело делающие свое дело. Это деревенские ребятинки военных лет, голодные, продроганные, неунывающие... Это мечтатели с чудийкой... Мир Шукшина — это мир людей, которым хорошо, когда они ДОМА»⁴.

И этот вдохновенный рассказ об отчих местах, о родной деревне, о «родной первозданной» красоте Алтая помог Шукшину так же, как Есенину, избежать периода ученичества, рано, что называется на старте, обрести свой голос.

Правда, критики горячо дискутировали, является ли В. Шукшин «чистым деревенщиком», осталась ли после первых рассказов сельская

³ Жирмунский В. М. Преодоление символизма. — В кн.: Жирмунский В. М. Теория литературы, поэтика, стилистика. Л., 1977, с. 106.

⁴ Аннинский Л. Путь Василия Шукшина. — В кн.: Аннинский Л. Тридцатые — семидесятые. М., 1977, с. 232.

тема для него главной? Но, думается, все-таки совершенно справедливы слова, которые под первым впечатлением от рассказов Шукшина вы- сказал Михаил Алексеев: «Сердце... Василия Шукшина принадлежит сельским жителям»⁵. А споры такого порядка велись даже и вокруг Есенина. И Есенин писал не только о селе и не только с позиций граж- данина села, которое лишь тем и знаменито, «что здесь когда-то баба родила российского scandalного пинта»⁶.

Но этим неодолимым стремлением поведать о сельщине, «где жил еще мальчишкой», этим неизменным уважением к односельчанам, этой неизбывной любовью к родному пейзажу не ограничиваются черты, сбли- жающие Шукшина с великим русским поэтом.

Самое главное, что объединяет этих художников, — стремление запе- чатлеть русскую деревню в ее переломный момент. «Друзья! Друзья! Какой раскол в стране, какая грусть в кипении веселом», — писал Есе- нин в двадцать четвертом. Как мучительно были поиски поэта, как про- тиворечиво трудно воспринимал он новую деревню, с какой болью про- износил: «Остался в прошлом я одной ногою, стремясь догнать стальную рать, скольжу и падаю другою». И в хрестоматийных ныне «Сороко- усте», «Исповеди хулигана», «Руси уходящей», и в стихотворениях «Воз- вращение на родину», «Я последний поэт деревни...» и других с изу- мительной искренностью передана драма поэта, тревожно раздумываю- щего о судьбе своей большой и малой родины, о судьбе избяной Руси, которой предстояло пережить невиданные исторические события.

Почти полвека спустя Василий Шукшин, как и многие современные писатели-«деревенщики», отразил новый исторический этап в жизни со- ветской деревни, этап, связанный с научно-техническим прогрессом, сме- ной поколений сельских тружеников, сложными процессами сельской миграции. Этот период тоже драматичен и по своим психологическим, нравственным последствиям далеко не однозначен и не безоблачен. И надо сказать, что писатели-современники воссоздают его многообразно и полно, с большой ответственностью и прозорливостью. Особая здесь роль принадлежала В. Шукшину, его прозе, публицистике, кинопроиз- ведениям.

Шукшина настолько волновали эти исторические процессы, что его даже обижали: «... настоящий деревенский человек, «вросший» ногами в землю, его не интересует. Настоящая тема В. Шукшина — отрыв. Его настоящий герой — деревенский парень, уже рапанный великим соблаз- ном XX века — городом»⁷. Была в критике и противоположная точка зрения, утверждавшая, что В. Шукшин идеализирует деревню прошлого, что город в его произведениях предстает как «бездуховная, эгоистиче- ская, безликая сила, воплощение потребительского начала...»⁸. Но се- годня совершенно очевидно: Шукшин ратовал за то, чтобы индустриаль- ное развитие страны, неизбежная миграция из деревни несли в себе меньше нравственных и духовных издержек, чтобы «сельский человек, уйдя из деревни, ничего бы не потерял дорогого, что он обрел от тради- ционного воспитания, что он успел понять, что он успел полюбить: не потерял бы любовь к природе...»⁹.

⁵ Алексеев М. Однополчане. М., 1967, с. 232.

⁶ Это точнее других отметил Василий Федоров — поэт, многому научившийся у Есенина и пристально исследовавший его творчество. «Выходя за крестьянский круг своей ранней поэзии», — писал о Есенине В. Федоров, — он шел к проблемам бо- лее сложным, чем урбанизм, — к проблемам нравственным, одинаково волнующим крестьянина и горожанина» (Молодая гвардия, 1969, № 11, с. 311).

⁷ Марченко А. Из книжного рая... — Вопросы литературы, 1969, № 4, с. 68.

⁸ Сурганов В. Идущим дальше. (Заметки о книгах писателей-«деревенщи- ков»). — Вопросы литературы, 1971, № 8, с. 23.

⁹ Шукшин В. Нравственность есть Правда, с. 236.

В. Шукшина нельзя заподозрить в непонимании роли современного города. Однако писатель в рассказах «Игнаха приехал», «Ленька», «Внут- реннее содержание», «Змеиный яд» и др., в повести «Там, вдали», в филь- мах «Ваш сын и брат», «Печки-лавочки» показал трудности адапта- ции сельского жителя к городской жизни, сказал о том, как подчас при переезде из деревни в город происходит «явная человеческая поте- же время в ряде рассказов («Волки», «Вянет, пропадает», «Срезал», деревни». Напротив, здесь воссозданы автором и «жесткие нравы», и неприглядные лица, слышна доморощенная, реакционная «философия» сельских обывателей. Словом, В. Шукшин очень диалектичен в решении проблем современной деревни, в изображении путей ее развития и обновления.

К этой диалектике в понимании крестьянского вопроса стремился и С. Есенин:

И пусть иная жизнь села
Меня наполнит
Новой силой,
Как раньше
К славе привела
Родная русская кобыла¹⁰.
(«Мой путь», 1925)

«Иная жизнь села» — с ней столкнулись и Сергей Есенин, и Васи- лий Шукшин. Проблемы были различны. Но двух замечательных худож- ников России объединяла страстность, боль, горячее желание проникнуть в суть народного характера, отразить его реакцию на глубокие социаль- ные перемены.

У знаменитого поэта образ его родных мест был неотделим от об- раза горячо любимой матери Татьяны Федоровны Есениной. Тема ма- тери вылилась в трепетные строки стихотворения «Письмо матери» — одного из самых высоких достижений русской лирики. Пожалуй, трудно найти в нашей стране человека, который не помнил бы полных сыновней любви и неизъяснимой грусти стихов:

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет¹¹.

К этой вершине примыкают и другие широко известные произведе- ния: «Разбуди меня завтра рано...» — стихотворение, в котором автор свои чаяния в поэзии связывает с родными местами, с личностью ма- тери и в конце обращается к ней: «И на песни мои прольется молоко твоих рыжих коров». Или: «Заря окликает другую...» — полный груст- ной мудрости кладезь кристалликов поэзии.

Образ матери освещает и стихотворение «Возвращение на родину». Именно встреча с матерью более всего волнует поэта, заставляет взгля- нуть вокруг пристрастными глазами земляка, кровного сельчанина.

Нельзя не вспомнить и задушевную лирическую исповедь в стихот- ворениях Есенина «Письмо от матери» и «Ответ». Здесь поэт как бы сталкивает различные мировоззрения — привычный мпрок матери с ее несбывшейся мечтой видеть подле себя сына, который ходил бы в поле за сохой, а возможно, при его уме занял бы даже высокий пост пред-

¹⁰ Есенин С. Собр. соч., т. 2, с. 147.

¹¹ Там же, т. 1, с. 204.

седателя волисполкома, мирок материнской тревоги и беспокойства за неустроенность, неприкаянность сына, что растерял по свету своих детей, «свою жену легко отдал другому», и другой, огромный, полный надежд и волнений мир поэта:

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!¹²

К образу матери поэт обращается во все периоды своего творчества, этот образ словно горячими ласковыми солнечными лучами пронизал всю лирику Есенина.

В сознании Шукшина, как и в сознании Есенина, его мать была неотделима от его малой родины. В одном из своих писем Василий Шукшин писал: «И вот мечтаю жить и работать с удовольствием на своей родине... Сплю и вижу, как мы с тобой вместе живем»¹³. И подобно есенинскому, все творчество Шукшина освещено образом матери. Конечно, в рассказах, романах, сценариях и фильмах Шукшина это не конкретный образ, который есть в стихах знаменитого поэта. У Шукшина любовь и почитание Марии Сергеевны, сыновний чувства послушливы лишь стимулом для обращения к теме матери, а реальные черты Марии Сергеевны лишь проглядывают в отдельных персонажах.

Однако поэт и прозаик роднит не только художническое приращение к теме, но и ее решение. Для обоих тема матери — это тема истоков и начал. Для обоих мать — кладезь нравственных устоев, хранительница жизненного и бытового уклада, уходящего в прошлое, но достойного уважения и горячей любви. С матерью так же, как с родными местами, связано то, что не может забыться, уйти бесследно, то, что передается из поколения в поколение, питает живительными соками, как корни питают деревья соками земли.

И другая общая черта. Сквозной этот мотив привносит в произведения обоих мастеров предельный драматический накал. Многие произведения Шукшина глубоко драматичны, особенно наиболее популярное из них — «Калина красная». И в ней драматизм также обостряется образом матери главного героя Егора Прокудина, виной Егора перед ней. И столь глубок, столь близок к жизни этот образ преодолевшей и военное лихолетье, и другие бесчисленные невзгоды горевой многострадальной старухи, что Шукшин, верный своему стремлению к естественности, правде жизни, снял в фильме деревенскую женщину, которая не имела никакого отношения к киноискусству, но зато своим духовным миром, своей судьбой и внешним обликом отвечала авторскому замыслу.

Однако это было уже в конце творческого пути Василия Макаровича, а к образу матери он обратился в самом его начале. Старая мать со своими сельскими заботами, подчас наивными, даже смешными хлопотами и сомнениями собирается навестить живущего в Москве сына — такова коллизия новеллы «Сельские жители», давнейшее название первой книги В. Шукшина.

В этой новелле столкновения патриархального уклада с нормами сегодняшней жизни то и дело дают комический эффект. Однако заботли-

вость матери, ее доверчивость, открытость, сельская простота полны безыскусственного и трогательного обаяния.

Но гораздо чаще В. Шукшин показывает мать в постоянном поединке с пуждой, неурядицами, невзгодами.

«...А у матери, кроме него, еще трое. Отец утонул на лесосплаве. Те трое ребятшек моложе Юрки. Мать бьется из последних сил, хочет, чтоб Юрка окончил десятилетку»¹⁴.

Так возникает образ матери в повелле «Космос, первая система и шмат сала». До трагического звучания поднимается образ героини рассказа «Материнское сердце». Сжавшись в комок, собрав последние силы, больная старуха борется за своего сына, который совершил тяжкий проступок и оказался в тюрьме. Сбивчива ее речь, до смешного абсурдны доводы, прозрачны детские наивные хитрости, но, несмотря на это, материнское страдание, почти фантастическая вера в то, что существует материнская правда, правда особая, высшая в сравнении с официальной, идущей от государственных законов, что люди поймут это и помогут, потому что есть же на свете добрые люди, нестерпимая материнская ее боль вызывают сочувствие и глубокое уважение окружающих.

К «Материнскому сердцу» близка новелла «Письмо». Здесь мать также неуклюже, но с той же душевной горячностью пытается наладить взаимоотношения дочери с угрюмым и нелюдимым, как сын, мужем. Есенинский мотив — страстное желание матери видеть сына благополучным, ладным, похожим на других — мы находим в рассказе «Сураз». «Мать с годами больше и больше любила Спирьку, жалела, стыдилась, что он никак не заведет семью — все не как у добрых людей!»¹⁵.

И совсем в есенинских тонах написана мать в рассказе «В профиль и анфас». Здесь то же стремление ввести жизнь неприкаянного сына в привычные рамки, во чтобы то ни стало оставить его при себе. Настолько сильное, настолько необоримое стремление, что даже скупой на авторские комментарии Шукшин замечает: «Они настоячивые, матери. И беспомощные»¹⁶.

Немало и других черт, сближающих двух художников. Отметим здесь еще одну из них — общность исторических интересов. Обращение к истории типично для русских писателей. Большинство крупных русских поэтов и прозаиков в той или иной мере отдали дань исторической теме, нередко ища в ней ответ на волнующие проблемы современности, всегда подчеркивая, что без знания истории нельзя до конца верно понять и оценить сегодняшний день. Но, исследуя исторические произведения Есенина и Шукшина, обнаруживаешь и более тесные аспекты их близости. Это интерес к аналогичным, родственным моментам отечественной истории.

Емельян Пугачев — личность, всегда волновавшая Есенина, и Степан Разин, о котором Шукшин создал роман, несколько лет готовился снимать фильм по собственному сценарию, — явления одного порядка. Конечно, историки справедливо отмечают определенные различия в их идейных устремлениях, близком окружении, методах ведения войны. Но оба они одного казачьего корня, оба даже родились в одной станице — Зимовейской — на Дону. Оба возглавляли мощные, охватившие половину России крестьянские восстания. Оба отдали жизнь за народное дело.

И обращение художников к этим историческим личностям прежде всего свидетельствует об их углубленном интересе к прошлому родины, к историческим судьбам русского крестьянства¹⁷.

¹⁴ Шукшин В. Избранные произведения. В 2-х т., т. 1. М., 1975, с. 51.

¹⁵ Там же, с. 197.

¹⁶ Там же, с. 95.

¹⁷ «Почему мне хочется сделать этот фильм? Не развешивается ли он с постоянной моей тематикой? Я думаю, что нет, потому что Степан Разин — это тоже крестьян-ской тематикой? Я думаю, что нет, потому что Степан Разин — это тоже крестьян-

¹² Есенин С. Собр. соч., т. 2, с. 371.

¹³ Сибирские огни, 1977, № 7, с. 182.

Воссоздавая крестьянские восстания, и Есенин, и Шукшин на первый план выдвигают именно незаурядные фигуры их главных вождей. «Кроме Пугачева,— пишет о своей работе, Есенин,— никто почти в трагедии не повторяется: в каждой сцене новые лица. Это придает больше движения и выдвигает основную роль Пугачева»¹⁸.

Василий Шукшин столь же настойчиво подчеркивает «основную роль» Степана Разина и в своем романе «Я пришел дать вам волю», и в своем сценарии. В мироощущении крестьянских вождей и Есенин, и Шукшин прежде всего выделяют свободолюбие, неприятие всякого рода угнетения и унижения, всякого рода надругательства над трудовым человеком. Сближает их произведения и особый сурово-лирический настрой. Такой настрой легче всего создать в поэтической речи, найдя соответствующие интонацию и ритмику. У Есенина он ощутим с первых строк, с первого монолога Пугачева, появившегося в Яицком городке:

Ох, как устал и как болит нога!..
Ржет дорога в жуткое пространство.
Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?
Мне правится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.
Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается¹⁹.

И шукшинский Степан Разин тоже появляется в романе утомленным хотя и удачным, но затяжным походом в Персию, озабоченным тем, как бы не оказаться жертвой государевых стрельцов, которые могут переловить казаков, разоружить, отнять у них добытое в кровавых боях добро.

Для того чтобы создать особый настрой повествования, Шукшин нередко обращается к четко выраженной ритмической прозе: «Золотыми днями, в августе 1669 года, Степан Разин привел ватагу с моря к устью Волги и стал у острова Четырех Бугров... Там, в Персии, за «зипуны» остались казачьи жизни, и много. И самая, может быть дорогая — Серёги Кривого, любимого друга Степана, его побратима...»²⁰.

Ежегодно на родине В. М. Шукшина в селе Сростки Алтайского края проходят Шукшинские чтения. На последних чтениях в выступлениях известных писателей не раз звучала фраза «Шукшин — это Есенин в прозе». Право на такое смелое определение дают, понятно, не только отмеченные выше черты, сближающие двух замечательных русских художников. Право сравнивать Шукшина с любимым русским поэтом дает и весь лирический настрой шукшинской прозы, высокая поэзия созданных им незаурядных характеров, поэтическое отношение к языку, слову.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск

яство, но только триста лет назад». — См.: Шукшин В. Нравственность есть Правда, с. 240.

¹⁸ Есенин С. Собр. соч., т. 3, с. 267.

¹⁹ Там же, с. 7.

²⁰ Шукшин В. Избранные произведения. В 2-х т., т. 2, с. 306.

С. П. ГИМПЕЛЬ

РОМАН В. ШУКШИНА «ЛЮБАВИНЫ»
В СОВЕТСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ КРИТИКЕ¹

Первый роман Василия Шукшина «Любавины» при своем появлении в печати (журнальная публикация в «Сибирских огнях» относится к 1965 г.) был встречен очень осторожно, о нем писали мало и по большей части небрежно. «Роман этот... интереса не вызвал», — заметил впоследствии известный исследователь творчества В. М. Шукшина Л. Аннинский². В. Шукшин оценивался как художник, которому «заведомо не дается крупная форма»³. «Эскизность, новеллистический подход в развертывании отдельных характеристик» отмечал критик В. Хабин⁴; «внешне преувеличенную драматичность, сентиментальность и заданность» находила А. Марченко⁵; «диалектико-натуралистический стиль», как манеру построения диалога, обнаруживал В. Виноградов⁶. Наиболее часто высказывалась мысль о том, что эпические произведения Шукшина «не достигают духовной напряженности повелл»⁷, что по сравнению с его рассказами романы производят впечатление чего-то вторичного. Автор этой идеи В. Чалмаев в книге «Обновление перспективы» рассматривает период 1963—1967 гг. как период «своеобразного распутия Шукшина», когда писатель «пробовал идти и традиционным путем певца цельных натур, устойчивого бытового уклада, — таков пафос романа «Любавины»⁸.

Но в то же самое время это произведение Шукшина вызвало и другие, прямо противоположные отклики. «У всех, читавших рукопись, создавалось о ней хорошее впечатление, как о произведении самобытном», — вспоминает Л. Чикин о подготовке журнальной публикации «Любавиных»⁹. Как «обещающую заявку в жанре большой прозы» рассматривал этот роман В. Гура¹⁰, как «широкое полотно народной жизни» оценивал Г. Кагановский¹¹, «роман стал немаловажной и поучительной вехой в творческом развитии Шукшина», — заключал А. Клитко¹². Кроме того, критики обращали внимание на своеобразие творческой манеры писателя, когда «автор создает для читателя эффект присутствия», что позволяет ему «как бы рентгеноскопически ощущать все, что движет человеком

¹ Приношу глубокую благодарность ст. преп. НГПИ Н. И. Стопченко, любезно предоставившему мне библиографию и перевод трех статей с польского.

² Аннинский Л. Тридцатые — семидесятые. Литературно-критические статьи. М., 1977, с. 237.

³ Новый мир, 1974, № 3, с. 245—258.

⁴ Литературная Россия, 1965, 12 ноября, с. 14.

⁵ Вопросы литературы, 1969, № 4, с. 66.

⁶ Литературная газета, 1965, 27 ноября, с. 3.

⁷ Север, 1972, № 10, с. 120.

⁸ Чалмаев В. Обновление перспективы. М., 1978, с. 129.

⁹ Чикин Л. Земляк, товарищ... — Сибирские огни, 1978, № 1, с. 133.

¹⁰ Литературная газета, 1965, 27 ноября, с. 3.

¹¹ Семья и школа, 1966, № 11, с. 47.

¹² Сибирские огни, 1972, № 7, с. 159.

в каждый момент. Именно эта особенность позволила тему, для нашей литературы не новую, раскрыть так, как предписывает современная эпоха¹³. В последующие годы была предпринята попытка сравнить «Любавиных» с прозой 60-х годов, соотносить это произведение с текущим литературным процессом¹⁴.

Анализируя роман «Любавины», известный критик Н. Н. Яновский вводит это произведение в систему авторских исканий В. Шукшина первой половины шестидесятых годов, сближая со сборником его ранних рассказов, находя даже сходство некоторых ситуаций и диалогов в ранних рассказах писателя и его романе. «Когда я впервые читал еще не заверченный роман «Любавины», — вспоминает исследователь о своей работе над рукописью произведения в качестве сотрудника редакции, — я чувствовал, что он органично связан с рассказами из книги «Сельские жители», что нравственный микроклимат исторических событий, изображенных в романе, неотделим от идейно-нравственных проблем рассказов на современную тему»¹⁵. Действительно, весьма заметна не только известная близость «Любавиных» «Сельским жителям», но органическая связь произведений при обличении писателем жадности, скопидомства и жестокосердия как пороков человеческой личности. И там, и здесь писатель ополчается против бездуховности — нравственной атрофии души, противопоставляя ей в качестве осмысленной основы жизни любовь к труду, человечность, коллективизм и доброту. «Устремленность в корень души человека», по меткому выражению критика Л. Аннинского¹⁶, роднит все произведения Шукшина.

В монографии «Василий Шукшин — его земля и люди» Н. Толченова связывает «Любавиных» не с ранними, а с более поздними произведениями писателя, такими, как «Энергичные люди», считая, что, исследуя душу человека в разные исторические периоды, В. Шукшин выносит приговор бесплодным душам: «„Любавины“, по-моему, — это страшный эпически развернутый приговор духовному бесплодию собственничества... Люди без души — гиблые существа; вчера ли, сегодня ли жизнь их равно бесплодна и никому не нужна. Да и сами себе они не нужны: их энергия оборачивается против них самих; это — энергия со знаком минус»¹⁷. И это сопоставление кажется правомерным, поскольку самое страшное в человеке, по мнению Шукшина, — бездуховность. «Нам бы про душу не забыть», — постоянно напоминал он читателю, будь то художественное произведение о прошлом или настоящим, будь то публицистическое выступление.

В одной из последних работ, посвященных В. Шукшину («О Шукшине. Экран и жизнь»), критик Е. Громов исследует проблему национального характера в творчестве писателя и, очень высоко оценивая «Любавиных», правомерно рассуждает о синтетичности творчества Шукшина, находит соединительные ходы от «Любавиных» к фильму «Калина красная». Он считает, что Федор Байкалов¹⁸ в «Калине красной», отец Любы чем-то сродни кузнецу Феде Байкалову, сельскому активисту из

«Любавиных»: «В. Шукшин на новом витке возвращается к прежнему своему герою, досказывает его судьбу»¹⁹.

Определяя задачу своего произведения, в авторском предисловии к главам из романа В. М. Шукшин писал: «Это первая большая работа: сказать о жизни сибирского крестьянства, начав свой рассказ где-то от начала двадцатых годов и — дальше. 22-й год. Нап — рискованное, умное, смелое ленинское дело. Город — это более или менее известно. А 22-й год — глухая сибирская деревня. Еще живут и действуют законы, словенские веками. Еще законы, которые принесла и продиктовала новая власть, Советская, не обрели могущества, силы, жесткой справедливости.

Еще недавно был Колчак, еще совсем недавно слова «верховный правитель» звучали царским окриком, была отчаянная, довольно крепкая попытка оставить «все, как было». Но есть — Время. Революция... Мне хотелось рассказать об одной крепкой сибирской семье, которая силой напластования и частнособственнических инстинктов была вовлечена в прямую и открытую борьбу с Новым, с новым предложением организовать жизнь иначе. И она погибла. Семья Любавиных. Вся. Иначе не могло быть. За мальчиком, который победил их, пролетарским посланцем, стоял класс, более культурный, думающий, взваливший на свои плечи заботу о судьбе страны»²⁰.

О том, что произведение это было чрезвычайно близко и дорого писателю, свидетельствует намерение продолжить роман, высказанное корреспонденту газеты «Молодежь Алтая» В. Баулину: «Думаю года через два приступить к написанию второй части романа «Любавины», в котором хочу рассказать о трагической судьбе главного героя — Егора Любавина, моего земляка-алтайца. Главная мысль романа — куда может завести судьба сильного и волевого мужика, изгнанного из общества, в которое ему нет возврата. Егор Любавин оказывается в стане врагов — остатков армии барона Унгерна, которая осела в пограничной области Алтая, где существовала почти до начала 30-х годов. Он оказывается среди тех, кто душой предан своей русской земле и не может уйти за кордон, а вернуться нельзя — ждет суровая расплата народа. Вот эта-то трагедия русского человека, оказавшегося на рубеже двух разных эпох и ляжет в основу будущего романа»²¹.

Шукшина — писателя, актера и режиссера, знают и любят не только в нашей стране. Его произведения переведены на многие языки мира. «Шукшин — общечеловечен. Волновали его проблемы смысла жизни, духовности личности, совести и доброты вняты всем, и он сам открыт всему миру», — справедливо утверждает советский исследователь Е. Громов²². «Вопросы, которые затронул этот художник, актуальны и за пределами его отчизны», — отмечает польский искусствовед Веслав Саневский²³. И это закономерно. Действительно, Шукшин «размышляет о социальной ориентации индивида в обновившемся мире»²⁴, — и эта проблема весьма актуальна для всей современной мировой литературы.

¹³ Литературная Россия, 1965, 12 ноября, с. 14.
¹⁴ Оскоцкий В. Вровень с веком. — Волга, 1967, № 9; Гимпель С. И. Проблема личности в романе В. Шукшина «Любавины». — Изв. СО АН СССР, 1974, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2, с. 125—131.

¹⁵ Яновский Н. Н. Поиск. Литературно-критические статьи. Новосибирск, 1979, с. 215.

¹⁶ Василий Шукшин. Нравственность есть Правда. М., 1979, с. 20.

¹⁷ Толченова Н. Василий Шукшин — его земля и люди. — В кн.: Литературные заметки. Барнаул, Алтайское кн. изд-во, 1978, с. 155—156.

¹⁸ Повторяемость изблюбленных фамилий (Поповы, Холманские, Малюгины, Колокольниковы, Воеводины и др.) в произведениях В. Шукшина как свидетельство цикличности его творчества — особая тема, которая еще ждет своих исследователей.

¹⁹ Громов Е. Поэтика доброты. — В кн.: О Шукшине. Экран и жизнь. М., Искусство, 1979, с. 18.
²⁰ Шукшин В. Отдавая роман на суд читателя. — В кн.: Василий Шукшин. Нравственность есть Правда. М., 1979, с. 134—135.

²¹ Цит. по кн.: Василий Шукшин. Нравственность есть Правда, М., 1979, с. 311—312.
²² Громов Е. Указ. соч., с. 17.
²³ Саневский В. Гуманистическое кино Шукшина. — Сибирские огни, 1979, № 7, с. 176.

²⁴ Аннинский Л. Шукшин-публицист. Вступит. статья к кн.: Василий Шукшин. Нравственность есть Правда. М., 1979, с. 14.

Однако роман «Любавины» пока переведен только в Польше²⁵. И не только переведен, но и получил широкие и многообразные отклики в печати²⁶. Это произведение оказалось удивительно созвучным польскому читателю (своей тематикой, актуальностью проблем, драматичностью их решений) и польской литературе, особенно той ее части, которая обратилась к исследованию жизни польской деревни в трудное послевоенное время, период установления в ней новых общественных отношений. Многие польские писатели, такие, как Ю. Кавалец, В. Мах, Т. Новак, Э. Брыль и др.²⁷ именно в «деревенской» теме увидели «источник развития современной прозы, так как процесс изменений в жизни деревни — одна из существеннейших черт кардинальных социальных преобразований в Народной Польше, и литература не только не могла пройти мимо этого процесса»²⁸, но и заострила на нем внимание. Весьма показательным кажется признание известного польского писателя Ю. Кавальца в беседе с корреспондентом «Литературной газеты»: «Чем является для меня деревня, в первую очередь — польская деревня? Это моя биография, судьба, то, что я знаю и люблю всю жизнь. Но для меня польская деревня в то же время и средоточие наиболее острых и важных социально-исторических процессов, происходящих в нашем обществе... Здесь, с одной стороны, сохранены какие-то коренные, стабильные черты нашего национального самосознания, а с другой — выражены все веяния времени, эпохи, которую справедливо называют во всем мире эпохой научно-технической революции»²⁹. Думается, что все эти насущные проблемы нашего времени были важны и для В. М. Шукшина.

Что же увидела в романе «Любавины» польская критика, чем определяется ее направленность? Прежде всего, она вступила в прямую полемику с проницательной оценкой данного произведения, прозвучавшей в статье И. Соловьевой и В. Шитовой «Свои люди — сочтемся», где авторы настаивали на вторичности романа: «Когда читаешь роман «Любавины», кажется: Шукшин писал эту вещь по образцу всем знакомого «сибирского романа» вообще, где все крикливо и зверовато и все кругом закуржавело»³⁰. Польская критика оценила в романе Шукшина большую драматическую силу, глубокий психологизм и искренность, а главное — действенный реализм: «...повесть Шукшина резко отделяется от дюженных «крепких и мощных» сибирских творений... Ничего здесь нет схематичного, нет легких, сфабрикованных и поддельных решений», — утверждает Эдвард Павлак, обращая внимание на кажущуюся поверхностностью взгляду простоту произведений Шукшина и настаивая на том, что их «недостаточно прочитать раз, так как можно не понять истинного смысла и звучания», ибо в них есть «второе дно»: Шукшина пужно смаковать, вчитываться в него помаленьку, с перерывами»³¹. Польские кри-

²⁵ Роман «Любавины» вошел в 4-томник В. Шукшина, который готовится к изданию в ГДР.

²⁶ Recenzje powieści «Rodzina Lubawinaw» (Lubawiny). Galster R. Nowe Książki, 1968, N 7, s. 445—446; Nowakowski T. Nowe Wyraz, 1977, N 11, s. 105—106; Nyczek T. Echo Krakowa, 1977, N 170; Pieńkowska E. Tygodnik Demokratyczny, 1968, N 21, s. 7; Romanowski Z. Przyjaźń, 1977, N 28; Szymański A. Literatura na Świecie, 1977, N 10, s. 376—381; Umiński L. Kierunki, 1978, N 29, s. 11; Ziembicki A. Nowe Książki, 1977, N 19, s. 58—59; Zwaniński A. Biesiady Szukaszynowskie. — Tygodnik kulturalny (W), 1978, 1/X.

²⁷ Повести и романы В. Маха «Жизнь большая и малая», В. Мысливского «Голый сад», Ю. Кавальца «Танцующий ястреб», «Серый нимб», «Земле приписанный», Т. Новака «Черти», Э. Брыля «Тетка» переведены в разные годы на русский язык.

²⁸ Хорев В. Предисловие к кн. «Польские повести». М., 1978, с. 7.

²⁹ Колосья и корни. Беседа с Юлианом Кавальцем. — Литературная газета, 1980, № 7, 13 февраля.

³⁰ Новый мир, 1974, № 3, с. 245—258.

³¹ Павлак Э. Феномен Василия Шукшина. — Литературный ежемесечник (Варшава), 1977, № 12, с. 84.

тики подчеркивают, что «сильную сторону творчества Шукшина составляет простота и ясность языка, умение создавать метафорические картины человеческих судеб из ситуаций, на первый взгляд, абсолютно банальных, второстепенных»³².

Наиболее часто повторяющееся слово в определении своеобразия В. Шукшина в польской критике — феноменальность. Не случайно одна из статей так и называется «Феномен Василия Шукшина». Это же утверждает и такой авторитетный мастер кино, как С. А. Герасимов: «Каждый как бы развивает и конкретизирует эту мысль на примере «Любавины»: «Художественно яркий и цельный, роман «Любавины» густо насыщен той социально-классовой диалектикой, в измерениях которой только и возможно понять феномен национального характера. Ведь он не абстракция, не набор признаков черт и качеств, а живое изменяющееся целое, очень сложное и даже противоречивое по своей внутренней структуре, — противоречив исторический опыт, в него воплотившийся»³³.

Глубину реализма Шукшина отмечает и Адам Горошак, связывая особенности манеры письма писателя с его этическими и эстетическими взглядами: «Благодаря антиидиллической философии искусства, опирающейся на наблюдения и знакомство с жизнью во всем ее разнообразии, а не на драматические схемы и нормативные типологии, Шукшин добивается «разгерметизации» действительности, открывает ее ключом искренности и правды»³⁴. Для польских исследователей главным оказался вопрос о своеобразии реалистического письма Шукшина, о глубине и силе эмоционального воздействия на читателя. Именно поэтому они обратили внимание на «сильный пластичный образ гордой и хищной семьи Любавиных»³⁵. «Но почему же... книгу В. Шукшина («Любавины») мы читаем быстро, вдохновенно, действие захватывает нас, а герои становятся близкими?» — спрашивает Т. Новаковский³⁶. «Страсть представлять явления и вещи в их наиправдивейшем виде. Этот действенный, а ни в коем случае не бумажный реализм, захватывает и увлекает. Именно так, с глубоким знанием и страстью были написаны «Любавины», повесть о столкнувшихся друг с другом мирах: один — от века, как тайга, полный любви к природе и ищущий в ней законы и основания жизни, другой — только еще творимый, пробуждающий новые критерии ценностей и стили жизни»³⁷. И далее: «Этот синтез новых и старых ценностей придает произведению Шукшина глубоко оптимистический смысл, становится одной из главных предпосылок исповедуемой писателем этики»³⁸.

Так же, как и советский исследователь Н. Н. Яновский, польский критик Т. Новаковский связывает «Любавины» с ранними рассказами В. Шукшина. Он пишет: «... исторические реалии являются здесь только основой, на фоне которой появляется второй план произведения — сравнительное изучение различных видов эмоций, начиная от разнужданных примитивных страстей и кончая тончайшим лиризмом. Выбор времени действия позволяет писателю ввести целую галерею образов с разным уровнем политического и общественного сознания, характера сильных и таких, которые позволяют унести себя потоку событий. Это стрем-

³² Саневский В. Гуманистическое кино Шукшина. с. 176.

³³ Герасимов С. Народный художник. — В кн.: О Шукшине. Экран и жизнь, с. 9.

³⁴ Громов Е. Указ. соч., с. 22.

³⁵ Цит. по ст.: Званицкий А. Беседы о Шукшине.

³⁶ Павлак Э. Указ. соч., с. 84.

³⁷ Новаковский Т. Старое и новое у Василия Шукшина. — Новое слово (Варшава), 1977, № 11, с. 105.

³⁸ Новаковский Т. Указ. соч.

³⁹ Там же.

ление охватить социальные перемены, выразившиеся в создании различных типов личности, тенденция указывать на общие явления описанием и анализом отдельных судеб проявляется также и в других произведениях Шукшина, например, в рассказах «Генерал Малафейкин», «Крыша над головой», «Живет такой парень», есть один из постоянных лейтмотивов его творчества и одновременно одна из важнейших и характерных черт»⁴⁰.

Тадеуш Новаковский объясняет читательский успех «Любавиных» в Польше связями шукшинской прозы с литературной традицией. «Шукшин — продолжатель великой русской этики XIX — начала XX века», — уверенно утверждает критик⁴¹, усматривая истоки этой традиции в творчестве В. Шишкова, М. Горького, М. Шолохова. «Энергичный стиль, красочный язык, панорамность нарисованных сцен — вот характерные черты, по моему мнению, этого творчества»⁴².

Другой польский обозреватель Эдвард Павлак объясняет «феномен Василия Шукшина» тем, что его творчество, остро воздействуя «на нашу душу и воображение», заставляет нас под их влиянием еще раз пересмотреть «наш взгляд на определенные проблемы как жизни, так и искусства»⁴³. Э. Павлак связь В. Шукшина с традициями Достоевского усматривает как раз в «Любавиных», его привлекает «сильный, пластичный образ гордой и хитрой семьи Любавиных»⁴⁴.

Советский критик В. Курбатов также вспоминает стихию Ф. М. Достоевского, когда раскрывает нравственно-философские аспекты творчества В. Шукшина: «Как много у Шукшина спорят, с какой страстью доискиваются истины! И на каких захватывающих уровнях!... Страсть сродни страстям Достоевского. Очень национальная черта»⁴⁵.

Польская критика не дает однозначного толкования в определении жанра произведения Шукшина. Если Тадеуш Новаковский определяет «Любавиных» как «стилизованную историческую хронику, ибо она представляет нам определенный цикл событий в их воображаемом развитии», то Эдвард Павлак считает, что это — эпическая повесть, «сага о Любавиных».

Понятны глубинные истоки подобного пристального внимания именно польской критики к творчеству одного из интереснейших писателей современности. Духовная близость культур, русской и польской, традиционные внутренние связи, притяжения и отталкивания характера составляют поляков с особой заинтересованностью относиться и к творчеству В. М. Шукшина. Общий пафос польской критики направлен в сторону выявления общечеловеческого содержания творчества В. Шукшина, поэтому для нее характерна большая публицистичность. Думается, что все произведения В. Шукшина разных жанров и форм, безусловно, связаны между собой и являют единое целое, представляют свой собственный шукшинский мир, который трудно расчленишь, Шукшин-художник и Шукшин-мыслитель — есть огромный, сильный, страстный талант и постоянные муки правдоискательства. Его одолевает ненависть к упакованной жизни, жадности, накопительству, бюрократизму, мещанству и в городе, и в деревне.

Деревня, сельские жители, в прошлом или в современности оказались для Шукшина наиболее подходящим материалом, чтобы сказать свою правду о человеке, попытаться постигнуть всесторонне русский характер, раскрыть новые грани человеческой психики. Уже в первом

крупном произведении, романе «Любавиных», Шукшин как бы сконцентрировал все основные проблемы своего творчества, и раннего и последующего: а) исследование характера человека «на переломе», на границе между прошлым и будущим, старым и новым, в условиях важнейших социально-исторических процессов; б) изображение опасности бездуховности, особенно ярко выразившейся в формах слепого накопительства, сопровождающегося падением всяческих жизненных устоев, идеальных и моральных; в) стремление проследить истоки национальной жизни. И жителям», Шукшин переходит в «Любавиных» к событиям 20-х годов в наиболее обнаженной форме. Во-вторых, здесь дается исследование традиционной темы «власти земли» в новых социально-исторических условиях. А в-третьих, выражаясь словами самого писателя, и в истории, и в современности «идет тот же поиск нравственных ценностей людьми, тех, что сдвинулись с места», ибо «... слишком крутой поворот произошел в истории общественной формации, общественной психологии, особенно среди крестьянства»⁴⁶.

Предпринятая попытка историко-сравнительного анализа советской и польской критики в оценке современного писателя дает возможность заключить, что наблюдается движение критической мысли в сторону углубленного осмысления творчества В. М. Шукшина в целом, где каждое его произведение, большое и малое, — необходимое звено в системе размышлений писателя о жизни и человеке.

Институт истории, филологии и философии
СО АН СССР, Новосибирск

⁴⁶ Шукшин В. М. Неумолимая потребность правды. Интервью В. М. Шукшина газете «Нуова Дженерацйонэ» (Новое поколение) 28 сентября 1974 г. — Сибирские огни, 1979, № 7, с. 172—174.

⁴⁰ Новаковский Т. Указ. соч.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Павлак Э. Указ. соч., с. 81.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Курбатов В. Наш сын и брат. — Сибирские огни, 1979, № 7, с. 168—169.

163.

жениях до 15—16%, соответственно опережающее развитие строительного комплекса, производственной инфраструктуры, прежде всего транспорта и т. д.

Мы подошли к тому моменту в логике структурно-функционального подхода к определению цели развития производительных сил Сибири — ускоренному экономическому развитию и его количественной определенности — 30%-ному опережению в сравнении с общесоюзными показателями, когда язык этого подхода стал общим и для других подходов, предложенных участниками конференции: Сибири нужна прибавка инвестиционных средств на 2,5—3%-ных пункта более, чем достигнуто в десятой пятилетке. Теоретическая убедительность увеличения доли Сибири в общесоюзных капиталовложениях до указанной величины серьезно аргументирована вариантными расчетами. А они показали, что снижение коэффициента опережающего развития Сибири сразу же и в сильной степени сказывается на размерах национального дохода страны.

Устойчивое повышение экономикой Сибири общесоюзных темпов развития в ретроспективе (седьмая — десятая пятилетки) и рекомендуемый уровень на перспективу отражают народнохозяйственные интересы, реализуемые в сложившейся отраслевой структуре хозяйства региона. Однако опубликованные материалы и выступления на конференции показали, что на протяжении последних 25 лет выделявшиеся Сибири капиталовложения использовались в первую очередь на простую продукцию общесоюзной специализации, что ускорило развитие экономики Сибири, но одновременно порождало диспропорции регионального хозяйственного комплекса. Благодаря более высоким темпам развития Сибирь увеличивает свой вклад в общесоюзное производство по электроэнергетике, топливной и лесной промышленности, цветной металлургии, но при этом создаются узкие места в обрабатывающей промышленности, особенно в ее конечных стадиях — машиностроении и легкой промышленности, а также в промышленности строительных материалов, в пищевой промышленности.

В десятой пятилетке добывающая промышленность Сибири заметно опережает по темпам роста обрабатывающую, влияние ускоренного развития топливной промышленности на увеличение темпов роста всей промышленности становится более существенным. Неблагоприятная динамика складывается в сельском хозяйстве: в годы десятой пятилетки среднегодовой объем производства по важным видам продукции остался на уровне прошлого периода. Продуктивность сельскохозяйственного производства в районах Сибири ниже среднего уровня по народному хозяйству в целом.

Негативные для гармонического развития экономики районов Сибири тенденции не могут быть отнесены к числу так называемых недостатков, которые при осознании и определенном опыте легко устранимы. Проблема глубже и лежит в сфере реального несовпадения отраслевых и территориальных интересов при ведении хозяйства.

В условиях доминирования отраслевого подхода к планированию и управлению экономикой, когда отрасли народного хозяйства превратились в мощные экономические системы, наделенные инвестиционными средствами, обеспеченные материально-техническими и финансовыми ресурсами, обладающие мощной научно-исследовательской, проектной и информационной базой и другими атрибутами хозяйствующих субъектов, неправильно называть недостатками дисфункциональные следствия в экономике региона, причина которых — наличие отраслевых целей и большая свобода выбора министерствами стратегии собственного развития и экономического поведения на новых территориях.

И если по принятой методологии структурно-функционального анализа народного хозяйства выявлена специфическая роль Сибири в его развитии на перспективу, то это сделано на основе природных ресурсов региона и экономического потенциала, представленного как раз отраслями народнохозяйственной специализации, т. е. полномочными представителями народнохозяйственных интересов. Но и природные ресурсы так же, как известно, являются собственностью социалистического государства, а не регионов, областей, краев или территориально-производственных комплексов.

Поэтому народнохозяйственный подход на базе структурно-функциональной методологии убедительно доказал необходимость оптимально ускоренного экономического развития экономики Сибири в интересах народного хозяйства страны, но гармоничность отраслевой структуры хозяйственного комплекса Сибири и неотложность решения назревших социальных проблем (уровень жизни и рациональное природопользование) региона прозвучали на конференции как проявление назревшей необходимости и неотложности признать и учесть в общей концепции развития производительных сил Сибири наличие объективных экономических целей и интересов территориальных хозяйственных систем.

Этот мотив прозвучал не в плоскости противопоставления территориальных и отраслевых интересов, но в плане реализации соответствующих положений постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности произ-

водства и качества работы» об усилении роли территориальных органов в планировании и управлении народным хозяйством.

Необходимость «уравновесить» отрасли народного хозяйства соразмерными по силе влияния на процесс комплексного и эффективного хозяйствования в регионе территориальными органами аргументировалась на конференции также с объектив-

Ученые, партийные, советские и хозяйственные руководители автономных республик, краев и областей Сибири, по достоинству оценивая факт превращения Сибири в один из крупнейших экономически развитых регионов СССР, неуклонное повышение удельного веса Сибири в производственном потенциале страны также с позиций народнохозяйственных позиций, предлагали решения первоочередных проблем обеспечения страны топливно-энергетическими и сырьевыми ресурсами с одновременной ликвидацией основных узких мест в хозяйстве региона (социально-бытовая инфраструктура, строительная база, транспортный комплекс, энергетика).

Таким образом, формулировалась общая для правильного и объективного определения долгосрочных целей развития производительных сил Сибири проблема создания социальных, экономических и материально-технических условий для последующего ускоренного и сбалансированного развития сибирского хозяйственного комплекса.

На межсекционных заседаниях конференции в научную дискуссию о развитии производительных сил восточных регионов страны был введен дополняющий и обобщающий структурно-функциональный методологический анализ регионального хозяйственного комплекса социально-экономический подход. Были выделены долговременные, выходящие за пределы плановой перспективы интересы и цели социалистического общества.

Речь шла о фундаментальной основе современных производительных сил — человеке, ресурсно-сырьевом и энергетическом потенциале общественного производства и о «производительных силах» самой природы, т. е. об экологическом потенциале окружающей среды. Эти условия обеспечивают развитие производственно-экономической системы народного хозяйства. Проблема долговременной перспективы состоит в своевременном обнаружении перегрузки этих опор и обеспечении стабильных условий социально-экономического развития страны на отдаленную перспективу начала XXI века.

Таким образом, на конференции была выявлена и обсуждена система целевой ориентации развития производительных сил Сибири в народнохозяйственном, отраслевом и региональном аспектах с выделением текущих, перспективных и долговременных целей и целевых ориентиров. На последнее обстоятельство как на особо важный момент реалистического подхода к решению проблем обратил внимание участники конференции секретарь ЦК КПСС М. В. Змыслин.

Актуальные проблемы развития производительных сил Сибири

Конференция выдвинула следующие первоочередные межотраслевые проблемы ускоренного развития производительных сил Сибири на период до 2000 года:

1. Перестройка структуры топливно-энергетического комплекса в сторону возрастания роли газа и угля. Природный газ Сибири может служить эффективным заменителем нефти. Существенное увеличение роли угольного топлива предполагается за счет создания КАТЭКа и существенного повышения добычи угля в Кузбассе. При этом целесообразно значительно углубление нефтепереработки.
2. Опережающее развитие строительного комплекса, обеспечивающего ускоренный рост экономики Сибири, и создание мощной строительной базы на основе индустриализации и специализации строительного производства с использованием современных конструкций высокой заводской готовности.
3. Формирование единой транспортной системы, включающей взаимосвязанное развитие всех видов транспорта: железнодорожного, водного, автомобильного, трубопроводного. Совершенствование структуры подвижного состава в направлении его специализации и дифференциации с учетом региональных условий Сибири и организация ускоренной доставки грузов.
4. Создание устойчивой производственной базы для полного обеспечения возрастающих потребностей населения региона в продуктах питания высокого качества и необходимого ассортимента. Имеющаяся возможность увеличить производство зерна в 1,6 раза, мяса — в 1,6, молока — в 1,5, картофеля — в 1,3 раза (к 1990 г.) может быть реализована при осуществлении комплекса мер по повышению урожайности зерновых и продуктивности животноводства, устранении межотраслевых диспропорций между сельскохозяйственным производством и мощностями по переработке и хранению продукции, повышению обеспеченности предприятий техникой в соответствии с научно обоснованными нормами и региональными условиями.
5. Повышение технического уровня производства как важнейший фактор роста производительности труда, рационального использования сырья, топлива и материа-

лов. Это касается устаревшего оборудования и технологий некоторых предприятий и цехов в машиностроении и металлообработке, черной и цветной металлургии, горнодобывающей промышленности, эксплуатации которых связана с дополнительными затратами труда, материалов, повышенными выбросами вредных веществ в окружающую среду, другими неблагоприятными последствиями.

6. Ускоренная электрификация производства в сочетании с усилением централизации теплоснабжения как важнейшее условие повышения эффективности регионального хозяйственного комплекса. Наряду с размещением в Сибири электроемких производств целесообразно перемещать сюда отрасли с относительно умеренной энергоемкостью основного производства, но значительным сопряженным энергопотреблением. В целом уровень электрификации во всех отраслях хозяйства Сибири и темпы роста энергопотребления здесь должны быть выше, чем в среднем по стране.

7. Создание системы машин для работы в условиях сибирского региона, создание комплекса оборудования для принципиально новых технологических процессов, разработанных в СО АН СССР, последовательная ориентация технической политики, технологии и организации основных и вспомогательных производств на осуществление трудосберегающих решений.

По перспективам развития отдельных отраслей и межотраслевых комплексов были сформулированы проблемы и рекомендованы к осуществлению комплексы мероприятий, дифференцированных по минерально-сырьевой и топливно-энергетической базе Сибири (в том числе по поисковым и геологоразведочным работам по нефти и газу, по углю, черным и цветным металлам, по горнорудному и химическому сырью, по региональным геологосъемочным и геофизическим работам), по топливно-энергетическому комплексу, а также в разрезе отраслей угольной промышленности и электроэнергетики, нефтяной и газовой промышленности, черной и цветной металлургии, химической промышленности, лесопромышленному комплексу, машиностроению, легкой и пищевой промышленности, сельскому хозяйству, строительному комплексу и транспорту.

На основе предложений местных организаций были выделены актуальные проблемы и рекомендованы к осуществлению мероприятия по развитию производительных сил, привязанных к административно-территориальному аспекту Сибири — Алтайскому краю, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской областям, Бурятской АССР, Иркутской области, Красноярскому краю, Читинской области, Тувинской и Якутской АССР.

К насущным проблемам развития Сибири, по выводам конференции, безусловно, относятся социальные проблемы, решение которых является одним из главных условий ускоренного освоения природных богатств, гармонического развития производительных сил региона. В результате дефицита кадров в Сибири страна несет ощутимые народнохозяйственные потери. Миграционный оборот населения в принципе обеспечит хозяйственный комплекс рабочей силой, если создать условия для высокой привлекательности сибирских новоселов. Однако, несмотря на осуществление крупных мероприятий по повышению уровня жизни (они уже привели в Западной Сибири к небольшому положительному салдо миграции), по многим показателям уровень жизни здесь существенно уступает Центральному экономическому району РСФСР, Прибалтике.

Реальные доходы населения Сибири на 10% ниже среднего уровня по РСФСР, здесь хуже обеспечение жильем, объектами сферы обслуживания и т. д. Все это и является главной причиной текучести кадров. Проблема обеспечения хозяйства Сибири трудовыми ресурсами в ближайшей перспективе еще обострится в связи с резким сокращением (в 3—4 раза) естественного прироста населения в трудоспособном возрасте. При этом возможно усиление оттока населения из Сибири в другие районы страны, которые в 80-х годах переходят в группу трудоемких. Дефицит кадров вызывает также отставание в социально-экономическом развитии районов Севера восточных районов. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» (февраль 1980 г.) предусмотрены меры по дальнейшему улучшению материального и культурного уровня жизни населения этих районов, по завершению перехода кочевых семей с оседлым образом жизни. Важно, чтобы все мероприятия этого постановления были учтены в планах одиннадцатой и двенадцатой пятилеток.

Особого внимания заслуживают проблемы социального развития сибирской деревни, население которой между двумя последними периодами сократилось на 10% как по Западной, так и по Восточной Сибири. Обеспечивая больше половины прироста городского населения Западной Сибири, сельское население этого региона несет крупные потери. Причина интенсивной миграции состоит в том, что сибирское село также отстает от сибирского города по комплексу жизненных условий, как сибирский город от европейского.

Важнейшими показателями социального развития, прямо или косвенно влияющими на хозяйственную деятельность, являются состояние здоровья населения, потери рабочего времени и средств от заболеваемости и инвалидности. В Сибири до-

стигнуты значительные успехи в развитии здравоохранения, благодаря чему уменьшилась заболеваемость, в ряде районов уменьшилась детская смертность, увеличились серьезные проблемы в повышении уровня здоровья населения Сибири. Факторы здоровья сибирского населения играют важную роль в формировании уровня нагрузки на организм человека, которые усугубляются некоторыми негативными последствиями научно-технического прогресса, недостаточно развитыми социальными бытовыми инфраструктурой и системой медицинского обслуживания и другими факторами. Вследствие этого потери по медицинским и парамедицинским показателям уровня, причем по ряду заболеваний они превышают среднереспубликанский уровень.

Проблемы экологии и охраны окружающей среды Сибири собрали на конференции значительный состав докладчиков и участников дискуссий. Общее признание получили положения о легкой уязвимости и медленном восстановлении экологических систем Сибири в связи с дефицитом тепла, слабой способностью среды обитания к самоочищению, низким темпам биологического роста, широким распространением вечной мерзлоты.

Остановимся еще на проблеме наращивания научно-технического и образовательного потенциала Сибири. Наряду с констатацией бесспорного факта растущего вклада науки и образования в развитие производительных сил Сибири конференцией было отмечено отставание в темпах роста научно-образовательного потенциала относительно общего ускоренного роста экономики региона, а также по сравнению с республиканскими и общесоюзными темпами. Так, например, уровень обеспеченности профессорско-преподавательским составом вузов Сибири примерно в полтора раза ниже общесоюзного, обеспеченность общеобразовательных школ Сибири учителями с высшим образованием также ниже республиканского и общесоюзного.

Основные предложения по решению сибирских проблем

В результате обсуждения на пленарных, секционных и межсекционных заседаниях современного состояния, целей, проблем и задач текущего, перспективного и долгосрочного развития производительных сил Сибири в рамках единого народнохозяйственного комплекса страны конференция сформулировала систему научно обоснованных предложений по их решению.

В целях долгосрочного развития минерально-сырьевой базы Сибири потребуются значительное усиление геологоразведочных работ в Западной Сибири для получения в одиннадцатой и двенадцатой пятилетках прироста запасов нефти и газа, обеспечивающих высокие уровни добычи до 1990 г. и в долгосрочной перспективе, а также создание сырьевой базы нефтяной и газовой промышленности в Восточной Сибири с одновременной разработкой специальных геофизических методов поисков в условиях данного региона. Необходимо значительно расширить геологоразведочные работы на газ в пределах акваторий северных морей и прежде всего Карского моря.

В связи с возрастанием роли угля в топливно-энергетическом балансе страны требуется увеличение добычи углей в Кузбассе, разведка резервных участков для строительства новых разрезов в КАТЭКе, усиление работ в Южно-Якутском бассейне с целью превращения этого бассейна в крупную базу коксуемых углей для обеспечения потребностей восточных районов страны и экспортных поставок.

Развернутые предложения рекомендованы по укреплению сырьевой базы горной и цветной металлургии, горнорудному и химическому сырью, по развитию межотраслевых и отраслевых комплексов народнохозяйственной специализации и производственной инфраструктуры Сибири.

Эти предложения в основном укладываются в рамки сложившихся процедур подготовки и принятия плановых решений, распределения инвестиционных средств, людских, материально-технических и финансовых ресурсов.

Другая часть предложений сформулирована конференцией в терминах программно-целевых решений в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Речь идет о включении в государственные перспективные планы социального и экономического развития целевых комплексных научно-технических, экономических и социальных программ, а также программ развития отдельных регионов и территориально-производственных комплексов.

К числу важнейших регионально-экономических программ, разработка и реализация которых во многом определит место Сибири в территориальном разделении труда до 2000 г., отнесены:

— развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса;

- формирование энергопромышленных комплексов Ангаро-Енисейского региона, включая Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс;
- повышение роли Кузбасса как поставщика топлива в европейские районы страны и на Урал;
- формирование развитого агропромышленного комплекса в южных районах Сибири и на этой основе подъем всего сельскохозяйственного производства;
- использование, охрана и рациональное воспроизводство природных ресурсов озера Байкал;
- хозяйственное освоение зоны Байкало-Амурской магистрали;
- интеграция хозяйства Сибири, Казахстана и Средней Азии, включая возможную переброску части стока сибирских рек в южные районы.

Научная подготовка, необходимая увязка этих программ с соответствующими разделами народнохозяйственных планов, с материальными и финансовыми ресурсами, наконец, их формирование и реализация означали бы выход производительных сил региона на качественно новый уровень обобществления социалистического производства.

Конференция выдвинула ряд первоочередных мероприятий, направленных на решение этой проблемы, и общих для перечисленных региональных программ:

1. Организация комплексных экспедиционных исследований, научная подготовка программ (с учетом опыта подготовки программы хозяйственного освоения зоны БАМа) с условием назначения головных организаций на весь жизненный цикл программы от предплановой подготовки до реализации.

2. Необходимое бронирование финансовых ресурсов за каждой программой в пятилетних планах, чтобы исключить возможность необоснованного с точки зрения целей программы отраслевого пересмотра их проектировок и обязательств и обеспечить опережающее создание строительной базы, формирование единой производственной и социально-бытовой инфраструктуры.

3. Централизованное финансирование строительства инфраструктурных объектов по единому плану реализации целевой программы с возложением координирующих и контрольных функций на вышестоящие органы планирования и управления, включая органы управления ТПК.

4. Значительное расширение или организация заново на заводах СССР массового производства мощной специализированной техники, адаптированной к сибирским условиям (буровое, нефтепромысловое оборудование, газоперекачивающие агрегаты, трубоукладчики, землеройная техника, автомобили, средства автоматизации и др.).

5. Предоставление Сибири — исходя из дефицита трудовых ресурсов и повышенной отдачи здесь от трудосберегающей политики — приоритета перед другими районами в осуществлении общесоюзной программы сокращения ручного труда.

В качестве важного средства реализации крупных региональных программ конференция рекомендовала предплановую подготовку, планирование и управление процессом формирования территориально-производственных комплексов, предусмотрев для этого в подсистеме «территориальное планирование и размещение производительных сил» АСПР Госплана СССР блок формирования ТПК. В состав этого предложения вошли рекомендации по двухуровневому управлению региональной программой с включенными в нее ТПК.

Конференция предложила также целый ряд программно-целевых решений социальных, экономических и научно-технических проблем развития производительных сил Сибири. Здесь в первую очередь следует отметить предложения по разработке специальных целевых программ решения назревших социальных проблем Сибири:

— Программа социально-экономического развития региона, включающая частные программы, направленные на повышение уровня жизни сибиряков, развитие городов, снижение миграции и текучести в ведущих отраслях хозяйства, решение жилищной проблемы, а также социальное развитие сибирского села.

— Программа «Здоровье человека в Сибири», включающая дифференцированные по территориально-экологическим критериям подпрограммы «Здоровье человека на Севере», «Здоровье человека на БАМе», подпрограммы по отдельным отраслям хозяйства.

— Программа «Экология, охрана окружающей среды Сибири», включающая научные исследования, разработки и практические мероприятия по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» (1978 г.).

— Региональная программа развития научно-образовательного потенциала, предусматривающая широкое участие отраслевых НИИ, вузов и других заинтересованных учреждений под руководством СО АН СССР, нацеленная на сбалансированное развитие науки и образования в составе производительных сил Сибири.

Конференция рекомендовала в качестве первоочередных задач развития исследований по научной программе «Сибирь» расширение и углубление фундаментальных исследований на стыках научных направлений, представленных в программе; дополнение ее новыми подпрограммами для обеспечения тематической завершенности и полноты междисциплинарного комплекса научных исследований по разви-

тию производительных сил Сибири, а также включение программы «Сибирь» в качестве составной части комплексной программы научно-технического прогресса СССР на двадцатилетнюю перспективу.

А. П. Дубнов

РАЗВИТИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ТУВИНСКОЙ АССР — КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

Перед Всесоюзной конференцией по развитию производительных сил Сибири (июнь 1980 г.) в Кызыле было проведено научно-практическое совещание, посвященное проблемам развития производительных сил Тувинской АССР. В нем участвовали около 500 человек, в том числе 140 представителей союзных и республиканских организаций, научно-исследовательских и проектных институтов и т. д. На совещании было заслушано более 30 докладов и сообщений, посвященных народнохозяйственным, межотраслевым, отраслевым и социальным проблемам. Как отмечалось в докладе первого секретаря Тувинского обкома КПСС Г. Ч. Ширшина, после вхождения Тувы в состав СССР в развитии ее экономики достигнуты большие успехи, главное, — создана крупная промышленность; на основе кардинального преобразования экономики происходят и коренные социальные изменения. Однако современный уровень развития хозяйства не отвечает потенциальным возможностям республики, имеются еще значительные резервы повышения экономической эффективности производства. Предстоящее развитие республики связано с формированием территориально-производственного комплекса, ядром которого является горнодобывающая промышленность. При этом необходимо решить ряд проблем, первоочередные среди которых — создание надежной транспортной связи, крупных строительной и энергетической баз, становление аграрно-промышленного комплекса и др. Необходимо также усилить геологоразведочные работы с целью расширения минерально-сырьевой базы, последовательно решать вопросы охраны окружающей среды.

Проблемы формирования территориально-производственного комплекса в Тувинской АССР были специально рассмотрены в докладе директора ИЭОПП СО АН СССР акад. А. Г. Агапбеяна. По его мнению, качественно новый этап в освоении природных богатств республики будет связан с приходом железной дороги в Туву: транспортное освоение территории Тувы позволит вовлечь в хозяйственный оборот новые месторождения горючего и горно-химического сырья, облегчит строительство ГЭС и крупных тепловых станций, улучшит экономические связи республики с соседними районами Сибири и Монголией. В результате возникнут возможности для организации энергоемких химических и металлургических производств, глубокой переработки древесины.

Акад. В. А. Кузнецов (ИГиГ СО АН СССР) в своем докладе сообщил, что в металлургическом отношении Тува представляет собой интересный район, в котором выделяется несколько металлогенических зон редких и цветных металлов, небокситового сырья, полиметаллов и т. д. Могут возникнуть большие возможности для развития цветной металлургии, глиноземного производства. Докладчик выделил также месторождения флюорита и железных руд. Однако, поскольку минерально-сырьевая база республики изучена еще недостаточно, необходимо разработать программу геологопоисковых и геологоразведочных работ.

Выступления В. Р. Боева (СибНИИЭСХ СО ВАСХНИЛ), З. Е. Шипа (Министерство сельского хозяйства Тувинской АССР) и Ю. Г. Полуляха (Тувинский сектор СибНИИЭСХ СО ВАСХНИЛ) были посвящены важнейшим проблемам развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. Отмечалось, в частности, слабое развитие в республике семеноводства сельскохозяйственных культур, недостатки в использовании удобрений, освоении севооборотов, мелиорации земель. Особое внимание было уделено вопросам увеличения фондооснащенности сельского хозяйства Тувинской АССР, создания материально-технической базы семеноводства, мелиорации земель на основе строительства крупных нижеслойных систем с использованием надежных водонисточников; кардинальному развитию полевого кормопроизводства и лучшему использованию естественных кормовых угодий.

Ряд докладов и сообщений были посвящены вопросам формирования транспортной системы, прежде всего созданию новых для республики видов транспорта — железнодорожного, речного, трубопроводного, которые ускорят развитие экономики республики.

Директор Института клинической и экспериментальной медицины СО АМН СССР, акад. АМН В. П. Казначеев охарактеризовал современное состояние здоровья

населения, пути снижения заболеваемости, повышения продолжительности жизни, предложил разработать комплексную программу охраны здоровья населения и окружающей среды, аналогичную программе «Пятилетка здоровья», осуществляемой в Норильске.

Рассматривая проблемы формирования и использования трудовых ресурсов Тувы, трудоустройства производства с учетом сдвигов в отраслевой и территориальной структуре производства, изменение в естественном и миграционном движении населения, участники совещания концентрировали внимание на факторах повышения производительности труда, путях более рационального использования рабочей силы. Поскольку основным источником удовлетворения потребностей производства в кадрах становится молодежь, возрастает значение ее профессиональной подготовки и адаптации к современной технологии и технике. Большой практический интерес имеет исследование трудовых ориентаций молодого поколения.

Первый заместитель Председателя СО АН СССР акад. А. А. Трофимук отметил необходимость усиления научной обоснованности крупных хозяйственных решений, планов экономического и социального развития. Это ставит большие задачи перед научно-исследовательскими и проектными организациями, прежде всего подразделениями СО АН СССР, которые должны проводить широкие исследования по проблемам дальнейшего развития Тувинской АССР.

Региональное совещание приняло рекомендации по перспективному развитию производительных сил Тувы. В качестве главного ориентира выдвигается создание в одиннадцатой и двенадцатой пятилетках Тувинского территориально-производственного комплекса.

Определены меры по усилению и повышению эффективности геологоразведочных и научно-исследовательских работ, дальнейшему развитию горнодобывающей промышленности путем, в частности, строительства в период до 2000 г. новых предприятий, по формированию крупного топливно-энергетического комплекса. Предусмотрена дальнейшая специализация и концентрация сельскохозяйственного производства с целью увеличения объемов производства и повышения эффективности работы этой отрасли.

В одиннадцатой — двенадцатой пятилетках рекомендуется завершить проектные и изыскательские работы по трассе железной дороги и приступить к ее строительству, проработать вопрос о строительстве судоподъемника в створе плотины Саянской ГЭС, провести реконструкцию автомобильных дорог, осуществить меры по развитию речного и воздушного транспорта, средств телефонно-телеграфной и почтовой связи, телевидения. Важнейшим направлением в развитии народного хозяйства республики признано создание крупной строительной базы. Предусматривается увеличение мощностей строительных организаций, реконструкция и строительство новых предприятий (заводов железобетонных изделий, крупнопанельного домостроения, цементного завода и др.).

Для более полного обеспечения потребностей населения республики предлагается реконструкция действующих и строительство новых предприятий легкой, пищевой и местной промышленности (производство молока, мяса, масла, безалкогольных напитков, макаронных изделий, швейной и овчинно-шубной продукции, художественных изделий и сувениров). Намечены также мероприятия по повышению уровня жизни населения Тувинской АССР (рост душевого потребления товаров, бытовых, коммунальных услуг, обеспеченности жильем, детскими дошкольными учреждениями, создание рекреационных зон).

Совещание поставило вопросы дальнейшего развития науки и образования в Туве. В частности, рекомендуется создать комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР, подразделения СО АМН, политехнический институт, новые профессионально-технические училища. Признано необходимым также усилить подготовку кадров через аспирантуру в соответствующих научно-исследовательских институтах и учебных заведениях страны.

А. Н. Вегзи, К. О. Шакторжик

Р. Г. Яновский. Формирование личности ученого в условиях развитого социализма. Новосибирск, Наука, 1979. 284 с.

В марксистско-ленинской социологии проблема формирования и развития личности начала разрабатываться в последние годы. Значительный интерес представляют не только работы методологического и общего комплексного характера, но и работы об отдельных социальных группах советского общества. К ним относится и новая книга Р. Г. Яновского, который ставит задачу раскрыть формирование личности ученого зрелого социалистического общества в целостном виде.

Р. Г. Яновский прежде всего раскрывает фундаментальное положение марксистские условия с первых шагов социалистического строительства личности ученого. Исторически для сохранения политической и социальной индифферентности представителей науки как элемент социалистического государства, а последнее в свою очередь напало на условия для перестройки отношения ученого к социально-экономической действительности. Близость ученого к государственным решениям и к коренным направлениям политики пролетарского государства стала нормальным явлением. Под этим определяющим углом зрения формировались все последующие самостоятельные организации ученых. Благодаря связи научной мысли с мировоззрением рабочего класса впервые в истории раскрылась подлинная диалектика свободы творчества ученого с общественными условиями этой свободы. На ее фоне особенно отчетливо проступает торгашеский характер использования творческого потенциала ученого в буржуазном обществе (этому автор посвящает специальный параграф).

Значительный раздел книги составляет исследование конкретной специфики воздействия условий научной деятельности на формирование личности ученого. Синтезирующая характеристика условий научной деятельности отражается в понятии научная среда. Справедливо отмечается, что «...научная среда — это не абстрактное понятие, а социальная реальность со своими специфическими чертами, формой деятельности, со своими нормами поведения и местом в общественной системе» (с. 80). Подобный подход позволяет автору рассматривать действие объективных условий в единстве и взаимосвязи с субъективным фактором.

Особое внимание привлекается к роли мировоззрения в формировании личности ученого. Нельзя не согласиться с автором, что «мировоззрение советского ученого нечто большее, чем знание. Он — сын своего времени..., участник борьбы за социальный прогресс» (с. 82). Какое значение в данном случае приобретает субъективный фактор, показано на примере опыта работы философских методологических семинаров в научных коллективах Сибирского отделения АН СССР. Обобщение этого многолетнего опыта имеет самостоятельный теоретический и практический интерес, так как раскрывает, как обычные формы политического просвещения могут превращаться в действенное средство роста идейного уровня и методологической культуры научной интеллигенции. Показателем некоторый итог творческого обсуждения в научной среде СО АН СССР актуальных проблем политики КПСС, философских вопросов естествознания: лишь в 1977—1980 гг. Сибирским отделением издательства «Наука» издано 7 томов трудов методологических семинаров и подготовлено к изданию 4 тома.

Широко и конкретно автор ставит вопрос о месте социалистической демократии в формировании личности советского ученого. На многочисленных примерах иллюстрируется роль научных сотрудников в управлении обществом и деятельностью социалистического государства и Коммунистической партии в стимулировании общественной активности ученых.

Развитие советской науки представляет собой богатый материал для изучения такого важного фактора формирования личности ученого, каким является процесс сближения науки с производством. «Как считают многие исследователи, именно в сфере производственной, трудовой деятельности произойдет органическое соединение умственного и физического труда...», в первую очередь это достигается благодаря непрерывному внедрению научных результатов в широкую производственную практику» (с. 93). Здесь автор вновь — и совершенно правомерно — обращается к опыту Сибирского отделения АН СССР.

Дело заключается в том, что при организации этого научного центра на востоке страны наиболее полно были использованы объективные тенденции к взаимопроникновению наук, их комплексированию, индустриализации и интенсификации научного труда. Это позволило в свою очередь обеспечить успешный выход на крупномасштабные, длительные связи с производством, ставить задачи всестороннего изучения промышленности в огромных регионах, непосредственно подключаться к многообразным аспектам формирования территориально-промышленных комплексов. Отсюда вытекает опыт создания НИИ, КБ министерств и ведомств, работающих под надежным руководством Сибирского отделения АН СССР («поле внедрения»). Большое научное руководство Сибирского отделения АН СССР научно-технического сотрудничества с промышленными министерствами и крупными предприятиями промышленности и сельского хозяйства, преследовавшие цель получения интегрального эффекта от комплексного внедрения научных достижений, с последующим переносом результатов на отрасль.

После поездки Л. И. Брежнева по восточным районам страны ученые Сибири, используя идеи программно-целевого подхода, разработали комплексную программу «Сибирь», которая знаменует собою переход усилий ученых и производственников, партийных и хозяйственных организаций на новый уровень.

В этом движении по ступеням обобщения науки и производства вырабатывается стиль деятельности ученого, черты его личности, в наибольшей мере отвеча-

чающую оттопленным зрелого социалистического общества. Обобщение указанного опыта — удача и заслуга автора. Отметим здесь также сравнительно новый момент, внесенный в трактовку проблемы формирования личности ученого — показ его общественного долга в решении сложных задач охраны природы.

Книга заканчивается главой, посвященной вопросам партийного руководства деятельностью научных коллективов применительно к теме исследования. Постановление Центрального Комитета КПСС о предоставлении права контроля деятельности администрации учреждений, НИИ, вузов предусматривает умелое применение принципов партийного контроля в сфере науки, требует от партийных организаций глубоко изучать тонкий механизм организации исследовательского процесса, правильно оценивать научный вклад ученого и коллектива, создавать условия для подготовки научной смены. Читатель найдет в книге немало страниц, обобщающих опыт идеологической работы и показывающих особенности социалистического соревнования в научных коллективах.

Книга снабжена квалифицированным справочным аппаратом.

В целом рецензируемая работа Р. Г. Яновского вызвала, как нам кажется, усиление интереса к изучению различных аспектов формирования личности советского человека как в целом, так и применительно к отдельным социальным группам. Она стала полезным пособием для преподавателей научного коммунизма, пропагандистов, ученых.

М. П. Чемоданов

Л. Н. Ульянов. Трудовой подвиг рабочего класса и крестьянства Сибири 1945—1953 гг. Исторический опыт борьбы КПСС за восстановление и развитие сельского хозяйства крупного региона страны. Томск, 1979, 188 с.

Книга Л. Н. Ульянова посвящена трудному, героическому и вместе с тем малоизученному периоду в истории советского общества — послевоенным годам. Процесс восстановления сельскохозяйственного производства рассматривается автором как дело не только колхозного крестьянства, но и рабочего класса города и деревни. В связи с этим большое внимание уделено вопросам шефской помощи промышленными предприятиями города селу при решении проблемы укрепления материально-технической базы сельскохозяйственного производства. В книге показан размах социалистического соревнования на сибирских заводах, объем продукции, выпускаемой ими для нужд села, вклад рабочего класса в дело электрификации сельскохозяйственного производства.

Проблема восстановления и развития сельского хозяйства исследуется Л. Н. Ульяновым комплексно. В его книге получили освещение вопросы как социально-политического характера (активизация партийно-политической работы, улучшение качественного состава кадров сельского хозяйства), так и экономического (укрепление материально-технической базы колхозно-совхозного производства, борьба за восстановление его основных отраслей).

Автор показывает также те трудности и недостатки, которые приходилось преодолевать на пути организационно-хозяйственного укрепления колхозов — основного хозяйственного организма села. При этом он не ограничивается и не сводит дело лишь к борьбе с нарушениями Устава сельскохозяйственной артели, имевшими место в послевоенный период. Л. Н. Ульянов анализирует мероприятия по улучшению организации, оплаты и дисциплины труда в колхозах, укрупнению сельхозартелей. В заключительной главе автор излагает результаты исследования вопроса улучшения материального положения колхозников, работников МТС и совхозов, а также раскрывает формы социалистического соревнования как проявления трудовой активности и инициативы сельских тружеников.

Необходимо отметить, что Л. Н. Ульянов рассматривает названные проблемы на материалах Сибири — огромного и своеобразного региона страны, по которому до сих пор нет обобщающей капитальной работы исторического характера. Освещая те или иные показатели развития сельского хозяйства и крестьянства Сибири, автор, как правило, прибегает к сравнению их с данными по СССР, РСФСР и отдельным административно-экономическим районам страны. Это позволяет проследить специфику Сибири на фоне общих закономерностей развития сельского хозяйства страны. Л. Н. Ульянов исследует многие экономические показатели в Сибири за годы войны по сравнению со страной в целом и некоторыми экономическими районами и устанавливает, что, несмотря на огромный ущерб, понесенный сельским хозяйством Сибири, здесь также удалось сохранить основную экономическую базу для дальнейшего развития колхозно-совхозного производства.

Анализируя численность колхозного населения и делая вывод об уменьшении его в Сибири в большей степени, чем в целом по стране, Л. Н. Ульянов вскрывает причины этого явления, указывает пути и источники решения кадровых проблем. Автор высказана интересная, но не бесспорная мысль о том, что большая теку-

честь специалистов массовых профессий и руководителей производства в первые послевоенные годы была естественной и не являлась, главным образом, результатом ошибок партийных и других директивных органов, как утверждалось ранее в исторической литературе. Существовавшее до 1953 г. сосредоточение специалистов сельского хозяйства в основном в учреждениях и организациях исследователь признает наиболее целесообразным и объясняет неизбежность этого недостатком их численности, необходимостью охвата их влиянием всех сельскохозяйственных предприятий.

Освещая вопрос развития сельскохозяйственного производства, автор вскрывает причины снижения экономических показателей в земледелии в 1947 г. по сравнению с 1946 г., а также замедления темпов роста зернового хозяйства после 1950 г. Все это свидетельствует о том, что исследование носит аналитический характер.

Укрупнение сельхозартелей рассматривается Л. Н. Ульяновым как определенный этап концентрации колхозного производства, способствующий решению не только производственных, но и социальных задач. Но, к сожалению, автор не дает сопоставления хозяйственных показателей укрупнившихся и оставшихся неукрупненными колхозов за 1950—1953 гг. Без этого не выглядит доказательно мысль о том, что в крупных хозяйствах значительно возросли возможности более полного использования преимуществ социалистических предприятий.

Большой заслугой Л. Н. Ульянова является использование большого документального материала, сравнительное и критическое его осмысление. Однако в книге, по существу, нет анализа источниковой базы. Автор ограничился лишь формальным перечислением тех архивов, документы которых использовал. Для работы подобного рода анализ источников, на наш взгляд, необходим.

Л. Н. Ульянов в своем исследовании поднимает обширный круг проблем, связанных с развитием сибирской послевоенной деревни. Но заметим, что раскрыты они не все в равной мере. Сравнительно небольшой объем книги, видимо, не позволяет сделать этого. В результате недостаточно освещены, по нашему мнению, такие вопросы, как решение проблемы трудовых ресурсов в колхозах; специфика развития национальных районов Сибири, улучшение материального положения колхозников, количество показателей материального положения привело к подмене анализа простым перечислением достигнутых результатов. Роль личного подсобного хозяйства показывается лишь на основе данных В. Б. Островского (с. 160), а на сибирских материалах, по существу, не раскрывается. Слабо отражена специфика развития совхозов, хотя автор стремится охарактеризовать состояние колхозно-совхозного производства, роль рабочего класса и крестьянства. Так, при анализе общественного животноводства Л. Н. Ульянов лишь ссылается на исследование И. Е. Зеленина (с. 144), который пишет о том, что «в совхозах бывших тыловых районов довоенное поголовье скота было восстановлено к середине четвертой пятилетки, а к концу в них было скота значительно больше, чем в 1940 г.» Этим в основном и ограничивается показ роли совхозов Сибири в развитии животноводства.

В целом же книгу Л. Н. Ульянова можно оценить как важный шаг в изучении послевоенной деревни — проблемы чрезвычайно сложной и недостаточно исследованной.

И. Б. Карпунина

А. Т. Топчий. Крестьянские реформы в Сибири (1861—1899 гг.). Томск, Изд-во ТГУ, 1979, 277 с.

В поле зрения автора находится комплекс преобразовательных мер царизма в сибирской деревне и в казачьей станице, методы их реализации и влияние на экономическое развитие хозяйства крестьян и казаков. Работа охватывает территорию от Урала до Дальнего Востока. А. Т. Топчий проследил перипетии политики правительства по аграрно-крестьянскому вопросу на разных этапах, показал типичность процессов для всей Сибири и особенности их в отдельных ее регионах. Крестьянские реформы рассматриваются автором в отношении всех категорий крестьян и казаков. Впервые предпринята попытка комплексного подхода к изучению данной проблемы. В книге расширен предмет исследования географически (за счет Восточной Сибири) и тематически (за счет включения казаков), ставятся новые вопросы (подготовка реформ в Сибири).

В советской историографии слабо освещен вопрос о подготовке реформы 1861 г. для Сибири. Посвятив этому главу, А. Т. Топчий выявил много общего в проектах помещиков Сибири и Центральной России. Он опроверг ошибочное мнение, будто в Сибири помещики были безразличны к реформе и соглашались на любые условия. Напротив, как и в Европейской России, они стремились отрезать значительную часть земли у крестьян, обеспечить на будущее свои хозяйства дешевыми рабочей силой и получить большие выкупные платежи (с. 41, 42). В монографии раскрывается грабительская политика Кабинета, который в своих притязаниях к мастеровым

шел по тому же пути, что и помещики. Большое внимание уделено деятельности сибирской администрации, которая была вынуждена выступать с позиций некоторого ограничения безмерных аппетитов помещиков и Кабинета, хотя в самом главном и существенном поддерживала их. Органы центральной власти, подавшие этим вопросам, при выработке местных положений, склонялись на точку зрения сибирской администрации, которая под видом «приспособления их к местным условиям» изменяла основные положения, выдвигая в своих проектах на первый план реформирование местного управления крестьян, расширение и укрепление над ними полицейского надзора и отказывая крестьянам и казакам в праве собственности на землю.

Центральное место в монографии занимает вопрос о проведении реформы в жизни. История вопроса дополнена новыми сведениями и фактами. А. Т. Топчий убедительно показал, что реформа помещичьих крестьян в Сибири провалилась. Правительству пришлось скупить помещичьи имения, так как попытки закрепить временнообязанные отношения не удалось. В монографии воссоздается проводимая Кабинетом политика обезземеливания мастеровых, применение специально разработанной системы задатков и других мер, которыми предполагалось законсервировать принудительный труд на кабинетских заводах. Споры с правительственными учреждениями за меру уступок Кабинет решал в свою пользу.

Раздел о реформе на государственных землях Сибири содержит важные наблюдения по вопросам преобразования общественного управления и его подчинения полицейскому надзору, ликвидации посредничества земских заседателей и введения института чиновников по крестьянским делам. Выделяя в реформе казачьих войск в Сибири несколько этапов, автор на конкретно-историческом материале показал, что в 1861—1880 гг. законодательство исходило из необходимости предоставления уступок казачеству, а в 1880—1905 гг. царизм проводит открытый курс на реставрацию и усиление феодальных пережитков, оставленных реформой (с. 176). Вывод А. Т. Топчего, что замыслы реформаторов потерпели крах, согласуется с феодальными приемами, которые лежали в основе всех мер правительства и сибирской администрации.

Как и на первом этапе, реформы в области землеустройства, налоговой системы и административного управления государственными крестьянами и на землях Кабинета 1896—1899 гг. вызвали борьбу внутри правительственного лагеря за меру и форму уступок. В монографии рассматривается эволюция проектов и взглядов реформаторов от буржуазных до крепостнических методов реформирования. В связи с победой крепостнического курса в политике основные усилия автора направлены на то, чтобы осветить, как на реформах крестьян отразилась «откровенно крепостническая линия» правительства. А. Т. Топчий склонен рассматривать их как движение назад, как политику реставрации феодально-крепостнических пережитков в области крестьянского землепользования, податного обложения и административного управления.

Раскрытая в монографии А. Т. Топчего реакционная, охранительная тенденция, заложенная в правительственных реформах в Сибири, по вызывает сомнений. Однако автор исходит из ошибочного, на наш взгляд, представления о землеустройстве в Сибири. Помещичьи по характеру он считает и кабинетские, и монастырские, и казачье-офицерские земли. А. Т. Топчий утверждает, что реформа «в лице Кабинета укрепила частную собственность казны на землю» (с. 276). В соответствии с этим все категории крестьян в Сибири, в том числе государственные и даже казаки, рассматриваются как крепостные (с. 12, 17, 22, 24), а эксплуатация помещичьих и приписных крестьян в Сибири, по мнению автора, не уступала помещичьим крестьянам европейской части России (с. 23, 33, 34). Сделав акцент на поиск общих черт в крестьянских реформах центра страны и Сибири, автор неполно раскрыл их особенности на окраине. Необоснованно отрицаются буржуазные черты в землеустроительной и податной реформах в Сибири конца XIX в.

Автор переносит оценки, применимые к надстройке, на социально-экономический строй крестьянства Сибири второй половины XIX в., считая сложившиеся после 1861 г. отношения в сибирской деревне полукрепостническими (с. 184, 185 и др.). С этим нельзя согласиться по той простой причине, что в пореформенный период определяющее влияние на социально-экономическое развитие деревни оказывал капиталистический способ производства. В период после отмены крепостного права можно говорить об остатках феодализма в социально-экономическом строе, но отнюдь не крепостничества.

В соответствии с основополагающим тезисом В. И. Ленина о реформе, как побочном продукте революционной ситуации, призванной изменить уклад жизни феодально-зависимого населения (им часто руководствуется А. Т. Топчий — с. 38, 273 и др.), в первой главе напрашивалась постановка вопроса о классовой борьбе в Сибири накануне реформы. Это придавало бы большую убедительность всей аргументации, развиваемой в монографии, яснее стало бы, почему царизм вынужден был пойти на саму реформу.

Реформы правительства слабо увязываются с социально-экономическими изменениями в сибирской деревне, с потребностями капиталистического развития. Отдельные замечания на этот счет тонут в общих материалах законодательного характера. Наконец, при рассмотрении разногласий в правительственных кругах за меру

и форму уступок весьма часто за термином «реформаторы» скрываются неизвестные политические деятели, особенно в вопросе подготовки реформы. Спорные и нерешенные вопросы не могут заслонить положительной в целом оценки монографии А. Т. Топчего.

Л. М. Горюшкин, В. И. Пронин

Т. С. Мамсик. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40—90-е годы XVIII в. Новосибирск, Наука, 1978. 204 с.

Учитывая углубленный интерес к проблематике истории русского крестьянства, вряд ли стоит обосновывать актуальность обращения к крестьянскому побегу, этой традиционной форме классовой борьбы народных масс в феодальной России.

Проблема бегства приписных крестьян и мастеровых Западной Сибири в 40—90-е гг. XVIII в. и борьба с ним властей впервые в специальной литературе решается комплексно. Убедительны хронологические рамки работы. Именно в этот период завершилось оформление статуса приписной деревни Сибири. В историографическом разделе решение общих направленных поставленных вопросов удачно сочетается с характеристикой вклада отдельных историков в их разработку. Исследование Т. С. Мамсик базируется на массивном архивном и отчасти опубликованном материале. Представляет интерес предложенная автором классификация источников, которая одновременно исходит из тематического и делопроизводственного принципов. Составленная по обработанным источникам именная (более чем на 2,5 тыс. беглецов) картотека послужила основой количественных показателей для характеристики бегства (табл. 7). В качестве источника использованы также фольклорные записи легенд и процесс осмысления бегства в крестьянском сознании и обратное воздействие сложившихся представлений на характер поведения беглецов. Уточнена и историческая основа некоторых легенд (например, о Селезневых). Это, несомненно, большая заслуга автора рецензируемого исследования.

Основные выводы автора достаточно аргументированы и не вызывают возражений. Т. С. Мамсик, вылив в собранный материал динамические во многом сопоставимые статистические ряды, впервые в советском сибиреведении дала количественную характеристику побега (с. 31—38, 138—143). Установлен (разумеется, относительно населения округа: 937 мастеровых и 968 приписных крестьян, что составило от 7,3 до 5% всего местного населения (с. 32); соотношение среди беглых местных и приехавших извне, последних — 714 чел., или 27% всех побегов (с. 52); их распределение по годам; сословно-социальный состав; проведена оригинальная классификация беглых по способу существования в побеге: работники — 38%, колонисты — 35% и разбойники — 27% (с. 71). По основным группам беглых дана количественная характеристика соотношения способов осуществления побегов, их длительности, характера, возрастного и профессионального состава беглецов-мастеровых (с. 36—45, 58, 71).

В работе наглядно показана несостоятельность утверждений о том, что в XVIII в. в Сибири беглому российскому крестьянину почти невозможно было скрыть свое происхождение и место выхода (с. 53). По мнению автора, укрывательству беглых способствовала позиция местной феодальной администрации (с. 134).

Интересны наблюдения об особенностях социально-экономических мотивов бегства у местного приписного и приехавшего извне населения, о преимущественно индивидуальном характере побегов, наличии у беглых временных промысловых и земледельческих товариществ, об организации и судьбе общины алтайских беглецов-«каменщиков», о месте побега в общей системе нравственно-правовых, социально-политических и религиозных представлений крестьянства, сложной диалектической связи побега со «скрытой экономической борьбой» крестьян за повышение доходности хозяйства путем нелегального найма беглецов и более развитыми формами коллективного социального протеста.

Научно значимым является вывод, что эволюция крестьянских взглядов на побег происходила по двум линиям: с одной стороны, в рамках древнехристианской, с другой — фольклорно-бытовой традиции. Свежо аргументирована важная мысль о том, что исторически несостоятельные попытки труженников полностью порвать с феодальными отношениями имели подчас конкретные положительные результаты, а, главное, активизировали в крестьянстве дух бунтарства. Удалось автору сказать свое слово при анализе системы сыска на Алтае, эволюции правительственной политики и законодательства о беглых в России второй половины XVIII в.

Новаторски разрешена сложная проблема выделения критерия объекта исследования. Установив, что правительственная трактовка побега (любой самовольный уход за 30 верст от места жительства) расширяет, а крестьянская трактовка (уклонение от исполнения повинностей и уплаты податей) сужает дефиницию «побега», Т. С. Мамсик анализирует в качестве побега «то явление социального протеста, ко-

которые нашли отражение как побег в документах сына, статистике населения и статистике преступлений и в качестве таковых преследовались администрацией» (с. 4, 34, 52). Это позволило, как справедливо отмечает автор, «исследовать, во-первых, реальный побег, во-вторых, сам процесс борьбы, с одной стороны, за сужение, а с другой — за расширение этого понятия» (с. 33).

Некоторые наблюдения и выводы автора имеют значение для решения других сложных и дискуссионных проблем. Таковым является вывод о том, что «не все приписалцы платили подушный оклад», что «типичной для колонизируемой окраины ситуацией является такая, когда беглецы жили не только в работниках у старожилов, но и самостоятельным неподатным хозяйством» (с. 54, 57, 65, 170). Это весомый аргумент в пользу некрепостнического статуса приписной деревни. С другой стороны, выявленные факты можно увязать с распространенным у податных Сибири наличием утаенных от податей угодий, что дает основания подходить по-новому к решению спорного вопроса об особенностях поземельных отношений в Сибири в период позднего феодализма¹.

Исследование Т. С. Мамсик не свободно от некоторых недостатков. В историографической части книги несколько неопределенной выглядит общая оценка взглядов советских историков 60—70-х годов на роль беглых в заселении Западной Сибири и Алтая. Не достаточно четко проведена мысль, что к концу XVIII в. побег в абсолютных цифрах растут, но относительно количества населения удельный вес беглых сокращается. В отношении крестьян этот тезис выглядит слабо аргументированным (с. 45). Вопрос об особенностях бегства из приписной деревни, по сравнению с казенной, только намечен.

Высказанные замечания не снижают общего хорошего впечатления об исследовании Т. С. Мамсик. Крайне слабая изученность, сложность и дискуссионность проблемы оправдывают избирательность в постановке и разработке выделенных вопросов, а недочеты нередко несут и положительную нагрузку — помогают определить тематику последующих исследований.

Г. Ф. Быконя

В. П. Жуков. Семантика фразеологических оборотов. М., Просвещение, 1978.

Рецензируемая книга предложена ее автором как учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». Она посвящена изучению сложной и малоизвестной области современного русского языка — фразеологической семантике. Что такое фразеологическая семантика, в чем она сближается с лексической и что отличает ее от лексической семантики; как соотносится значение фразеологического оборота с семантикой его компонентов; структура фразеологического значения; взаимозависимость фразеологической семантики и валентности фразеологизмов — вот те наиболее сложные вопросы современной фразеологии, которые В. П. Жуков старается проанализировать в трех главах этой книги, исходя главным образом из собственных наблюдений над спецификой фразеологической семантики, отраженных в многочисленных работах автора, написанных за последние двадцать лет. Правда, в редких случаях автор книги ссылается на работы и других лингвистов, но эти ссылки, как и подбор дополнительной литературы, помещенной в конце каждой главы, не отражают объективного развития науки о фразеологической семантике. Читатель, специалист в вопросах фразеологии, с недоумением замечает, почему, например, автор книги обходит молчанием работы известных советских лингвистов (А. И. Молоткова, А. М. Бабкина, В. М. Мокшенико, Б. А. Ларина, В. А. Архангельского, Л. И. Ройзензона), прямо или косвенно связанные с проблемой фразеологической семантики.

Я вынужден обратить внимание на этот факт потому, что книга, опубликованная как учебное пособие, должна не только просвещать студентов, но и воспитывать у них правильное отношение к известным ученым, определяя объективную оценку их деятельности в изучаемой области знаний.

Содержание работы представлено в ста двадцати четырех параграфах, расположенных логически последовательно. Каждый из них — необходимое звено в общей цепи сведений, всесторонне характеризующих фразеологическую семантику. Наиболее важными не только для учебно-просветительских целей, но и для лингвистической науки вообще являются первая и вторая главы работы, «Структура фразеологического значения», «Семантическое соотношение компонента фразеологизма со словом». Нигде в лингвистической литературе не представлены с такой полнотой и последовательностью, как в первой главе рецензируемой работы, сведения о соотношении фразеологического значения с лексическим, о семантических признаках фра-

зеологического значения, о категорially обобщающем значении фразеологизма, об оценочном значении фразеологизма. Разумеется, выделение этих значений в известной мере искусственно, это абстракция, своеобразный конструкт, потому что во фразеологической семантике они, эти значения, существуют в единстве. Но без этого нельзя обойтись при анализе любого явления.

Следует заметить, что не все утверждения автора, выраженные в первой главе, обоснованы. Некоторые из них носят априорный характер и недостаточно понятны и убедительны. Так, например, на с. 16 В. П. Жуков пишет: «Фразеологическое значение образуется в результате слияния понятийного содержания с категорiallyным значением (если оно налично)». Что может понять студент из этого утверждения? И так ли действительно образуются фразеологические значения, если иметь в виду, что в содержании фразеологических оборотов преобладает коннотативное значение? Нельзя безоговорочно принять другое утверждение автора (с. 18): «В смысловой структуре фразеологизма внутренняя форма не способна выступать в качестве дифференциального или смыслообъединяющего (интегрального) значения». Если внутренняя форма сохранилась во фразеологической единице и продолжает мотивировать ее значение и оценочность, почему она должна носить сопутствующий характер?

Требуется доказательных пояснений с конкретным анализом фразеологического материала содержание § 27 первой главы, где автор справедливо утверждает, что категорiallyное значение фразеологизма характеризуется высокой степенью отвлеченности и что поэтому оно не затрагивает реального содержания фразеологизма. Надо бы пояснить, что понимается под категорiallyным значением фразеологизма в отличие от категорiallyного значения слова. Вместе с тем это утверждение вызывает законный вопрос, почему категорiallyное значение сопутствует реальному содержанию и во фразеологизме и в слове. Не точнее ли сказать: оно само определяется их реальным содержанием.

Во второй главе подробно охарактеризовано семантическое соотношение компонента фразеологизма со словом, их несоизмеримость, представлено описание семантических свойств фразеологических компонентов, определены признаки семантического центра фразеологизма, рассмотрены фразеологизмы с варьируемыми компонентами.

К сожалению, и в этой главе есть спорные утверждения, а главное из них: «Компоненты фразеологизма лишены собственно семантических признаков слова» по существу неверно. Каждый компонент фразеологизма — это знак, у которого есть означающее и означаемое. Это означающее у компонента мы воспринимаем, интуитивно сопоставляя компонент с соответствующим словом в лексической системе языка.

Если согласиться с мнением В. П. Жукова (следует заметить: этого мнения придерживаются многие специалисты по фразеологии), то трудно себе представить, как осуществляется понимание содержания фразеологических оборотов при их восприятии. Ведь если даже один из компонентов фразеологического оборота нам неизвестен из-за отсутствия соответствующего слова в языке, содержание такого оборота оказывается скрытым для нас. Так, например, нельзя было бы объяснить значение сибирского диалектного фразеологизма «ни с виру, ни с болота» и уж тем более мотивировать его семантику, не определив значение компонента «виру» — «провал, топь, трясина». В результате становится понятным значение всего фразеологизма «ни с виру, ни с болота» — «не известно откуда взялся, появился кто-либо».

То же можно сказать об усвоении содержания фразеологизмов при изучении иностранных языков. Фигуральность семантики фразеологизмов в полной мере становится понятной, если понятия соотносимы с их компонентами слова в соответствующем значении и синтаксическая модель сочетаемости компонентов. В компоненте мы узнаем слово, хотя, разумеется, лексическое значение компонента ослаблено.

Отмеченные и другие спорные положения книги не умаляют ее достоинств, они — неизбежный показатель молодости сложной фразеологической теории, признаков ее становления.

Третья, небольшая по объему глава рецензируемой книги «Парадигматическое и синтагматическое отношения фразеологизмов» логически завершает характеристику семантических признаков фразеологических оборотов. В ней подробно рассмотрены причины, ограничивающие полисемию фразеологизма в отличие от полисемии слова, обоснованы критерии синонимичности фразеологических оборотов, охарактеризована специфика сочетаемости фразеологизмов. Все эти сведения важны не только для углубления понимания сложных вопросов фразеологической семантики, но и фразеологии вообще как особого уровня языка.

Заключая характеристику рецензируемой книги, должен сказать, что она — глубокий научный труд, обобщающий сведения о фразеологической семантике, углубляющий понимание этого сложного явления на основе анализа значительного и разнообразного фактического материала. Она отражает современное состояние фразеологии как раздела языкознания и существенно обогащает лингвистические знания студентов-филологов, но понимание ее содержания потребует от них дополнительного изучения фактического материала с помощью профессоров и преподавателей (у которых, надо полагать, эта книга найдет признание и высокую оценку).

А. И. Федоров

¹ См. Быконя Г. Ф. Поземельные отношения русского населения Восточной Сибири в XVII—XVIII вв. (Материалы к спецкурсу и спецсеминару). Красноярск, 1979.